

КОЩЕЕВА АЛЁНА ИЛЬНИЧНА

ХРОНИКИ ВЕЧНОСТИ

18+

Алёна Ильинична Кощеева

Хроники Вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63636426

SelfPub; 2021

Аннотация

Хуже быть не может? Может – отвечает вам вселенная и вот вы уже безработный, бездомный и совершенно беспомощный человек, потерявший семью и друзей. Параллельный мир, виртуальный мир, альтернативный мир – все эти знакомые по фантастическим романам понятия на самом деле не имеют никакого отношения к настоящей действительности. Ведь каждый из нас живет в Персональном мире.

Виктор – перспективный молодой специалист вдруг перестает понимать происходящие вокруг него события. Неприятности накручиваются по спирали, словно пружину сжимаемая пространство и забирая все самое ценное и дорогое. Что должен делать обычный человек, который всегда жил как все, чтобы изменить реальность. Остановить время и перезапустить мир?

И что станет с Виктором, когда спираль, наконец-то, разожмётся? Ответы на эти вопросы вы узнаете, прочитав роман, который держит в напряжении до последней страницы.

Содержание

1	7
2	13
3	19
4	26
5	33
6	39
7	45
8	52
9	59
10	68
11	75
12	83
13	90
14	99
15	107
16	116
17	124
18	132
19	140
20	150
21	159
22	167
23	175

24	183
25	190
26	198
27	208
28	216
29	224
30	232
31	240
32	247
33	255
34	263
35	271
36	279
Памятка администратора миров	287
37	293
38	301
39	309
40	317
41	326
42	334
43	342
44	350
45	358
46	365
47	373
48	381

49	388
50	395
51	402
52	410
53	417
54	425
55	433
56	440
57	448

Алёна Кощеева

Хроники Вечности

Моей любимой маме посвящается.

Свобода – это то, что внутри.

1

Если допоздна сидеть за компьютером, наутро голова превращается в огромный колокол. И при каждом шаге тяжелый металлический язычок бьет сначала в один висок, потом в другой. Сутулясь и потирая глаза, Витя прошел на кухню сделать живительного утреннего напитка – кофе. На часах девять-ноль-пять. Пора начинать трудовой день. Удаленная работа – самое большое надувательство. Поначалу кажется, что сэкономишь время: не едешь в городском транспорте, не стоишь в очередях, не болтаешь попусту. Но на самом деле, тратишь больше. Причем в никуда – посмотреть в окно, сделать кофе, пролистать ленту в социальных сетях, поразглядывать узор на обоях, поковырять ногти, посмотреть на себя в зеркало, поговорить с отражением. И еще много нелепых занятий. Одержимо стараешься убрать всё лишнее, выполнить работу эффективно, чтоб клиенты были в восторге от сбалансированного треугольника «цена-сроки-качество», а в итоге работаешь круглосуточно. С другой стороны, чтоб много получать, надо много вкладываться.

На кухонном столе несколько грязных чашек, рассыпался сахар и валяются чайные пакетики. На порядок нет времени. Найдя новую упаковку дешевого растворимого кофе, Виктор набрал воды в пятнистый от копоти чайник и поставил его на плиту. Повернул ручку на газовой плите, клацнул за-

жигалкой, но не увидел ни единого синего огонька. Включил ещё раз – никакого шипения поступающего газа? Плита поломалась? Нет, вчера всё было в норме. Значит, нет газа. В двадцать первом веке, в культурной столице нет газа, занято. Может, всех переводят на электричество? Надо было глянуть объявление на подъезде. Наверняка никогда не виданные им работники коммунальных организаций что-то писали об этом. Ладно, как говорится «утро начинается не с кофе» – подумал Витя и пошел в туалет. Включил свет, но лампа не загорелась. Вода-то есть? Открыл кран – кряхтит, пыжится, выдал пару капель, а дальше глухое сопение. «Здравствуйте. Что это значит?» – подумал и присел на табурет, – «Делать-то что?». Исступленно побрел в комнату, включил ноутбук. Тот зажужжал, весело протрезвонил «привет» на своём машинном языке и выключился. Ну да, батарейка-то тютю, сдохла. Вот она – неприспособленность человека к внештатным ситуациям. Виктор почувствовал себя беспомощным и распахнул шторы, чтоб впустить дневного света в темную берлогу холостяка. С двадцатого этажа обычно не много людей видно, а сегодня и вовсе пустынно. Подозрительно. Видимо, придется что-то с этим делать. Например, сходить к соседям, спросить надолго ли эти ограничения. Открыл входную дверь, а там тьма непроглядная. Значит электричества нет у всех. Подсветил телефоном, добрёл до соседней двери. Звонок не работает, робко постучал. Деревянная дверь отозвалась тишиной. Сильнее. Никого нет. Подо-

шел к другой, нажал на кнопку – раздалась противная мелодия, видимо звонок на батарейках. За дверью никаких шорохов или вошканья, тоже пусто. Виктор потрепал волосы, будто струшивая перхоть, и резко вспомнил, что у него проект горит. Нужно срочно отзвониться начальству – сообщить о ЧП! Вернулся домой, набрал номер, но услышав бездушное «на данный момент абонент не может принять ваш звонок...», сбросил. Сел в кресло. Поглаживая бороду и постукивая ногой, попытался хоть что-то придумать. Пойти в кафешку и там поработать? Но скорее всего, по всему району такая история. Позвонить Косте, поехать к нему? Как вариант. Клацнул пару раз по экрану смартфона, но снова уже знакомые слова «на данный момент...».

«Блин! Да что за чертовщина?!» – обратился Виктор к глухой тишине. Надо расслабиться, сходить в магазин. Давно пора продуктами запастись. Может, тем временем, всё само собой пройдет. Не может быть, чтоб это всё надолго было. На улице пасмурно, моросит дождь, серое небо и ни единого человека. Даже машины не ездят по дорогам и трамваи не тархтят. Пугающая тишина. Перескакивая лужи, Витя дошел до супермаркета, открыл широкую потрескивающую дверь, а там тоже ни единого человека – ни кассиров, ни охранников, ни покупателей. Он зажмурился насколько было сил, открыл глаза – то же самое. Ущипнул руку, даже шлепнул ладошкой по лицу – никаких изменений. Вышел на улицу, огляделся. «Да не, не может быть» – подумал и решил зайти ещё раз.

Плавно, аккуратно потянул белую пластмассовую ручку двери на себя, настороженно вглядываясь в глубину помещения. Продукты одиноко лежат на полках, холодильники размораживаются без света, двери открыты. Не хватает только шаров сухой травы, уныло катящихся по белому мозаичному полу как в вестернах. «Карантин что ли? – размышлял Виктор, и выбирал продукты. – Но тогда бы все дома сидели». Взял гречку и курицу. Чтоб не чувствовать себя вором, положил на кассе деньги и медленно, оглядываясь и выискивая глазами хоть какое-то движение, пошёл домой.

Время текло мучительно медленно. Весь день Витя бегал то к окну, то к газовой плите, то клацал выключатель, но всё оставалось без изменений. Несколько раз позвонил начальнику, коллегам и всем оставил голосовые сообщения. Пожевал найденные в кухонном шкафчике отсыревшие чипсы, допил остатки чая и кофе, найденные в чашках в разных местах квартиры. Солнце село, Витя приоткрыл шторы, бегая глазами по окнам соседних домов, по уличным фонарям, но улицы заполнила непроглядная темнота. Он лёг на диван, пытаясь придумать убедительное оправдание за просроченный проект, но все мысли сводились к тому, что с ним что-то не так. «Я нормальный один, я нормальный два, я нормальный три...» – считал он вместо овец и незаметно для себя на пятидесятый раз своей нормальности, погрузился в сон.

– И часто с тобой такое? – удивлённо глянул Константин.

– Вчера впервые. – ответил Витя и продолжил грызть ногти, сплевывая кусочки кожи на пол.

– Вчера? Вчера ты мне звонил, рассказывал про проект, – лекторским тоном начал Костя, – по которому сроки горят. Ну тот, с графовыми базами данных, – уточнил он, надеясь, что друг что-то перепутал. – Говорил, что пятнадцатого первую часть сдавать.

– Это было позавчера! – хлопнул ладонью по столу Виктор.

– Нет, Лимов, посмотри на любом устройстве, – он включил экран телефона и показал дату, – Вчера было четырнадцатое, а пятнадцатое сентября – сегодня.

– Костя! – с резким восклицанием подался Витя через стол вперед, – А курица с гречкой у меня откуда? Ну не мог я такое придумать! – но осёкся и поджав губы, добавил, – или мог?

– Слушай, ну не знаю, – пожал плечами Константин, – может ты лунатик или живёшь в другом измерении. Ну как эти, супергерои в фильмах, – он улыбнулся.

– Угу, – кивнул Витя, закатив глаза – Или я псих. Двинулся и не отдаю себе в этом отчёта.

– Прекращай, Вить, – друг похлопал его по плечу, – чаю вон с мятой попей, успокойся. – Он кивнул в сторону чашки на столе, – Нормальный ты.

– Нет, ну прикинь. Всё наладилось – задачи норм, зарабатываю прилично, Лиля вон появилась, а теперь... – он за-

крыл глаза рукой и тяжело вздохнул, – А теперь что? Скажу ей на третьем свидании: «Лиля, ты мне нравишься, но я псих»? Нормально, да?

– Я тебе скажу, что не нормально. Ненормально винить себя в том, к чему отношения не имеешь.

– Ладно, поработаю, пожалуй, – буркнул Витя, заканчивая разговор с Костей и достал ноут.

«Ага, его бы на моё место вчера» – злился он на друга пока экран подмигивал загружающимися программами. Открыл редактор, но будто забыл все команды, ничего толкового в голову не шло. Ещё раз обмозговал ситуацию: судя по девайсам, сегодня правда пятнадцатое. Проект не сгорел, голосовые сообщения никто не получил, а значит об этом безумии знает только он сам и Костик. «Может и впрямь лунатизм» – подумал программист и погрузился сознанием в монитор, немного бликующий от дневного света.

2

Непрерывный дождь подчеркнул страдания на лицах кариадид и атлантов, веками выполняющих свою тяжкую работу – поддержание культурного наследия великого города. Виктор, как никто другой, понимал что значит непрерывно находиться в сырости, серости и унынии. Но в нём, в отличие от мраморных мучеников, ещё теплилась надежда на спасение. Когда он не мог принять какое-то решение, то садился в троллейбус, следующий вдоль центрального проспекта, старался взглянуть в лица людей с той стороны стекла, рассматривал витрины дорогих магазинов и архитектурные решения мастеров прошлых веков. Что может быть лучше, чем ехать в тёплом транспорте, слушать любимую музыку и никуда не торопиться? Но сейчас ему всё же нужно поспешить. Прием у психолога, на который он с вечера записался, назначен на два часа, а от остановки ещё минут пятнадцать пешком. «Ну задержусь, ничего страшного, – успокоил себя Витя, – всё равно я время оплачиваю». Это когда-то давно, в школе и университете можно было опоздать. Обязаловку хочется отложить или вовсе пропустить. Но во взрослой жизни иное дело. Не хочешь куда-то идти, просто не иди, а собрался – будь добр, явись вовремя. Всё делаешь сам для себя.

Он выскочил из транспорта, прорываясь через толпу жаждущих войти в теплую коробку троллейбуса, натянул капю-

шон и пошёл вдоль зданий. Свернул в дворик-колодец, обогнул детскую площадку и нашёл серую металлическую дверь со звонком. Жмак-жмак – не работает. Пока Витя искал номер телефона психолога, щелкнул замок и выглянула не накрашенная блондинка с хвостиком.

– Виктор? – спросила женщина, бегая глазами по двору и отметив кивок, открыла дверь шире, пропуская внутрь. – Прямо по коридору, потом налево. Задерживаетесь, десять минут сеанса прошло, – суетливо говорила она, – А дальше у меня человек, не смогу вас подвинуть.

Виктор без возражений молча побрел по коридору. Тускло светили лампы и вдоль стен стояла полуразобранная мебель. Конечное помещение, кабинет психолога, было минимально обставлено – шкаф, советский лакированный стол и два стула друг напротив друга. Витя снял верхнюю одежду и робко присел. Было неловко оттого, что придется рассказывать свои странности незнакомой женщине, которая сама находилась в заметном нервном напряжении.

– Зовут меня Илона Степановна, врач-психотерапевт. Высшее медицинское образование, не гуманитарное. Восемь лет обучения, – монотонно начала она, перелистывая какую-то тетрадь, – Работаю в областном психоневрологическом диспансере, занимаюсь индивидуальной практикой. Я – сертифицированный специалист, помогаю с клиническими случаями, – она усмехнулась. – И не очень. – Положила открытую тетрадь на стол и глянула на Виктора, – Рассказы-

вайте с чем пришли?

– Да вот, – почесал Витя голову, – странная ситуация произошла. С чего бы начать.

– С начала.

– Я проснулся. Пошёл делать кофе, а газа нет. Пошёл в туалет – нет света, проверил воду – тоже нет. И ладно это... Бывает, наверное, – глянул он в окно, – Но людей тоже не было. Нигде. Ни на улице, ни в магазинах. И машин тоже. Пусто как в фантастическом фильме. – Рассказал Витя, понимая как абсурдно всё звучит. А вдруг он заболел шизофренией? Можно ли ей вообще заболеть вот так внезапно? Но женщина молчала и внимательно слушала, ожидая продолжения истории. – Я подумал бы, что сошёл с ума, но в магазине я взял курицу, но на следующий день она не исчезла. Наверное, я почему-то в бессознательном состоянии видел не то, что есть. – Резюмировал он и уточнил, – бывает такое?

– Всякое бывает, – кивнула Илона Степановна, – Давайте я задам несколько вопросов.

Виктор утвердительно промычал. Она расспросила об отношениях с родителями, о личной жизни, о работе и в целом о том, как он проводит будни и выходные. Рассказал всё как есть: работает программистом, хочет стать тимлидом и управлять командой; с матерью отношения наладились недавно, а отца он не знает – тот ушел когда Вите было лет семь; живёт один; нравится девушка с работы – Лиличка, она работает тестировщиком и, кажется, что-то намечается;

по выходным либо учится новому, либо общается с другом; иногда играет в приставку, но нечасто – работы много. В общем, для своих тридцати лет, он доволен жизнью, планирует купить машину, сделать «умный дом» в квартире – зарплата позволяет. Томно кивающая Илона Степановна, спросила как Витя относится к произошедшей нестандартной ситуации. «А как можно к этому относиться?» – возмутился он, повысив голос, – «Как к полному безумию и бреду, такому нет места в нормальном мире. Какие ещё варианты?». Получив ответ, врач с легкой улыбкой продолжила задавать вопросы о его прошлом. Пришлось рассказать о несчастной любви с Ксюшенькой, которая бросила его за месяц до планируемой свадьбы и о юношеских конфликтах с матерью, которая винила его в уходе отца. Витя не понял как это связано с лунатизмом и старался отвечать менее эмоционально – пусть женщина отработает свои пять тысяч рублей за сеанс. Эти ситуации давно прошли, он живет нормальной спокойной жизнью. Хорошо, что уже было без десяти три и Илона Степановна резюмировала, что скорее всего это сомнамбулизм и ничего страшного в этом нет. Около пяти процентов населения страдают этим же в разных формах. Посоветовала сходить к психиатру, прописала легкие успокоительные и дала распечатку с медитацией для расслабления.

Солнце неожиданно выглянуло из-за туч когда Витя вышел с сеанса, и вмиг все тревоги испарились как лужи на асфальте. С ним всё в порядке, он не псих. Витя вспомнил фра-

зу «Лимов поймал налимов» – так его дразнили в детстве. Тогда, лет в пять-шесть было очень обидно, но когда вырос, полюбил рыбу и осознал, что ничего неприятного в этой кричалке нет. Есть сотни более неприятных фраз из трех слов, которые он слышал во дворе, к счастью, не по отношению к себе. А когда он занимался отладкой кода и выискивал баги, порой бурчал себе под нос «Лимов ловит налимов», будто ошибки кода – это полезные, вкусные рыбёшки.

Позолота вензелей на зданиях весело поблёскивала, а громадные атланты пребывали в спокойной задумчивости. Солнечные лучи поддакивали положительному настрою Виктора и он подумал, что в общем-то неплохо потратил пять тысяч рублей – заплатил за своё спокойствие. Теперь можно активно продолжать движение в выбранном направлении, ещё каких-то двести тысяч и купит машину. Новенькую, а не обшарпанную БУшную. Он оглядел улицу, внимательно глядя на проезжающие машины и представил как едет на своём серебристом мерсе и спокойно покачивает головой в такт Pink Floyd. Настроение стало ещё лучше, а хорошее расположение духа – залог успеха и удачных решений. Он ещё раз прокрутил разговор с Илоной Степановной. Со злорадством вспомнил Оксану, которая, собирая свои вещи по квартире, называла его душевнобольным идиотом, не отличающим вымысел от реальности. И из-за чего? Из-за того, что прочитала, дура, его подростковые дневники, в которых он записывал сны. «Нет, Ксюха, я нормальный – мысленно ответил он

на события пятилетней давности, – теперь-то точно».

Первым делом, придя домой, Витя достал рецепт на анти-депрессанты. Он принципиально не употреблял ничего, меняющего сознание, а поэтому серенькая бумажка с печатью робко втиснулась в уже переполненное мусорное ведро. Всё хорошо, а дальше будет ещё лучше.

3

Вечер субботы Витя решил провести в гордом одиночестве. Психолог же советовала расслабляться! А потому, запасшись нефльтрованным пивом и фисташками, он растёкся в большом мягком кресле в ожидании загрузки игры на PlayStation. Впереди сладостные часы погружения в игровой мир с прекрасными пейзажами, которые вряд ли встретишь в реальности. «Нажмите на X для загрузки» – прочитал Витя на экране и сосредоточился на орешках, плавно перемещая сознание в Древнюю Грецию. Зазвонил телефон, который он по случайности забыл поставить на беззвучный. Пришлось ответить. Если услышал, невежливо игнорировать.

– Витя, привет. – услышал он знакомый голос с незнакомого номера. Этот голос он слышал семь лет утром, днём и вечером, начиная ещё со школы. Оксана.

– Привет. – напрягся Витя.

– Слушай, я знаю, мы не очень хорошо расстались. Но тут такая ситуация возникла, – заискивающе начала она. – А мы всё же не чужие люди и я подумала, что ты поможешь мне. Ты извини, что так поздно звоню.

– Ничего не понял. Ближе к делу.

– Можно я у тебя поживу? Всего недельку, пока что-то другое не найду.

Если она идет к бывшему, которого облила грязью при

расставании и считает душевнобольным, видимо, дело правда серьезное. Витя прокрутил в голове прошлые годы совместной семейной жизни и понял, что ну уж совсем больше такого “счастья” не хочет. Куча баночек в ванной, холодильник забит непонятными блюдами, юбки, блузки и пиджаки, валяющиеся по всей квартире. Но с другой стороны, не чужие люди, хорошего было много. К тому же, говорит, что всего на неделю. Придется пустить.

– Не больше недели. – холодно ответил он. – И давай без нарушения инфраструктуры моего жилья.

– Спасибо, Витя, спасибо! Не зря учитель сказал, что ты особенный, когда я ему твоё фото показала! – восторженно воскликнула она, – я буду завтра утром.

– Угу. – буркнул Виктор, разочарованно глядя в телевизор с уже загрузившейся игрой.

Вот так новость. Придется всё же навести хоть какой-то порядок. Суетливо собрал кружки и тарелки по комнатам, прокручивая разговор с Ксенией. Пять лет не общались, а тут нате вам – просится пожить. Ничто не предвещало беды, как говорится. «Ладно, – решил Виктор, – может, она что-то поняла и изменилась, не буду судить строго. Потерплю неделю».

Настроение для игры совершенно пропало и Витя лёг читать книгу по менеджменту, чтобы поскорее заснуть. Надо подтянуть навыки управления людьми для продвижения по карьерной лестнице. Ну, а как иначе? Надо активно разви-

ваться, чтоб жить нормальной жизнью. Открыл там, где лежала закладка, но вместо определения проектов и процессов взаимодействия команды, прочитал:

«И как нам быть? Сосланцам, которые не обрели вечную жизнь из-за желания как-то называться? Тем, кто обречён на вечные мучения, смерть и исчезновение из летописи вселенной? Мы бороздили миры, не имея названий. Были сущностями, которые не имеют ни лица, ни имени. Энергия и бесконечность – вот чем мы были... А теперь? Посмотри! Даже смешно подумать, что мы докатились до этого: мы стали ЛЮДЬМИ!»

«Что за бред?» – озадачился Виктор. Пробежался глазами ещё раз – нет, верно прочитал. Сосланцы? Летопись? Миры? Наверное, при верстке допустили ошибку и в книгу затесался лишний абзац. Пролистал другие страницы, но каждая содержала только уже прочитанный кусок текста. И даже те, что Виктор прочитал в прошлые дни. Но он ведь ясно видел раньше – там было про управление проектами. Глупости какие-то! Неужели я уже заснул и нахожусь в бреде? Он провёл по листам – вполне реальная шершавая бумага. Понюхал форзац – немного пахнет свежей типографской краской. Закрыл книгу. Глянул на обложку, цвета те же, что раньше, сине-белые крупные полосы с тоненькими золотистыми, но вместо «Менеджмент», курсивом с засечками напечатано «Хроники Вечности». Программист в голос взвыл, – «Ой-ой-ой, ну что ж это такое?» – Отбросил книгу в угол и на-

крылся с головой одеялом, мечтая, чтоб этот странный пугающий сон закончился. Заснуть, заснуть, поскорее заснуть.

Долгожданное утро обрадовало Витю обыденной нормальностью. Он сделал кофе и пару бутербродов, пытаясь понять что из предыдущего дня было сном, а что нет. Проверил входящие, Оксана правда звонила, но вот книга... Витя, шаркая ногами по паркету, быстро метнулся в зал. Один угол книги сильно повредился от удара о стену, а часть листов смяты и загнуты в середину, но важно не это. Главное, что называется она «Менеджмент», а внутри всё как раньше – определение проектов и процессов, оценка рисков, работа с командой. «Лунатизм» – резюмировал Витя и пошёл завтракать.

В дверь постучали когда Витя с аппетитом жевал бутерброд с колбасой. Он пошёл открывать и громко спросил «Ксюх, ты? Звонок же работает», с той стороны послышалось робкое «Я». Витя прокрутил замок влево и замер на пороге, забыв про кусок хлеба во рту. Перед ним стояла совершенно не та девушка, которую он знал ранее. Без каблучков Оксана казалась миниатюрной, даже крошечной в сравнении с метр-восемьдесят Вити. Длинные каштановые волосы сплетены в аккуратную косу, переброшенную на плечо, а уши украшают огромные серьги-кольца. Одежда мягко говоря, странная – широченные белые штаны на резинке внизу, серый плащ ниже колена и широкий платок с народными

узорами на шее. Витя глянул на девушку в поисках её чемоданов с вещами.

– Вещи внизу? Помочь занести?

– Да у меня вот, – она сняла со спины тряпичный рюкзак, – всё тут. Остальное раздала.

– Ну ладно, – озадачился Витя, – проходи. Бутерброды будешь?

– Ты ремонт сделал... – она провела рукой по узору на обоях.

Витя, покосившись на бывшую подругу, прошел на кухню и поставил чайник.

– Кофе или чай?

– Не заморачивайся, Вить. Просто скажи где расположиться, мне ничего не надо. – всё так же, стоя в прихожей ответила она.

– Дак ты проходи, не стесняйся. Если потребуется, возьми что нужно, всё на тех же местах. – Виктор показал рукой в зал, на шифоньер. – Вторая комната твоя. – Он открыл дверь в спальню. Виктор жил в зале, где на большом столе царственно располагался ноут. – Я там почти не бываю, так что она чище, чем всё остальное.

Девушка разулась, сняла верхнюю одежду и прошла в комнату. Какое-то время она осматривалась. Раньше были темные бордового цвета обои, а стали светленькие с розовыми завитушками. Но обстановка, диван, стеллаж и даже шторы, сохранилась ещё со времен когда Вите с Оксаной было

по восемнадцать. Тогда, правда, в этой квартире жила ещё его бабушка, которая по утрам пекла оладьи и блины для молодой семейной пары. Пока девушка оглядывала комнату, Витя рассматривал Ксению. Как она стала из деловой бизнес-вумен монахиней? А, неважно. У неё своя жизнь, у него – своя. Ксюхины перемены не его дело. Может, она в секту попала? Говорила же по телефону о каком-то учителе. Хотя, не дура же. Но... Учитывая, что она говорила во время представления, может и дура.

– Всё в порядке, Витя. – резко обернулась Оксана. Её глаза будто стали ещё ярче, как весеннее дневное небо в солнечный день. – Не стоит думать о переменах в моей жизни.

– Ты мысли читать научилась? – усмехнулся он.

– Нет. Очевидно же, что перемены в моей внешности натолкнул тебя на такие размышления. – Ксения пожалала плечами. – Я ж не дура, как ты помнишь.

Учитывая вечерний приступ лунатизма, Витя был даже рад этому внезапному визиту. В это время Оксана плавно прошла на кухню и заварила чай. Вернее, залила кипятком странную смесь листьев, которую принесла с собой, и позвала его на кухню. Они робко сели по разные стороны небольшого кухонного стола, сёрбая горячий напиток и посматривая исподлобья друг на друга. Витя возмужал. Перестал сутулиться, научился смотреть на людей во время разговора. Раньше он будто беседовал с пустотой, а не с человеком. Темные волосы стали пышнее, обрели форму, а борода яв-

но была стрижена в каком-то дорогом барбершопе. Оксана же, наоборот, приобрела печальный блеск в глазах, сидела неуверенно и боязливо на краю стула. Несмотря на отсутствие косметики и естественный цвет волос, она была всё так же привлекательна.

– Ты извини меня. – прервала молчание Оксана. – Я была не права. Пусть поздно, но не держи на меня зла.

– Ты, конечно, интересная дама, – Витя отвёл взгляд. – Пять лет прошло. – он прокрутил в ускоренном режиме все обидные слова, ситуации и оскорбления с её стороны. – Я живу дальше. Неважно что было. Проехали. – и, желая сменить тему, добавил, – а у меня занавески новые на кухне.

4

Утро воскресенья приятно ровно до того момента пока не осознаёшь какой день недели. Ты выспался, сонно потягиваешься, накрываешь плечи одеялом, чтоб вернуться в потустороннюю реальность сна. Но переворачиваешься на другой бок и внезапно вспоминаешь, что завтра на работу. Витя уловил ароматы, знакомые с детства. На кухне слышны шорохи. Сейчас придет бабушка, скажет, что пора вставать, пирожки горяченькие и чай она сделала. А начинка его любимая – с луком и яйцом. Стоп. Какая бабушка? Она же живет с матерью в доме за городом! Виктор встал, лениво натянул домашнюю одежду и по темному коридору дошел до кухни. В красном фартуке, с гулькой на макушке Оксана жарит пирожки. Лицо в муке, а в мойке гора грязной посуды. Зато стол идеально чистый, а заварник весело посапывает от того, что его наконец-то применили по назначению.

– А я тебя обрадовать решила, – жизнерадостно сказала Оксана, вытирая руки о передник. – Вот, пирожки с луком и яйцом, твои любимые. Умывайся и давай завтракать.

Витя молча побрёл в ванную, пытаюсь вспомнить хоть раз когда Ксюха что-то готовила. Один раз на дурацкое 14 февраля делала пасту, макароны варила, то есть. Другой – на Новый Год оливьешку нарезала. А в остальное время питались они едой из кулинарии супермаркетов, на другое времени не

было. А нет, как-то приходили её подружки и они все вместе пекли ягодный пирог, пили вино, а потом долго и громко смеялись, хотя это было больше похоже на ржание. Это точно Оксана? Может у неё есть сестра-близнец, а он не знал? Глупости. Пока Виктор возвращался в реальность после сна, кухня стала уютной, как в бабушкины времена. Всё блестело и сияло, посуда аккуратно расставлена на свои места, даже шторы, казалось, стали ярче. Может виной тому солнечная погода, так редко виданная в культурной столице? А может какая-то тайная женская магия? Но находиться в квартире стало явно приятнее.

Оксана пододвинула тарелку с выпечкой поближе к Вите и поставила перед ним чашку с непонятной горячей зеленой жидкостью.

– Это чай травяной, полезно для пищеварения. – с блаженной улыбкой сказала она и поправила косу на правом плече, – пей, пока горячий.

– Ладно, – ответил Витя, пригубил подозрительную жидкость и взял пирожок снизу тарелки.

– Ну как пирожки? – наивно уточнила Ксюша, явно напрашиваясь на комплимент.

– Ням-ням, почти как у бабули, – причавкивая ответил Витя.

– Это очень лестный комплимент, – вздохнула она. – Жаль, что я не ценила тебя раньше. – она поставила руку на локоть и подперла ладонью подбородок, внимательно на-

блюдая за тем как Виктор завтракает.

– Прекращай, – чуть не подавился он от такого заявления, – что было, то прошло.

К счастью, дальше разговор не продолжился. Витя решил слиться от Оксаны в зал. Слишком уж навязчиво она себя вела для человека, который появился из воздуха. Будто не пять лет прошло, а пол годика и они не расстались, а были в ссоре. Он взял телефон и набрал Илону Степановну – нельзя игнорировать предыдущий приступ лунатизма. В воскресенье она не принимала в кабинете, но предложила устроить через час сессию по скайпу. Эта услуга оказалась дешевле на тысячу. Ну конечно, а сразу о такой возможности нельзя было сказать? Все хотят заработать побольше... Ну ладно. Витя нашел рубашку и брюки – всегда нужно выглядеть прилично, даже если этого никто не видит. Смочил волосы, чтоб они легли аккуратнее, а то после сна на макушке несколько непослушных прядей, торчащих резко вверх. Даже немного подравнил бороду, всё равно был целый час на сборы.

Психотерапевт задержалась на десять минут, оправдав это проблемами с подключением. Она выглядела спокойно и умиротворенно, дружелюбно улыбнулась и спросила как его дела. Разительная перемена. Наверное, вчера у неё был трудный день. Ну или сегодня она сама приняла те самые антидепрессанты, которые прописала Виктору, и расслабилась. Витя, пытаясь незаметно для веб-камеры откусить заусенцу на большом пальце, рассказал о трансформации книги по ме-

неджменту. Илона Степановна попросила описать события, предшествующие приступу лунатизма. А что было до этого? Позвонила Оксана. «Но ведь до прошлого приступа никаких внештатных ситуаций не происходило» – засомневался Витя, но врач продолжила развивать тему. Она задавала разные наводящие вопросы вроде «Какие эмоции у вас вызвал текст, который вы увидели?» и «Какие ассоциации у вас с этим связаны?». Вроде бы простые вопросы, но Виктору пришлось серьезно задуматься, не напоминает ли текст что-либо, что он видел раньше. А он напоминал. Сны. То, что стало причиной расставания с Оксаной. То из-за чего она записала его в ряды душевнобольных. То, что он так холил и лелеял, записывал в тетрадки, чтоб не забыть, а потом закинул куда подальше, чтобы никогда больше не видеть. Сделал он это, чтобы перестать быть странным, неадекватным, не таким, как все. Чтобы пережить эти приступы затянувшейся подростковой бурной фантазии и игры воображения. И он пережил. Но Илона Степановна порекомендовала Вите всё-таки найти записи и пересмотреть их, попробовать найти ответ, что его настолько тревожит, что он начал страдать сомнамбулизмом.

Витя, нажав красную иконку завершения звонка, захлопнул крышку ноутбука. За дверью были слышны какие-то шорохи, но он замер за столом, мысленно перебирая внутренности шифоньера. Резко встал, глянул на лакированные дверцы и открыл одну из них – постельное, другую – ка-

кие-то коробки. Постоял пару минут, проводя взором вдоль стенки, и распахнул нижний шкафчик возле окна. «Ага, вот они» – присел на корточки возле ящика, выгребая тетрадки. Штук десять точно. Ещё маленькие блокнотики, отдельные листики, какой-то файл с папкой. Он совершенно не помнил что в них написано. И, честно говоря, не хотел вспоминать. Выбрал одну наугад, фиолетовую на пружинке, остальные закинул обратно. Сел на диван и открыл блок с жёлтым картонным разделителем – там он писал самое сокровенное. На первой же странице увидел серию цифр и слов, написанных неодинаковым почерком разной пастой:

13.24.22.12.08.1831Д – Звёзды

21.10.13.02.11.1906Р – Конвенция

12.20.02.03.01.1892С – Властелин Колец

01.58.21.03.12.1892Е – Темнота

05.40.11.28.12.1922С – Марвел

17.57.01.02.05.1991А – Война

55.34.26.12.10.1963Е – Лесники

43.13.16.09.04.1969Е – Путешествия в мирах

56.12.10.24.06.1893Е – Дисней

32.04.06.31.07.1965К – Гарри Поттер

54.56.12.04.10.1948Е – Смерть

44.23.20.09.10.1823С – Драконы

32.54.18.11.10.1933Р – Реальность

«Бессмысленный, бесполезный бред» – разозлился Виктор. Быстро пролистал дальше – страниц пятнадцать похо-

жих цифр со словами. Цифры непонятны, но в словах названия знакомых художественных произведений, например, «Алые паруса», «Трудно быть богом», «Сталкер», «1984», «Бессонница», «Монте-Кристо», «Шерлок Холмс». Он захлопнул блокнот и швырнул его в стол под телевизором. «Надо проветрить мысли» – подумал он и пошел на общий балкон.

Курить Виктор бросил три года назад, но привычка выходить куда-то, прерываясь на «перекур», осталась. Он сунул руки в карманы, разглядывая машины на парковке во дворе. «Лучший способ просто жить дальше, не заикливаться на этом безумии, – резюмировал Витя. – Оксана уедет, лунатизм пройдет, всё будет хорошо».

Войдя в квартиру, он увидел, что дверцы тумбочек и комодов открыты, а Оксана, стоя на табуретке в зале, быстрыми резкими движениями открывает верхние отделы шифоньера.

– Что ищешь? – спросил он, от чего девушка немного пошатнулась на стуле и схватилась за верх шкафа.

– Витька! – наигранно наивно, будто не ожидая его увидеть, крикнула она. – Не пугай же так! Думала ты надолго, решила порядок навести.

– Мы же договаривались, – сказал он, закрывая шкафчики, – без нарушения инфраструктуры жилья.

– Ой, – хлопнула она себя по лбу, – Извини, извини, – протараторила она. – Пойду к себе, – И, спрыгнув с табурет-

ки, проскользнула в комнату. Витя услышал щелчок – закрыла дверь на замок в ручке. «Блин, – подумал он, оглядывая зал, – пустил на свою голову».

5

Хочешь отвлечься от навязчивых мыслей и вернуться в реальность – нагрузи себя делами как можно больше. Или прояви инициативу во время рабочего совещания и задачи хлынут нескончаемым водопадом. Иногда кажется, что вот он, вечный двигатель, который искали веками. Он находится совсем рядышком, под боком. Это – умение менеджеров и клиентов создавать тонны бессмысленных задач, когда программисты в один голос кричат «так нельзя, так не надо». Но нет, упорные управленцы настойчиво плодят сущности в программах для организации работы и причем столько, что через неделю сами не помнят что зачем создано, в каком порядке выполнять задачи и что важнее для клиента. Витя, по плану высшего руководства, должен стать гласом технических специалистов. Это значит одёргивать менеджеров, тушить эмоции технарей, распределять задачи так, чтоб исчерпать как можно меньше клиентского бюджета.

В понедельник утром Виктор взял на себя смелость предложить менеджерам улучшение продукта и реорганизацию без данных, за что расплачивался всю неделю. Команда работала над внедрением правок до самого утра пятницы. Пока на регулярном звонке в первой половине дня один из менеджеров не сообщил, что клиенту, оказывается, нужно нечто совсем иное. И даже придётся менять то, что было уже раз-

работано давным-давно, а это, извините, работы минимум на месяц. А кто должен тушить этот огромный пожар? Конечно, старший технический специалист – Виктор. Конечно, тот, кто претендует на позицию руководителя отдела программистов. Конечно, тот, кто занимается разработкой продукта с самого начала, знает все тонкости. Как можно удержаться в руках, когда менеджер в личном чате с веселыми смайликами пишет: «Вить, слушай, такое дело, клиент сообщил, что мы будем использовать какой-то другой интерфейс для приложения. Я не знаю какой, уточняю. Мы же быстро всё поправим?». Да, блин, быстро. За час всю систему передаем, конечно же. Три месяца разрабатывали, а тут половину за час изменим. Хочется всеми нелестными фразами осыпать менеджера. Не делается так. Архитектура разрабатывается в самом начале, а потом уже навешиваются технологии, то, что больше будет соответствовать нуждам. Утверждаем с клиентами и ни шагу в сторону, нельзя сначала «померять» одно, а потом сделать другое. Это же время, разная логика. Неужели все так сложно для понимания? Но нет же! Из раза в раз менеджеры, вроде бы тоже технари по образованию, допускают ошибки, которые обычно приписывают гуманитариям. Самое обидное, что выхода из таких ситуаций нет, приходится мириться и делать что говорят. Перенервничаешь на неделе, а потом нужно восстанавливаться. Придется тратить два дня на более приятные занятия: пивка выпить, в бар сходить, бокс посмотреть или в Ассассин Крид

поиграть, ну или в танки на худой конец. Главная хитрость успешной рабочей недели – ни секундошки не думать о работе в выходные. И если писать код, то только для себя, для развлечения и во имя личного удовольствия. Никакой работы во время, выделенное для отдыха!

Оксана всю неделю вела себя тише воды, ниже травы, но попросилась пожить ещё неделю. Вроде как прошлые жильцы где-то съезжают и она ждет, пока освободится квартира. А что делать, пришлось Виктору согласиться. В конце концов, договоренности она начала соблюдать, а бонусом к её пребыванию стала домашняя еда каждый день. Иногда отправляла Витю в магазин за продуктами и радовала его изысканными блюдами. На завтрак выпечка, на обед аппетитный суп, а на ужин котлетки или мясо с кашей. Идеальная домохозяйка. Но почему она раньше такой не была? Когда они жили вместе, бабушка Вити пыталась научить её готовить, а та отнекивалась и отвечала вроде «мой муж будет зарабатывать столько, что мы будем каждый день в рестораны ходить». Поглаживала при этом Витю по спине, а он только и мог, что неловко улыбаться. А сейчас как мышка – молчит, еду готовит, полы моет. Странно это всё, но по душе. Почти счастливая совместная жизнь.

Витя побродил по квартире, думая как приятнее провести выходной, и решил съездить к другу. Он умылся и написал Косте что скоро будет. Ксюша дала листок бумаги со списком покупок, он свернул его и засунул в портмоне...

– Ну, а на работе чо? – спросил Константин, ставя кружку с кофе перед Виктором.

– Издеваешься? Выходной хочешь испортить? – отпил из чашки Витя, – а молоко есть? И сахара бы.

– Сахара нет, мы же не едим его. Верка за здоровое питание, спасибо, что кофе оставила.

– ЗОЖ – это... – усмехнулся Витя, цитируя Шнурова.

– Ага, как же, – закатил глаза Константин. – У неё и доказательств уйма! Насколько это полезно, хорошо, продлевает жизнь и улучшает всю вселенную. – Он тихонько цокнул языком. – А вообще, говори потише. Дверь закрыта, но она капец какая ушастая. Играл вчера, назвал мужика тупым баклажаном, так она прибежала объяснять пользу баклажанов и рассказывать, что нельзя использовать это как ругательство.

– Ладно, я в общем-то уважаю любые взгляды если они без фанатизма. Не все понимаю, конечно, но они, наверное, тоже имеют право на жизнь.

– Ага, без фанатизма. Я скоро двинусь. – дверь соседней комнаты тихонько скрипнула и Костя резко перевел тему, – и вот говорит он мне «а на кой черт тебе Ардуино сдалась?», а я ему «Схемотехнику учить буду, надо ж с чего-то начинать».

– Это ты хорошо придумал. – Поддержал Витя и повысил голос, чтоб каждое слово было отчетливо слышно в коридоре, – сейчас вон сразу комплектом продают всё, что нужно.

Поддержать тебя что ли, тоже что-то такое сделать?

На кухню зашла девушка Константина. Презрительно глянула на обоих, а потом резко улыбнулась: «Мальчики, в холодильнике тортик шоколадный, что ж вы не достали?». Витя напрягся. Честно говоря, он её побаивался. Не потому, что она плохая или страшная, нет. Просто потому, что что-то внутри противилось ей, будто она действует по шаблонам, а не живёт. Будто она пустышка, а не человек, а личность где-то в другом мире прячется и живет своей жизнью, а тут только тень. Костя такого не замечал и на все увещевания друга отвечал, что ему показалось. Вот и сейчас, Витя напрягся, а Константин привстал, обнял девушку, поцеловал в лоб и так ванильно ей: «Доброе утро, любимая». Что только не делает с мужиками семейная жизнь. Начинают использовать всякие уменьшительно-ласкательные прозвища, даже животный мир вспоминают – кися, зайка, рыбка и так далее. Будто на уроке биологии, ей-богу. Хорошо, что Вера скрылась в ванную, а не села с ними пить мерзко пахнущий травяной чай.

– Ну что, по пиву сегодня?

– Костя, мы на концерт идем, помнишь? – донесся глухой женский голос из ванной.

– Говорю ж, ушастая – шепотом сказал Константин и громко добавил, – да, дорогая, конечно помню!

– Каблук, – губами прошевелил Витя, чтоб даже звука не было.

– А сам-то! – рассмеялся друг, – небось, снова с Ксюхой сойдетесь!

Витя скривился. Не хотелось признаваться Косте, что он сам об этом думал и даже уже не вспоминает про милую стировщицу с работы.

– Не, – отвел он взгляд.

– Ладно, а если серьезно – Костя немного подался вперед, – гнал бы ты её в шею. Неадекватная она.

– А я адекватный?

– Да. У меня есть человек, который докажет тебе это, – Костя открыл шкафчик в столе и протянул Вите бумажку. На ней печатными буквами было написано:

«Геннадий, Соболева 14/23 – биоэнергетика».

– Кто это? – со скепсисом спросил Виктор.

– Просто сходи. – уговаривал Константин, – И захвати свои дневники. Знаю, ты не хочешь их открывать, но просто возьми и отдай ему.

Витя закатил глаза, но подумал, что в общем-то ничего не потеряет если последует рекомендации.

– Ладно.

– Но не откладывай! Мы на концерт сегодня, а ты к Гене! Да?

Пришлось согласиться. Костя столько раз выручал, что совестно было бы ему отказать если о чем-то просит.

6

Витя заехал домой за дневниками, собираясь поехать к биоэнергетику, как обещал другу. Не разуваясь зашел в зал, выгреб из шифоньера все тетрадки, блокноты и листики, не разбираясь в деталях, и поехал к неизвестному Геннадию. Судя по навигатору, Соболева 14/23 – здание административного назначения. Виктор глянул маршрут. Городским транспортом 40 минут с двумя пересадками. Пешком те же сорок минут, зато по прямой. Осенняя листва уныло валяется под ногами, даже уже не шуршит. Нескончаемые дожди сделали из весёлых и разноцветных листиков мокрое коричневое месиво. Солнце успело скрыться за серыми тучами, будто его вовсе не было. Ветер настойчиво намекал на то, что скоро будет дождь, но Виктор не переживал насчет этого. Аромат осени шепотом говорил ему, что если и польется вода с неба, то крохотными брызгами, от которых капюшон вполне спасет. Витя свернул во дворы. На детской площадке сидели студенты, парочка из них на коленках переписывали что-то в тетрадки, остальные весело болтали. Когда-то он так же прогуливал с Ксюхой пары в соседних с универом дворах, с удовольствием жевал купленные на рынке пирожки с картошкой и запивал растворимым кофе 3 в 1. Сказочная пора была! Ни тебе забот о деньгах на проезд, ни переживаний о карьере или семейной жизни. Единственный страх –

экзамены и зачеты, но между сессиями можно жить в своё удовольствие.

Трехэтажное здание из красного кирпича явно выделялось на фоне жилых сереньких пятиэтажек. Витя обошел здание и подметил, что входов два – парадный со ступеньками и черный с металлической дверью без ручки. Судя по всему, заходить нужно через главный. По навигатору он не понял назначение дома, в описании не было деталей. Обычно пишут «Организации в этом здании: УК “Лад”» или что-то вроде этого, а тут просто «Административное здание». Поэтому совершенно не ясно чего ожидать и получится ли там легко найти какого-то Гену.

Виктор поднялся по ступеням, большая двустворчатая дверь открылась легко. За ней пластиковый коридорчик с выходом к турникету, через который Виктор свободно прошел. Хм... Зачем нужен турникет, раз так просто крутится для всех? Дальше взгляду Виктора открылось просторное помещение с десятками растений в горшках во всех углах кроме одного. В свободном от растений углу располагалась небольшая стойка, за которой виднеется лысая голова. Видимо, охранник. Витя подошел, громко сказал «Здравствуйте». Мужчина лениво поднял голову, окинул посетителя рассеянным взглядом, будто его отвлекли от чего-то необычайно важного, вроде разгадывания кроссворда, и выжидательно замер.

– Добрый день, мне бы Геннадия, Гену. Друг сказал...

– Виктор не успел договорить, как охранник буркнул «42» и снова опустил голову, полностью теряя интерес к визитеру. Витя хотел было уточнить куда идти, но, обернувшись, увидел лестницу. «Обычно первая цифра – этаж» – думал он, поднимаясь по ступеням. И верно, на первом были 10-19 комнаты, на втором – 20-29, но поднимаясь на третий этаж, Виктор вспомнил, что здание трёхэтажное. «Чудесно, то есть мне на крышу?» – думал он, проверив, что на третьем нужного номера нет. «Может, спуститься и спросить у охранника?» – но эта мысль не вызвала оптимизма. Он пять раз прошёл по коридору третьего этажа пока вдруг не понял, что на втором коридор был длиннее. Спустился ниже. Оказалось, что существует дополнительная лестница, которая минует коридор третьего этажа и ведет выше. Ура! Можно ведь, оказывается, самому найти что нужно. Он поднялся на маленькую площадку с тремя дверьми под номерами 40, 42 и 44. Странная, конечно, нумерация. Где, интересно нечетные? Может с другой стороны? Но проверять гипотезу не хотелось.

Витя постучал в 42, услышал громкое шарканье с той стороны и кашель. Загремели открывающиеся замки, которых он насчитал пять. Зачем так много? Открылась дверь, Витя увидел седовласого мужчину, лет на десять старше его, с заглаженными назад волосами в ярко-желтой рубашке с коротким рукавом. Он оценивающе глянул на Виктора и открыл дверь шире, пропуская в комнату. Помещение было невыно-

симо прокуренным несмотря на шесть распахнутых настешь маленьких окошек под самым потолком. Вдоль стен расположились высокие стеллажи полностью забитые микросхемами, платами, старыми мониторами, каким-то инструментом, жесткими дисками и всяким другим хламом. Мужчина жестом показал Вите «Стой» и обошел его вокруг, внимательно разглядывая. Потом приблизился к лицу Виктора, принюхался, а затем произнес осипшим голосом: «Тебе, брат, надо карму почистить». Затем, слегка прокашлявшись и выровняв тональность, добавил – «За тобой следят, не двигайся». Витя послушался, а мужчина совершил непонятные манипуляциями руками, будто разгоняя стаю мух, потом обошел сзади и сильно хлопнул рукой по рюкзаку на спине. Хлопнул так, что Вите пришлось сделать шаг вперед, чтоб не упасть лицом вниз.

– Вот и славно, – сказал мужчина, доставая сигарету из пачки, – Геннадий, – он протянул руку.

– Витя, – настороженно представился Виктор, пожав протянутую руку.

– Ааа, мальчик, который хотел понимания, – Геннадий усмехнулся, – Ну, проходи, присаживайся. – он оглядел комнату, подошел к табуретке, полностью заваленной какими-то платами, смахнул их прямо на пол, – вот тут, например.

Виктору пришлось пробираться на цыпочках, аккуратно сдвигая ногами предметы на полу, чтоб не раздавить что-либо. Он снял рюкзак и присел на табурет.

– Костя сказал с вами связаться, – начал Виктор, – но я не совсем понимаю зачем.

– Ага, Костик предупредил, что ты зайдёшь. – Весело ответил Геннадий. – Мы с ним в контру играли, я ему помог в службу информационной безопасности устроиться, так с того времени сдружились, – он оглядел комнату и добавил, – почувствуй себя как дома. Здесь, конечно, беспорядок, но зато безопасно. Куришь? – он протянул пачку.

– Бросил, – мотнул Витя головой.

– Это ты молодец, а я вот всё никак, – он прикурил сигарету, выпустив облако дыма в направлении маленького окошка, – я инженер-биоэнергетик. Приносят что-то на ремонт, старые запчасти не выбрасываю, всё думаю «вдруг пригодится». Вот и насобиралось барахла, – решил он почему-то объяснить за беспорядок и с улыбкой добавил, – а бывает, люди приходят, которых починить нужно.

– Да ничего, – пожал плечами Виктор, – у меня тоже беспорядок бывает, я привык к похожему, – добавил он, думая, что значит «чинить людей». Операции делать? В таком беспорядке невозможно. Или какая-то психотерапия? Гипноз? Надо бы поосторожнее, гипнотизёры – опасные люди. Хорошо что от «починки людей» не остается лишних запчастей. Вот уж комнатка страха получилась бы! В углу помещения стоит старый потрепанный диван-книжка, который судя по всему, уже не раскладывается. На нем такое же древнее покрывало, подушка с серой не стиранной наволочкой. Види-

мо, этот Гена тут и живёт. Наверное, ни семьи, ни детей у него нет, совсем один среди своих железяк. Геннадий, будто прочитав мысли Вити, сказал:

– Ночую здесь иногда. Если работы много. Ну или когда жена истерит, чтоб спрятаться, – он добродушно рассмеялся, – ладно, Витя, Виктор. Давай к делу.

– Да я, честно говоря, вообще не понимаю что происходит. Может вы мне растолкуете?

Геннадий внимательно глянул, освободил ещё один табурет от хлама тем же образом, сбросил все на пол, сел напротив, положив ногу на ногу. Потом резко вскочил, побежал к двери, с грохотом закрыл все пять замков. Невозмутимо вернулся на табурет и ответил:

– А дневники принёс?

Витя кивнул, открыл рюкзак и вывалил на диван все свои записи. Он попытался было аккуратно сложить всё в стопочку, но инженер одёрнул его:

– Не надо, я сам. – подошел к Виктору, взял его за локоть, поднимая с табурета, – Приезжай завтра. Удачного дня.

Витя вышел за дверь и услышал громкие щелчки закрывающихся замков. Посмотрел на лестничный пролёт, пожал плечами и поехал домой.

Машины неторопливо, друг за другом, въезжают во двор, чтоб занять свои законные места и отдохнуть от городской суеты. До двадцатого этажа доносятся только отголоски их усталого урчания. Высокие дома-коробки становятся немного теплее – всё больше людей возвращаются домой, зажигают в квартирах свет. Иллюзорное спокойствие заполняет далекий от центра города челоуейник. На самом же деле каждый здесь живущий попал в паутину отдаленного района. Сложные транспортные развязки, время дома только на сон и люди, люди, люди. Люди, такие же как ты, одинокие, вечно занятые, которые даже не знакомятся с соседями. Виктору с соседями повезло чуть больше. Раньше в квартире жила бабушка. Она любила напечь пирожков и угостить всех, кто на соседский стук откроет дверь. Оттого с постоянными жильцами он был знаком, даже, можно сказать, дружил.

На лестничной клетке Витя встретил соседа, сгорбленного старика, живущего с внучкой. Тот любил подолгу рассказывать о достоинствах своей девчушки, как он её называл уже лет двадцать, и задавать разного рода неловкие вопросы. Вот и сейчас пожилой мужчина не удержался от болтовни. Минут пятнадцать рассказывал о том, что Алиночка станет юристом и проходит практику в крупной столичной компании, где зарекомендовала себя как потенциально значимый

сотрудник. Раз пять повторил, что она «не так, как все диплом “для галочки” получает, а добросовестно выбрала профессию». Витя уже было собрался уходить, но старик взял его за руку и, глядя в глаза, спросил «А с этой? Снова вместе? Держался бы подальше от неё!». Ох, уж эта несносная навязчивость пожилых людей лезть не в своё дело. Но он, конечно же, не со зла, поэтому пришлось вежливо и тактично ответить: «она просто в гости». Услышав ответ, старик закивал, приговаривая «хорошо, хорошо», наконец-то открыл дверь и, пошаркивая, заполз в свою квартиру. Виктор зашел домой, всюду было темно. Лишь из комнаты Оксаны тянулась тоненькая полоска света. Он кинул пустой рюкзак в прихожей, достал телефон, намереваясь поставить его на зарядку, чтоб не забыть, но увидел несколько пропущенных звонков от матери. Закатил глаза, выдохнул и нажал кнопку вызова.

– Звонила?

– Витенька! – раздался радостный голос. – Ты такой молодец, я тебя поздравляю, наконец-то принял верное решение.

Витя напрягся. Услышать от мамы хорошие слова? Что-то новенькое.

– Не понял, – холодно ответил он. – ты номером ошиблась?

– Не скромничай, сынок! – продолжила женщин. Витя прям почувствовал как её лицо растягивается в широкой улыбке. – Ксюшенька звонила, моя девочка! Рассказала, что

у тебя живёт. Я так рада, так рада!

– Мать, мы не вместе. Она скоро съедет. – понял он в чём дело. Зачем Оксане понадобилось звонить ей? Только она успокоилась и приняла, что сын не женат, не имеет детей, как снова нервогрёпка.

– Ну и напрасно!

«О, теперь начнутся нравоучения о том как правильно жить» – подумал Витя, включая ноутбук. Он давно приловчился пропускать мамины слова мимо ушей и не расстраиваться попусту.

– Ксюшенька – замечательная девочка! – продолжила мама. – Ты присмотришь ещё раз. А какая красавица. Не упусти её в этот раз, уведут снова!

– Угу, присмотрюсь, – буркнул Витя, поймав себя на мысли, что если бы всё продолжилось так, как сейчас, получилась бы крепкая нормальная семья.

– Вот и правильно, сыночек! Не будь таким, как дед. Бросил бабуку, ушел жить на дачу. Если бы мы туда не приехали, никто б не узнал, что он умирает. Отец бы это не одобрил!

Витю передернуло. В голове зазвенело. Нечасто она вспоминала и дедушку, и отца в одном предложении. Он сцепил зубы, заставляя себя молчать, чтоб не грубить матери.

– Я занят, мать, – ответил он и не услышав ответа, сбросил. Она к такому привыкла, перезванивать не станет. Витя положил телефон экраном вниз и сложил руки домиком, обдумывая свой приступ гнева. Как она может так плохо от-

зваться о своём отце? «Нет, не думать об этом» – одёрнул он себя. Витя зарёкся будоражить детские травмы. Детство прошло. Он взрослый самостоятельный мужчина, который давно пережил все сложности. Цели, задачи, планы. Только будущее, только вперёд.

Витя услышал сзади тихий стук, обернулся. Оксана стоит в дверях, облокотившись на лутку, и перебирает костяшками пальцев по открытой двери.

– Извини, не хотела тебя тревожить, – почти шепотом сказал она, – а ты купил продуктов?

– Блин, – выругался Витя, – забыл. Совсем из головы вылетело.

– Ничего страшного, – она подошла и, проведя руками по его плечам, обняла сзади. – Я вижу, ты устал.

Виктор почувствовал себя ребенком, которому долгое время не хватало тепла и заботы. Он повернулся и глянул в её глаза, серые как осеннее небо. «А может, мать права?» – промелькнуло в голове. А Оксана, будто прочитав мысли, нежно улыбнулась и произнесла:

– Может быть, у нас снова что-то получится?

– Не торопи события, – отвернулся Витя к экрану ноутбука.

Она промолчала и вышла из зала, но потом крикнула из соседней комнаты:

– Виить, а Вить? А у тебя остались дневники из-за которых мы расстались? Я бы хотела их ещё раз почитать.

– Нет, я их сжѐг, как обещал, – ответил он не задумываясь. Прошлое ворошить не стоит, хотя с другой стороны, начинать отношения с обмана тоже нехорошо. Витя облокотился на спинку стула и прикрыл глаза.

Темнота.

«Лимов поймал налимов» – громко кричат дети, смеются и водят хоровод вокруг нервно озирающегося пятилетнего мальчика. Они по очереди хватают его то за рукав футболки, то за волосы, то за руку или ногу. Мальчик не успевает повернуться и поймать хоть кого-то из них, их слишком много. «Ну, лови, лови!» – подначивают дети, кружа вокруг мальчика, готового расплакаться. Он останавливается и смотрит в небо. Там проплывают большие бело-серые облака, солнце скрывается за ними на минуту, а потом появляется снова, ослепляя его.

Темнота.

«Витя, не плачь» – тепло, по-доброму говорит дедушка, присев перед мальчиком. Он легонько гладит внука по голове, но Витя громко ревет, вытирая слѐзы кулаками. Он хочет сказать, что собирался дать сдачи, но детей слишком много, он не знал что делать и поэтому расплакался, побежал домой, разрывая их хоровод. Он хочет объяснить дедушке, что так нечестно, несправедливо, целая толпа и маленьких, и больших против него одного. Хочет, но не может издать никаких звуков кроме всхлипывания. Дедушка всё понимает, не торопит внука, только иногда приговаривает «Ну, брось».

Всё уже прошло.»

Темнота.

Дедушки не было несколько недель, он уезжал куда-то на лечение. Для Вити это были мучительные дни, ведь дедуля единственный, кто относится к нему как к равному, а не как к малышу-плаксе. Мама если увидит, что Витю обижают, выбегает на улицу и громко отчитывает всех детей. А это стыдно, когда мама за тебя заступается. Значит сам не можешь за себя постоять. Витя стоит у крыльца и видит дедушку. Кажется, за две недели он постарел, начал сутулиться, а в глазах появилась какая-то печаль. Но мальчик со всех ног бежит к дедуле и крепко-крепко обнимает.

Темнота.

Дедуля тяжело дышит лёжа в постели. Витя не отходит от кровати, приносит ему воду и лекарства, которые мама заранее оставляет на столе. Приносит строго по расписанию, ведь дедуля научил его определять время на часах. Во дворе только старшие это умеют, а одноклассники Вити путаются в цифрах. «Дедуля, ты ведь поправишься» – со слезами в глазах спрашивает мальчик. Но дедушка не обманывает ребёнка, он знает, что скоро умрёт. А ещё знает, что мальчику будет очень больно, но он переживёт. «Нет, Витя, меня скоро не станет» – скрипя, с паузами отвечает дедуля. Мальчик ложится на кровать, уткнувшись ему в грудь и громко всхлипывает. Дедушка, насколько хватает сил, обнимает внука и говорит «Витя, налим – вкусная рыба. Лови их побольше. А

когда вырастешь – сможешь поймать любую рыбку, не только налимов».

8

Воскресенье – семейный день. Недовыходной, в который можно заняться выполнением обязательств перед семьей или просто домашними делами. Раз в пару недель Витя навещал маму, которая живет в поселке за городом. Там он иногда ходил на озеро и бродил по лесу, чтоб впитать природную благодать, разгрузить заполненный городской суетой разум. Он проснулся около десяти и совершенно не помнил, как перебрался из-за стола на диван. В квартире было тихо, но на кухонном столе тарелка, накрытая полотенцем и надпись «съешь меня». Открыл – шарлотка с яблоками. Когда она успела её приготовить? Отрезал кусочек, быстро прожевал, запив фильтрованной водой. Кофе можно на вокзале купить, всё равно в электричке минут тридцать ехать. Витя натянул джинсы, куртку, написал матери в мессенджере «буду через час» и поспешил в метро.

Интересно, кто-то обращал внимание, что станции метро отличаются не только колоннами, люстрами, названиями или минералами для отделки, но и пахнут каждая по-своему? Мы настолько привыкаем к подземному миру, тонем в суете, что уже не замечаем мелкие отличия и детали, которые порой отражают сущность того или иного места. А ведь понимание сути может приблизить нас к чему-то более важному, чем материальный мир.

Виктор замер на станции в ожидании поезда. Он старался делать вдохи как можно глубже, чтобы полностью проникнуться атмосферой станции метро, ощутить те тонкие нотки ароматов, присущих именно этому месту. Немного пахло лекарствами, как в городской больнице, и на секунду Вите показалось, что в этом месте раньше был какой-то госпиталь. Но нет, зная историю города, он себя одёрнул от излишней игры воображения. И вдруг, стоя совсем рядом у желтой линии, обдуваемый ветром приближающегося поезда, Виктор внезапно вспомнил всё. Яркими картинками в ускоренном режиме пронеслось как мама водила его в детстве каждый день к детскому психологу. Как она рыдала ночами, гладила его по голове, приговаривая, что она не позволит ему сойти с ума, а потом кричала: «дед умер, умер!». Как отец ушёл однажды и больше никогда не вернулся. Как он сам лет в двенадцать или тринадцать с ужасом осознал, что дедушка и диковинные миры – это сны, а в реальности дедуля больше никогда не вернется, не возьмет его за руку и не расскажет сказку. И тогда же понял, что никому нельзя рассказывать о путешествиях в странном помещении с множеством окон-телевизоров, за которыми живут удивительные существа, люди и даже планеты. Вот, что было в тетрадках, которые он ненавидел сейчас всей душой и с легкостью оставил у Геннадия. А сны ведь не прекращались вплоть до двадцати пяти лет. Тогда он, наивный дурак, поделился с самым близким в тот момент человеком, с Оксаной, всем, что ви-

дел. С энтузиазмом, с надеждой на понимание показывал ей некоторые заметки из дневников, рассказывал, что видел. Но день ото дня она становилась всё серьезнее и постепенно отдалялась. В конце-концов, без разрешения перечитала все дневники. И с громким скандалом, проклиная всё на свете – его самого, его родителей, день их знакомства, собрала вещи и уехала к новому бойфренду. С того дня Витя упорно работал над своей «нормальностью». Прогонял дедулю и сны-путешествия по осьминогу, как в ужастиках прогоняют злых духов. Постепенно всё исчезло. Его реальность стала едина и за последние пять лет сложное детство вместе с параллельными мирами растворились как кошмарное видение.

«Наверное, я настолько сильно переживал утрату бабушки, – подумал Витя, – что придумал себе целую вселенную, – и мотнул головой». Он вышел из вагона на небольшой рынок с множеством киосков. Насыщенный запах подсолнечного масла и мяса заставил живот заурчать. Витя не удержался от покупки ароматного, только что поджаренного чебурека. В другой маленькой будочке взял заварной американо с молоком и вышел через турникеты на перрон. До электрички пятнадцать минут. Идеальный интервал, чтоб прожевать еду и сделать пару глотков кофе. Не хочется смущать людей в транспорте чебуречным запахом. Да и обедать в электричке некомфортно, все смотрят, разглядывают и наверняка что-нибудь осуждающее думают.

Дорогами за городом никто не занимается. Тут не то, чтобы про асфальт, даже про аккуратную насыпь речи не идёт. Глубокие колеи, проложенные многолетней ездой разного транспорта, осенью превращаются в сплошное грязевое месиво. Нужно идти по вялой траве, чтобы выпачкаться хотя бы не по колено. К маминому дому нужно подняться по пригорку. Витя, обдумывая каждый шаг, аккуратно поднялся по скользкому склону. Моросил мерзкий дождь, пришлось идти в капюшоне, из-за чего угол обзора сузился. Он подошёл к калитке и почистил подошвы от налипшей грязи о горизонтально лежащую металлическую планку. Встал на кирпичи рядом с воротами, дёрнул за веревочку, со стороны двора привязанную к запирающему рычажку – маленькая хитрость для «знающих», чтоб открыть дверь без ключа снаружи. Во дворе валяются гнилые яблоки, мать с бабушкой давно не могут своими силами выполнять всё необходимое для уюта в доме и порядка на участке. Только под окнами возле входа в дом ухоженные клумбы с пестрыми цветами. Витя громко постучал по деревянной двери и замер, прислушиваясь, идёт ли кто-то открыть ему дверь. Тишина. Своих ключей у него нет, в посёлке нет мастера, чтоб сделать дубликат, а съездить туда-обратно в город никак не соберётся. Дёрнул ручку – заперто. Позаглядывал в окна – занавески задернуты, а форточки открыты. Постучал по стеклу, крикнув «Ма, открывай!». Нет ответа. Может в саду что-то делают? По дорожке с плиткой обогнул дом, разглядывая посыпавшиеся на

углах кирпичи, но в огороде тоже никого не было. Наверное, в магазин вышли. Хотя, тогда бы они встретились по дороге.

Витя встал под навес возле двери и набрал маму. Через приоткрытую форточку донесся громкий голос Стаса Михайлова, то есть, телефон дома. Витя начал переживать. Она никогда не оставалась без связи. Позвонил бабушке, но громкое пиликанье простейшего телефона, с огромными цифрами на кнопках, раздалось там же. Набрал Оксану, она же звонила вчера маме, вдруг сегодня они тоже общались? Но та объяснила, что просто уточняла рецепт шарлотки и на этом всё. «Вот так вот» – подумал он, глядя на морозящий дождь и плавно появляющиеся лужицы в местах неровно положенной плитки. Вышел на улицу, посмотрел по сторонам. На улице пусто, даже вдали никаких силуэтов. Витя глянул на соседний дом и вспомнил, что мать дружит с тётёй Верой. Может быть они у неё? Перебежками, минуя опасные грязевые места на дороге, домчался к дому соседки, нажал кнопку звонка. Через пару минут появилась грузная женщина в плаще, накрывающая голову пакетом.

– Тётъ Валь, мать у вас?

– Витенька, приехал? – расплылась она в улыбке, немного шепелявя из-за отсутствующих передних зубов.

– Ага, – ответил он, переминаясь с ноги на ногу, – приехал, а мамы с бабулей нет.

– Не знааааю, – её голова впала в плечи будто шея и вовсе отсутствовала, – вчера Ленка заходила, а сегодня никуда не

собиралась вроде.

– Блин, – Витя посмотрел по сторонам, – может в магазин ушла.

– А у меня ж ключи есть, сейчас вынесу, – сказала она, отдаляясь от калитки, – только ты верни потом.

«То есть у соседки дубликат есть, – озадачился Виктор и медленно пошел за ней, – а у меня нет».

В доме было прохладно, Витя плотно закрыл все форточки. Всё выглядело так, будто мама с бабушкой только что были дома и на минуточку вышли. По телевизору передавали новости, в кресле лежали спицы, шерстяные нитки, а в кухне на разделочной доске лежал недорезанный огурец. Он походил по комнатам, заглянул под кровати, поднял одеяла – никого. Внимательно осмотрел одежду и обувь в прихожей, всё на месте. Не могли же они выйти без одежды? Не могли. Он сел на старенькую кровать, которая скрипнула от напряжения, поискал в интернете как звонить в полицию. С той стороны попробовали оправдать нежелание активно заниматься поисками тем, что не прошло три дня с момента исчезновения, но, видимо из-за настойчивости Виктора, всё же согласились приехать на осмотр места пропажи. Он всмотрелся в телевизор – надо отвлечься от разыгравшегося воображения и паники.

На экране молодая брюнетка, пристально глядя в экран, сообщала: «За последние сутки пропали без вести почти семь тысяч человек. МВД России обеспокоено происходя-

щим и предполагает, что ответственность лежит на одной из запрещенных сект». Далее пожилая женщина сквозь плач рассказывала об исчезновении сына с внучкой, которые не взяли никаких вещей, не выходили из дома и мистически растворились в пространстве. Она, то и дело закрывая рот рукой, умоляла полицию поскорее что-то предпринять, приговаривала «хоть бы они были живы».

9

– Витенька, я на семинар с Учителем, – весело прощепетала Оксана, обуваясь.

– Угу, – почти беззвучно кивнул он в ответ, облокотившись на стену. Не успел ещё проснуться для того, чтоб транслировать мысли в речевой форме. К какому учителю? Какой семинар? Да, в общем-то неважно, своих забот выше крыши. Мать с бабушкой пропали, надо в полицию позвонить, вдруг что-то открылось. Приехал поздно. Хотел остаться у за городом, вдруг они вернуться, но не предусмотрел форс-мажорной ситуации и не взял ноутбук для работы. Поэтому поставил их телефоны на зарядку, забрал ключи, оставил записку и вернулся ночевать домой. Пол ночи не мог заснуть, всё поглядывал на телефон, вдруг пропустил звонок от мамы или из полиции. А потом снились кошмары, будто он радуется исчезновению мамы. Просыпался из-за ужаса от самого себя. Снова засыпал, видел как мама угрожает пальцем, а потом плавно рассыпается на тысячи осколков будто она стеклянная, а по ней треснули молотком. Нужно хотя бы новости прошерстить. Если исчезновения людей – это действие какой-то секты, наверняка интернет разрывается от новостей об этом. А сегодня рабочий день. Блин. Работа! Задачи, как известно, не ждут.

Девушка обулась, глянула в зеркало, чмокнула Витю в щё-

ку, открыла дверь и быстро застучала каблучками по ступеням.

– Не забудь покушать, – крикнула она, сворачивая из коридора к лифту.

– Ладно, – ответил Витя, и закрыл дверь.

Поцеловала в щёку. Это что? Судя по всему, она не прочь начать всё сначала. Такая Оксана очень даже милая. Улыбается, приветливая, готовит еду и аккуратно, не мешая привычному быту, наводит порядок. Почему бы и нет? Пожить вместе годик-другой, притереться получше, а там предложение сделать, детей завести. Работа хорошая, стабильная, скоро начальником станет, машину купит, жильё есть. В общем всё, что требуется для нормальной семейной жизни наличествует. Виктор почесал голову и побрёл умываться. Половина девятого. Отличное время для начала рабочего дня. Он проверил на телефоне входящие во всех мессенджерах, позвонил тётке Вале, в полицию – никаких обновлений, бабуля с матерью будто растворились в воздухе. Со вчерашнего дня настырно писал Костя, спрашивал про визит к Гене. Витя ответил, что оставил там дневники, но ни о чём не общался, на выходных поедет. Друга такой ответ не устроил. Он настойчиво попросил навестить странного инженера сегодня же.

«Ладно, как скажешь» – подумал Витя и сухо ответил «Ок», продумывая как удобнее совместить выполнение рабочих задач и поездку к этому чудаку. Они перекинулись с Костей ещё парой смайликов, а затем рабочий мессенджер

полностью поглотил Виктора прочими непочитанными сообщениями. Для эффективного труда нужна особая фокусировка. А если твоя любимая бабуля с матерью пропали без вести в собственном доме, то и вовсе максимальный уровень концентрации. Витя, к счастью, за несколько лет удаленной работы приловчился отключаться от внешних помех и работа сегодня стала для него спасением от дурных мыслей. Где-то подправить код, где-то дописать функционал, проверить нагрузку сервера и статус работы всех приложений... Вот и вечер. Поесть, конечно же, забыл, поэтому пришлось быстро перехватить пару беляшей, дальновидно оставленных Оксаной, и выдвигаться к Геннадию.

В комнате инженера было до невозможного душно и накурено. Рядом с диваном грустно курлыкал старый процессор, а кулеры клочкотали свою непонятную для людей, песню. Стемнело, но свет не был включен. Предметы в помещении просматривались тусклыми силуэтами. Витя напряженно сел на табурет, высвобожденный Геной из-под хлама, жалея о том, что последовал совету Кости и пришел к этому странному человеку. Ну раз он здесь, нужно узнать что-то полезное.

– Геннадий, почему Костя сказал связаться с вами? – спросил Витя, крепко вцепившись в рюкзак на коленях.

– Потому, что я могу тебе помочь.

– Чем?

– А ты думаешь, я ничем не помогу? – внимательно глянул Гена, доставая сигарету из пачки. Через секунду загорелся яркий оранжевый огонёк.

– Сомневаюсь. – Витя закинул ногу на ногу и выровнял спину.

– Всё в этом мире, Виктор, состоит из энергии. – он включил свет. – Это вот, – указал двумя руками на одинокую лампочку, – энергия. – подошел и коснулся плеча Вити, – и это энергия. – достал старый кнопочный телефон, потряс в руке. – И здесь вот энергия, Витя, понимаешь?

– Ну, допустим. – настороженно ответил он.

– А есть люди, которые чувствуют другой тип энергии, – Гена развел руки, будто охватывая шар, – ментальная энергия.

Инженер выдержал паузу, разглядывая реакцию Виктора и резюмировал:

– Я из таких людей.

– Ясно, – ответил Витя и привстал, – Я пойду.

– Может кофе? – проигнорировал Гена, – а я тебе расскажу про ценность твоих дневников.

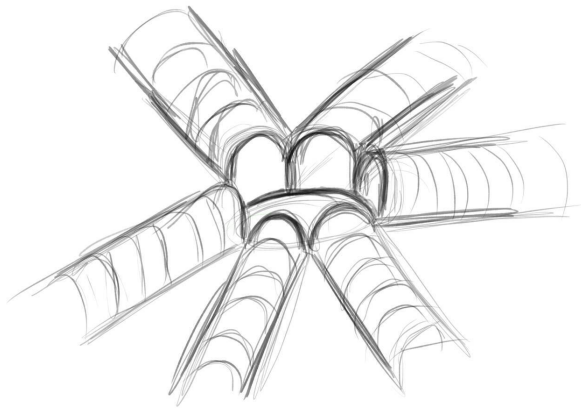
Виктор достал телефон из кармана – семь часов. «В общем-то, можно задержаться» – он присел обратно.

– Вот и славно. – Ответил инженер, и налил воды из подозрительно быстро закипевшего электрического чайника в пластиковый стаканчик с растворимым кофейным порошком. Он протянул напиток Вите, взял пару тетрадок из стоп-

ки на диване и продолжил, – вот тут у тебя, – он открыл на одной из страниц, – описан центр управления мирами. Ты же понимаешь, что мир не один?

Витя поднял брови и поджал губы. «Один мир, один, черт побери!» – подумал он, но ничего не ответил.

– А вот его внешний вид, – он открыл на одной из страниц где виднелся неаккуратный, нелепый рисунок и начал тыкать пальцем, – это площадка, откуда идут шесть коридоров с окнами в разные миры.

Он пролистал одну из тетрадей дальше, показывая записи. Правда, так и говорилось – иллюминаторы, через которые можно наблюдать за жизнью в других реальностях. А вокруг окон металлический обод, шириной сантиметров пять и на нём красивым шрифтом с завитушками выщерблены номера.

«Ну и что? – подумал Витя. – Ничего нового, он просто рассказывает что прочитал».

– Я не просто говорю то, что увидел в твоих записях. – будто прочитал его мысли Геннадий. – Ещё есть информация, что передаётся из поколения в поколение в различных тайных организациях. Могу сказать то, чего здесь нет, – он захлопнул тетрадь, – тут ведь не хватает части твоих записей, а значит я не мог бы их прочитать.

Виктор усмехнулся. Он-то знает, что принёс все дневники этому чудаку.

– Номера миров. – он замолчал и снова прикурил, – у тебя наверняка есть список миров, но ты его мне не принёс.

– Не, все, что было принес. – ответил Витя и медленно встал, – я, пожалуй, пойду. Поздно уже, – и, продвигаясь к двери добавил, – у меня одна проблема – лунатизм, а этот бред больных фанатиков про какие-то там миры меня не интересует.

– Не одна. Мать твоя в единственном экземпляре осталась, только в своём мире.

Витя замер и обернулся.

– Что вы сказали?

– Мать и бабушка твои исчезли. – утвердительно ответил Геннадий.

– Ясно, – выдохнул Виктор, – Костя рассказал, – но вспомнил, что не рассказывал об этом другу. Даже Оксане не успел. Вчера приехал поздно, а сегодня она ускакала рано утром.

– Ты же знаешь, что нет. – Гена потрогал верхнюю пуговицу на рубашке и застегнул, поправив воротник, – но хочешь, можешь идти, конечно. Это же твой мир. – Он демонстративно отвернулся.

«Собственно, а что я теряю? – подумал Витя, – с ума не сойду, послушаю ещё».

– Дневники отдайте мне, пожалуйста, – сказал он и пошел к дивану, стараясь не наступить на разбросанные платы и микросхемы.

– Пожалуйста, – остался Гена на том же месте, наблюдая за Витей.

– Вы про тайные общества что-то сказали? – спросил Виктор, складывая тетрадки в рюкзак, – разве сейчас существует нечто подобное?

– Конечно! – с энтузиазмом воскликнул инженер и присел рядом, растопырив ладошки. – Самая крупная называется «Вечность». – он загнул большой палец правой руки, – они хотят стать чистой энергией, блуждающей по космосу без какой-либо цели. Остальные мелкие, не больше двадца-

ти человек в каждой. – Гена начал перечислять какие-то названия, без деталей, поочередно загибая пальцы, – Лесники, Атлантида, Техногены, Шамбала, Авалон, Слепые, Гипербореицы, Арийцы и ещё те, что в Царь-Древо верят, забыл как они зовутся. – он разжал пальцы и сложил ладони на коленях. – Есть ещё мизерные по два-три человека, но о них мало известно, а раскиданы по всему миру. Так вот, – он повернулся к Вите, который уже собрал все свои тетрадки и застегнул рюкзак, – в их самых древних рукописях есть информация про некое место в параллельной реальности откуда можно попасть в другой мир. Описано всё точь-в-точь как у тебя в дневниках. Но только! – он резко вскочил, – только у тебя сразу про все, а у них обычно только про один! – и заходил по комнате взад-вперед, наступая на ломающиеся с треском платы. – Страшно подумать, Витя, кто ты такой!

Геннадий остановился и раздул ноздри, отчего Виктор вжался в диван.

– Но..., – глянул инженер в потолок, – похоже, что-то пошло не так, прикусил губу и повторил, – что-то не так.

– Что? – поддался Витя размышлениям Геннадия.

– Вечность в последние пять лет очень оживилась. – он вздохнул и с насмешкой добавил, – верхушка сменилась, появился какой-то Учитель.

Виктор вспомнил Оксану. Она же пошла на какой-то тренинг к Учителю. Неужели правда попала в секту? Пусть Геннадий и называет эту Вечность тайным обществом, а по су-

ти, скорее всего, это секта и есть! Но зачем? Зная её, это совсем неспроста. Хотя, с другой стороны, такие разительные перемены произошли в ней... «Не, бред» – улыбнулся Витя своим дурацким мыслям, – «вот так и промывают мозги, как этот Гена». Он демонстративно достал телефон:

– Извините, Геннадий, очень интересно, но я пойду. – с наигранным сожалением сказал он.

– Да, да, Витя, иди. – ответил инженер судя по всему уже погрузившийся в какие-то размышления. – Приходи в четверг.

– У меня работа. Может быть, на выходных.

– Не будет работы, – прикрывая дверь ответил Гена.

Витя решил не уточнять что тот имел в виду. Достаточно безумия на один вечер. В душной маршрутке, несмотря на укачивание, он всё же достал телефон и написал Косте:

«Извини, больше к Гене не пойду. Он точно душевнобольной!».

Отходящие на стыках обои заставили в очередной раз пожалеть о том, что ремонт он делал самостоятельно. Заманался их клеить с Костиком, так ещё и отпадать начинают. Ничего, можно делать так же как родители – по краешку чуть смазать клеем, слепить вместе и будто всё идеально. В какой-то книжке Витя читал, что каждый день нужно просыпаться так, будто это какой-то праздник, День Рождения или Новый Год, например. Когда ты, как в детстве, наполнен ощущением чуда, радуешься уже тому, что начался этот день. Совершенно бессмысленная теория. Сразу видно, что книгу писал человек, не знающий жизненных трудностей. Наверняка, вырос в богатенькой семье, отучился в каком-нибудь приличном колледже, поступил в университет. Вышел оттуда с убеждением будто знает всё обо всём и давай умничать в книжках, чтоб денег заработать на псевдо-инновационных методах саморазвития. Хотя сегодня Витя проснулся как раз с таким же настроением, как в День Рождения – с надеждой на чудо. Разглядывая обои, он представлял, что позвонит маме, а они с бабушкой дома, пьют утренний чай. Пусть они даже не вспомнят что с ними произошло, но будут живы и здоровы. Тогда он возьмёт выходной, чтоб как можно скорее их обнять. Уберет листья и гнилые яблоки во всём дворе, смажет скрипящие межкомнатные двери и разберет

сарай с инструментами. Сделает всё, только бы они больше не исчезали.

Раздался нарастающий счет на немецком языке группы Rammstein – песня «Sonne» стояла у него на всех телефонах. Она настолько ассоциировалась со входящим звонком, что когда он слышал её в другом месте или по радио, судорожно хлопал по карманам в поисках телефона. Он резко вскочил с мыслью «Мама!» и схватил телефон со стола.

– Да, Костя, – разочарованно ответил Витя на звонок, увидев что вызов не от матери.

– Какие планы на вечер? – весело спросил друг.

– У меня мать с бабулей пропали. – Глядя в пол произнес Виктор.

– Как пропали? – Не понял друг и решил пошутить. – Ты кардинально решил вопрос недопонимания и отправил их на необитаемый остров?

– Нихрена не смешно. – Витя отодрал зубами торчащий кусочек кожи рядом с ногтем большого пальца, отчего там появилась красная точка крови. – Приехал к матери, ни её, ни бабушки. Телефоны дома, из соседей никто ничего не видел. Будто испарились. – Он протер глаза. – Там даже салат недорезанный.

– А какие-то следы погрома? – спросил Костя, – Есть? Полицию вызвал? Сколько их нет?

– Полицию вызвал, погрома нет. Сказали, что работают.

– Ну, блин, – не зная как помочь другу, сказал Констан-

тин, – ты это... держись. Найдутся, обязательно.

Витя угугкнул, но подумал, что по всей стране исчезнувших тысячи и его мать с бабушкой явно не будут в приоритете для поиска. Хотя, если это секта, то найдут всех сразу. Хотелось бы на это надеяться.

– Я могу чем-то помочь? – прервал размышления Костя, – а ты у Гены спрашивал про это?

– У кого? – не понял Витя, – Да, Костя, блин, – сообразив о ком идёт речь, старался он подобрать слова, чтоб не обидеть друга, – он... странный, чем он вообще может быть полезен?

– Он очень талантливый, – не понял друг, что вопрос был риторическим и начал объяснять, – разбирается в устройстве вселенной, в это трудно поверить, но...

Витя хлопнул рукой по столу.

– Костя! – воскликнул он, – у меня мать с бабушкой пропали, а ты мне про энергию! Ну ты ж был нормальный, блин! – возмутился Витя, – а сейчас что? Харе, прошу тебя.

Друг молчал.

– Вот не надо обижаться, – добавил он, – Оксана и то сейчас адекватнее, чем ты.

Костя ещё несколько секунд не проронил ни слова, но потом ответил:

– Зря ты так, Витька. Мы же с детства дружим. – С болью сказал он. – Тебе всю жизнь говорили, что ты чокнутый, а я на твоей стороне был. А Оксана твоя... – он повысил голос, – долбанный фанатик. Гена сказал, что от неё ничего хорошего

не будет.

– Гена! Гена! Гена! – закричал Витя, резко откинувшись на стуле назад, – да ты задолбал, Костя! Это ты фанатик, а не она! – убрал телефон от уха, но осекся, – я тебе напишу если будут новости про мать, – добавил он и сбросил не дожидаясь ответа.

Витя резко положил телефон на стол и закрыл лицо руками, потирая глаза. «Собраться, надо собраться с мыслями» – он пошел на кухню сделать кофе. Дверь в комнату Оксаны была приоткрыта. Витя решил узнать, как прошел тренинг. В комнате девушки не было, а на кровати лежал широко раскрытый тряпичный рюкзак, в котором виднелись исписанные тетрадные листы. Он не обратил бы на них внимания, если бы не заголовок крупными печатными буквами – «МИРЫ, КОТОРЫЕ Я ВИДЕЛ». Да это же его записи! Витя вошел в комнату и достал бумажки. Приоткрыв рот от удивления, он перебрал все листы, просматривая рукописный текст – на каждом списки номеров с цифрами и словами. Это же из той тетради, которую он смотрел, когда хотел почитать дневники... Разве она не в рюкзаке? Витя поджав губы, вспомнил, что кинул её в стол под телевизором и не относил Геннадию. Вот черт, а он ведь говорил об этом. Но откуда он тогда знал? Может быть, что его рассказы правда? «Не, – качнул Витя головой, – наверняка у Оксаны есть логичное объяснение». Он взял листы и пошёл на кухню. Там девушки не было. Он постучал в туалет и услышал «Да, Вить» из ванной.

Видимо, занимается какими-то женскими процедурами. Он спросил скоро ли она освободится. «Пять минут» – ответила Оксана. Витя поставил чайник и сел на кухне. Положив перед собой на стол вырванные из тетради листы, он с недоумением стал поджидать когда-то хорошо ему знакомую девушку, про которую, как ему казалось, он знал всё.

– Это что? – Спросил он, когда Оксана с полотенцем на голове вышла из ванной. Она неловко улыбнулась поглядывая вверх.

– Они же тебе больше не нужны? Ты сам говорил! – Тонким голосом ответила она и пожала плечами.

– А тебе? – Он развел ладони. – Нужны?

– Учитель просил принести, – невозмутимо ответила Оксана, – ему нужны.

– Нет, Ксюш, так не пойдет. – Витя достал большую тарелку из верхнего шкафа, – Смотри. – Положил на неё листы. – Я говорил, что сжег их, – он взял зажигалку, – вот, сжигаю, – и поднёс огонь к краю листов.

Бумага взялась быстро. Уже через пару секунд на тарелке были обгоревшие маленькие кусочки белой бумаги в клеточку и пепел. Кухня наполнилась дымом. Витя открыл окно на проветривание, выбрал из тарелки крупные остатки и повторно их поджег. Оксана, ссутулившись, стояла за его спиной. Выпучив глаза и крепко сжав руки в замок на груди, она не произнесла ни слова.

– Вот и всё, – он с улыбкой повернулся, – теперь начинаем

с тобой жизнь с чистого листа. – Потрепал девушку за щёку и добавил, – никакого тёмного прошлого, только светлое будущее. Я пошёл работать.

Витя сел за стол, включил ноут и пока тот загружался, снова позвонил в полицию – всё так же никаких новостей об исчезновении, но уточнили, знает ли Виктор что-либо про религиозную организацию «Вечность». «Может быть, – спросили они, – бабушка или мама были связаны с кем-либо из неё?». Он ответил отрицательно. Мать была ярым атеистом и единственное, во что когда-либо верила, это нерушимость советского союза. А с этим, как известно, не повезло. Так что её взаимосвязь с какой-либо религией невозможна. «Мать была...» – испугался Витя словосочетанию из своего ответа. «Мать есть. С ней всё в порядке. И бабушка есть. Они живы и здоровы» – несколько раз прокрутил он убеждение в голове и принялся работу.

Задач навалилось несчитанное множество, но сосредоточиться на них, даже несмотря на срочность, было крайне сложно. Витя решил активнее попрактиковать необходимый для руководителя навык, делегирование, и раздал указания юным программистам. К счастью, они были заряжены на работу, активны и с радостью восприняли новые нестандартные задачи. Он достал из рюкзака оставшиеся тетрадки, замер прислушиваясь к тому, что делает Оксана на кухне. Убедившись, что она не собирается идти в зал, принялся за дело. Отодвинул стол, который загоразживал один из ящиков ши-

фоньера и достал дорожный чемодан. Быстро открыл, стараясь не производить громких звуков и спрятал туда все тетрадки. Как-нибудь исполнит обещание, сожжет их все до единого. Прошлое прошло. Он аккуратно вернул всё на свои места и удовлетворенно сел за ноутбук. Пролистал новостную ленту – количество исчезнувших не увеличивалось и никто не был найден. Оказалось, что в сумме, по всему миру, пропало около тридцати тысяч человек! «Не может такого быть, – подумал Витя, – чтоб столько людей исчезли бесследно. Если где-то убыло, значит где-то прибыло – закон сохранения энергии, – он тут же панически одёрнул себя, – никакой энергии! Наверняка есть логичное объяснение, как с моими видениями и лунатизмом». Он вспомнил тот день когда ему привиделось, будто вдруг исчезли все люди, не было электричества, газа, воды, и обрадовался, что искаженное восприятие больше не повторялось.

Будильник настойчиво кричал, что пора начать рабочий день. Витя нащупал телефон на столе, который, к счастью, стоял недалеко от дивана, протянул руку и выключил назойливую мелодию. Открыл левый глаз глянуть время – девять тридцать. На телефоне мелькнуло уведомление, что кто-то назначил звонок на десять. Он открыл и второй глаз, чтобы уже осознанно посмотреть детали важного сообщения. В событии было ещё двое приглашённых – директор и менеджер по персоналу. Ура, ура, наконец-то его повысят! Неплохо было бы подготовить краткий обзор о том, что узнал нового о менеджменте и управлении командой, но времени уже нет. Хоть бы успеть позавтракать. Виктор нажал кнопку включения ноутбука и помчался на кухню поставить чайник. Уже по привычке набрал маму, бабушку, соседку тётю Валю – нет ответа. Позвонил в полицию – тоже никаких новостей.

На него весело поглядывали свеженькие пирожки со стола, он ткнул в один из них пальцем – мягонькие, судя по всему, с картошкой. Взял парочку, сделал кофе и отнес завтрак в зал, к своему рабочему месту. До звонка пятнадцать минут. Остается найти приличную одежду да примять непослушные волосы, чтоб выглядеть прилично. Пришлось искать рубашку в вещах для стирки. Вся чистая одежда находилась в комнате, выделенной Оксане, куда Витя не рискнул се-

годня заходить после вчерашнего демонстративного сожжения украденных у него листков из дневника. Он постоял у двери, прислушиваясь к звукам с той стороны – ни единого шороха. Видимо, наготовила еды с самого утра, а теперь спит. Лучше не будить, тем более рубашка не мятая, только слегка отдает неприятным запахом. Он откусил пирожок и, почувствовав непривычный вкус, с удивлением начал пережёвывать. «Странная начинка» – подумал Витя и глянул на внутренности выпечки. Там атели вишни без косточки вместе с картошкой, но судя по вкусу, ещё содержались лимон и чеснок. Он положил пирожок на тарелку, выплюнул туда же недожеванный кусок и задвинул странный кулинарный шедевр за ноутбук. За пять минут до звонка Виктор включил камеру, пригладил волосы, скорчил пару гримас чтобы почувствовать мимику. Смешанный вкус несовместимых продуктов ещё был во рту, отчего кривляния получились знатные. Запечатлел как дурачится и зашел в виртуальную комнату по ссылке из события в календаре.

– Привет, Виктор. Пару минут подождем Владимира Степановича и начнём, – поздоровалась молоденькая блондинка с каре, поглядывая куда-то за экран. Видимо, подготовила заметки на бумаге и просматривает их.

– Хорошо, Оленька. – девушка была настолько милостивой, что в коллективе никто не называл её иначе как Оленька. Витя не был исключением. – Я бы хотел рассказать о своём прогрессе в менеджменте. Почти прочитал ту толстую ум-

ную книжку, что ты советовала.

Не успела девушка ответить, как брынькнул колокольчик подключения нового участника – появился директор. Он махнул рукой, не произнося ни слова, эйчар запросила одобрение на начало разговора и тот так же беззвучно кивнул.

– Все в сборе, давайте начнём, – улыбнулась Оленька, – Виктор, во-первых, мы хотели бы тебя похвалить. Ты отлично ладишь с менеджерами и разработчиками. – она глянула за монитор, в заметки, – но адженда сегодняшнего звонка, к сожалению, другая.

Витя напрягся, вглядываясь в круглое серьезное лицо директора. Оленька сделала паузу, видно, собираясь с мыслями и продолжила:

– Я думаю, ты знаешь, что компания пережила полугодовой кризис и мы с трудом удержались на плаву. К счастью, сложное время миновало и мы набираем обороты.

«Хорошо» – подумал Виктор, – «Значит они всё-таки сделают меня управленцем. Тем более, что похвалили».

– Оленька, давай я продолжу, – вмешался Владимир Степанович. – Виктор, мы пережили кризис за счет бюджета компании. Если не примем меры по оптимизации расходов, выйдем в убыток уже в следующем месяце. Клиент, над задачами которого вы с командой работали последние два месяца, разрывает с нами контракт. – Лицо его не выражало никаких эмоций и только во время небольших пауз можно было уловить сжатые зубы. – Это значит, – продолжил ди-

ректор ровным тоном, – что часть сотрудников будет переведена на почасовую оплату, а часть отправлена в неоплачиваемый отпуск до момента, пока продажи не пойдут в гору.

– А я... – начал было Витя, но Владимир Степанович предупредил вопрос и ответил:

– Нам придется отправить тебя в неоплачиваемый отпуск на три месяца.

– Но я могу как-то помочь с другими проектами. – Перспектива бросить компанию во время кризиса и просидеть три месяца в ожидании неизвестно чего, Витю совсем не радовала. Если есть проблема – её надо решить общими усилиями, а не разгонять команду.

– Мы уже спланировали все необходимые действия по преодолению сложностей. Если никаких глобальных изменений в мире не произойдет, через три месяца полностью восстановим штат и объемы работы. – мягким вкрадчивым голосом сказала Оленька.

– То есть, мне гулять три месяца?

– Мы пойдем, если ты найдешь другую работу. – С сожалением сказал Владимир. – Но надеемся вернуть всех на свои места в максимально сжатые сроки. Пожалуйста, не обсуждай это с командой. Ещё не все в курсе.

Виктор не имел ни вопросов, ни уточнений, всё понятно. Увольнение на три месяца. Как-то... неожиданно. Ещё вчера активно трудился, а сегодня в десять утра уже проблемы. Огорошили. Было бы лучше, если бы руководство не дер-

жало реальное положение дел в тайне полгода, а как-то предупредило о возможных последствиях кризиса. Он захлопнул крышку ноутбука и, облокотившись на стол, помассировал виски. Видимо, черная полоса. У всех бывает, у всех заканчивается. А значит, что? Значит нужно собраться с силами, запастись терпением и переждать бурю. Тем более деньги на существование есть, долговых обязательств ни перед кем нет, значит всё наладится. Всё будет нормально. Мать с бабушкой найдутся, в компании дела наладятся и он вернётся. С покупкой машины, конечно, придётся подождать, но это не критично. Он глянул список задач на сегодня – половина слетела из-за прекращения сотрудничества с клиентом, остальную мелочевку можно сделать позже. «Лучшее средство от уныния – прогулка» – подумал Витя и решил позвать Оксану побродить среди осенней листвы. В юности они много ходили по городу, смотрели закаты и рассветы, слушали уличных музыкантов и плясали под их песни. Сейчас, конечно, так никто не будет делать, но погода располагает к боевому настроению – ярко светит солнце, освещая желтые кленовые листья. Рядом с домом есть прекрасный парк. Витя представил как они с Ксенией не торопясь идут под руку и обсуждают светлое будущее и стало немного легче.

Он подошел к закрытой двери комнаты Оксаны, постучался и театрально сказал:

– Ксения Ивановна, разрешите обратиться!

Оксана не ответила. Он постучал сильнее.

– Оксана Прекрасная, не соизволите ли вы совершить прогулку с вашим верным слугой? – немного помолчал и добавил, – Ибо жизнь в дерьме, которое надо развеять хорошей погодой.

Витя услышал шорох и тихие шаги. Девушка плавно приоткрыла дверь. Без каких-либо эмоций глянув на улыбающегося Виктора, холодно ответила:

– Не интересует. – И снова закрылась.

«Не понял» – опешил Витя. Постоял немного возле запертой двери и вернулся в зал, пытаясь понять причины такого поведения девушки. Может быть, она подслушала разговор и решила, что его уволили? Но ведь с ним не попрощались окончательно. Нет, он был в наушниках, она бы не поняла всей сути разговора. Или она обиделась, что Витя сжёг листы из дневников? С чего бы? Это его тетрадки, делает что хочет, а она вообще без спросу забрала записи. А значит, рылась в вещах. Нехорошо. Блин, а с другой стороны если они ему не важны, почему же он просто не отдал их Оксане? «Могла бы попросить» – буркнул он вслух. Обиделась, блин. И Костя обиделся. Витя проверил обновления в мессенджерах, друг был онлайн десять минут назад. Обычно присылает какие-то смешные видео или спрашивает как дела, а сегодня – ничего. Ну а что он пристал со своим Геной? Этот чудак явно не поможет в исчезновении матери и бабушки, тут должны работать специалисты. «Хотя, – расстроился Витя, – я, наверное, мог быть помягче». Он оглядел комнату – старый

шифоньер, низко висящая люстра с пыльными плафонами, разваливающийся стол, темные плотные шторы – всё навало тоску, ведь мебель была больше частью ещё бабушкина. Витя закрыл глаза, глубоко вдохнул и резко выдохнул. Повторил процедуру. Такое контрастное дыхание расслабляет и снижает напряжение. Он решил выйти на улицу, чтобы провести остаток дня в своё удовольствие. Взять чего-то вкусенького, расслабиться, постараться отдалиться от проблем и набраться сил для выживания. Ничто не бывает вечно. Рано или поздно, сложности закончатся.

Витя натянул на себя то, что нашёл в быстрой доступности – потрёпанные, мятые джинсы, старый свитер, в котором ходил дома если было холодно, обул летние кеды. Вопреки ожиданиям прогулка по парку не вызвала радости. Дети весело раскидывали листья, а родители фотографировали их. Влюбленные парочки, держась за руки, медленно прогуливались и все, все смеялись, улыбались, напоминая Вите о том, что у него «всё не как у людей». Он зашел в магазин, взял чипсов и безалкогольного пива. Выпивать не хочется, когда нетрезв всё усугубляется, а проблемы становятся только больше. Ради удовольствия пить не хочется, а ради расслабления – бессмысленно. На кассе была очередь, какая-то крайне пожилая бабулька не могла оплатить картой и поэтому медленно отсчитывала по рублю денег на хлеб и молоко. Витя тяжело вздохнул. Раздражает, но торопиться всё равно некуда, можно подождать. Подошла его очередь,

он приложил банковскую карту для оплаты к кассовому терминалу, но на чеке выскочила ошибка. «Может быть, денег недостаточно?» – уточнил кассир и Витя отрицательно покачал головой. Попробовали ещё раз, снова ошибка. Он вспомнил, что во внутреннем кармане куртки есть наличка и нашёл пятьсот рублей. Ну отлично. Видимо, у них что-то с терминалом, бабулька же до него тоже не могла рассчитаться, хотя у других покупателей, похоже, проблем не возникло. Витя вернулся в квартиру, дверь в комнату Оксаны была всё так же заперта. «Ну и чёрт с тобой» – подумал он и включил приставку. Пока загружалась игра, он пролистал новости, позвонил тёте Вале – всё так же никаких изменений. Бросил телефон на диван и, удобно развалившись в кресле, погрузился в виртуальный мир Древней Греции.

Впервые за две недели Витя не ощутил приятного запаха свежеприготовленной еды. Он открыл глаза, глянул на телефон – двенадцать дня и ни единого пропущенного. Витя перевернулся на живот, уткнувшись лицом в подушку. «Если ты не падал ни разу, – подумал он, – то не сумеешь подняться», выдохнул весь воздух и поднял голову, чтоб сделать вдох. Нет, весь день так не пролежишь, надо сделать хоть что-то полезное. Например, помириться с другом. «Ну а как не быть вспыльчивым, – вспыхнул в памяти крайний разговор с Костей, – когда мать с бабушкой растворились в воздухе? И нет никаких зацепок, чтоб понять направление. При чем тут какая-то энергия и миры? Люди не исчезают вот так вот просто. Их кто-то похищает или они уходят сами, но уж точно не испаряются». Он вспомнил как в восьмом классе Костя влюбился в девушку гота, которая направо и налево рассказывала о различных методах самоубийства. Друг не воспринимал это как нечто нездоровое, а называл «оригинальным взглядом на жизнь», индивидуальной особенностью. Но вот когда она начала резать кроликам головы, выливать кровь в бокал и пить её, тогда всё встало на свои места. Костя даже сам грозился написать на неё заявление в полицию за живодёрство. Ну вот такой он, да. Стремится понять всех душевнобольных, думает, что они особенные. Витя пе-

ревернул обратно на спину и начал разглядывать узор на обоях, в некоторых местах так напоминающий чудные мордочки диковинных зверей. «Душевно-больной» – повторил он про себя. Видимо, поэтому сдружились они с Костиком, что тот желал доказать, что Витя обладает особенным взглядом на жизнь, а не страдает шизофренией. Да, конечно, не страдает. Нарушения сна, лунатизм, болезненное воображение, путаница между сном и реальностью – ну да, идеальный список показателей психического здоровья. Жалостливый просто Костик, всех ущербных хочет пригреть. «Блин, – Витя поджал губы, раздув ноздри, – зря я с ним так. Поеду мириться».

Он встал с кровати и сразу натянул джинсы и рубашку. Костя тоже работал удаленно, системным администратором, поэтому наверняка должен быть дома. А обеденный перерыв у него обычно в два. Комната Оксаны была плотно закрыта, он постучал, чтоб сказать, что уедет. С досадой подумал, что девушка даже не удосужилась узнать как его дела. А сейчас ведь отличная ситуация для реализации половины супружеской клятвы – горе и бедность на месте. Она не открыла и Витя, пожалав плечами, обулся, вышел и поспешил к метро.

Выбравшись из темного подземелья, Витя пожалел, что не захватил очки. Если в культурной столице появлялось солнце, мир вокруг становился ослепительно ярким. Конец сентября, а погода уже второй день хорошая. Удивительно!

Спустя несколько минут глаза более-менее адаптировались к непривычным цветам и Витя стремительно, большими шагами двинулся к многоэтажке, где жил друг со своей девушкой. Пиу-пиу-пиу – зачирикал домофон после того, как Виктор набрал «39», но никто не отозвался и дверь не открыл. Позвонил на мобильный – гудки, гудки, «оставьте голосовое сообщение». Набрал Веру – то же самое. Глянул в мессенджеры – Костя был онлайн десять часов назад, а Вера три часа назад. Написал обоим, но галочки доставленных сообщений не появились. Спят, может? Набрал на домофоне номер соседней квартиры, объяснил ситуацию – подъездную дверь открыли. Витя поднялся на пятый этаж пешком, лифт не работал. Постучал в деревянную дверь, переводя дыхание, и подумал, что надо заняться бегом или хотя бы начать ходить в тренажёрку. Судя по всему, всё-таки дома никого не было. Витя встал перед дверью, думая с кем бы связаться. На лестничной площадке пролистал социальные сети и написал нескольким общим знакомым. «А, блин, Верка-то на работе, – хлопнул себя по лбу Витя, – перезвонит, может». Постучал ещё раз посильнее – тишина. Нашел в телефонной книге номер отца Кости, сразу не решаясь, всё же позвонил. Владимир Петрович сказал, что сын собирался на какой-то тренинг и Витя успокоился. Вероятно, отправили на профессиональную конференцию или обучение. «Хотел как лучше, а получилось как всегда» – подумал он и вернулся на улицу.

Во дворе бегали ребяташки. Они весело залетали по сту-

пенькам наверх, а затем по очереди скатывались с горки. Витя улыбнулся и вспомнил как однажды больно ударился, съехав с ракеты во дворе. В его время были не такие безопасные детские городки как сейчас. Тогда развлечения были игрой на выживание. Почти каждый ребенок во дворе имел в активе достижений перелом ноги или руки. Виктору повезло, его конечности остались в целости и сохранности, но, однажды скатываясь с высоченной, как ему тогда казалось, горки, больно ударился копчиком. Хороший получился урок, он запомнил на всю жизнь, что прежде, чем лезть наверх, надо посмотреть где приземлишься. Он вздохнул, позвонил маме – нет ответа, бабушке – то же самое и подумал про себя «мамулечка, ну вернитесь скорее, я не буду с тобой больше никогда ссориться».

Когда резко исчезает работа и появляется масса свободного времени, не можешь сразу избавиться от чувства, будто ты что-то забыл. Витя перебрал в голове все возможные дела, с ужасом осознав, что ему нечем заняться. Привыкаешь жить по расписанию, в состоянии цейтнота, а потом «вжууух» и ничего нет. Становишься таким пустым, потеряннным, одиноким. В этот момент легко поддаться унынию, распылить своё время на нечто совершенно неважное. Хотя мама не верующая, но всегда говорила, что уныние – это смертный грех. Осознание этой простой мудрости вдруг легло несмысливаемой татуировкой на всю прожитую жизнь Виктора. Он понял, что увольнение с работы не повод для бездействия,

решил взять себя в руки и съездить к шизанутому Геннадию. Не для задушевной беседы, а для предупреждения, что если он продолжит промывать Косте мозги, будет худо. Ну а что, инженер этот щупленький, руки-веточки, сутулится, да и на вид не молод уже, лет сорок, так что опасности от него нет. Витя пусть не в лучшей форме, но когда-то занимался боксом, постоять за себя и за друга точно сможет. Тут же, не откладывая, он глянул подходящий маршрут – пол часа на автобусе, остановка рядом, и не торопясь пошел в нужную сторону. Не заметив, как прошли тридцать минут пути, Виктор прошел по салону на выход к передней двери, рассчитаться банковской картой за проезд. Он уже было вышел из транспорта, но водитель его громко окликнул «За проезд заплати, операция не прошла!». Витя на пару секунд озадачился, но наскреб в кармане тридцать пять рублей. «Нет, на счету точно есть деньги, – подумал он, – видимо, терминал у водилы не работает».

Судя по всему, Геннадий ночевал где-то в другом месте. Каморка не была настолько прокурена, как в прошлый раз. Инженер встретил Виктора всё в той же желтой рубашке, надетой на голое тело, и с сигаретой в руке. В этот раз чудаковатый мужчина обошелся без странных пасов руками, а просто окурил Витю сигаретным дымом со всех сторон прежде, чем пустить дальше. Табуретки были завалены платами и микросхемами, но Гену это не смутило – он привычно, одним движением руки, смёл всё на пол. Поставил стул перед Вик-

тором и с напыщенной серьезностью произнёс:

– О, вижу мальчик, который хотел понимания, сегодня серьезно настроен.

Витя проигнорировал фразу, но всё же присел на табурет. Сделал глубокий вдох и начал:

– Геннадий, я хочу сразу расставить все точки над и – сказал он, сложив руки на груди, – я пришел не болтать, а предупредить, чтоб вы не пудрили Косте мозги, – он сцепил зубы и глянул на инженера.

– Ха! – воскликнул Гена и рассмеялся запрокидывая голову, – смешной мальчик. Совсем запутался.

– Ну, кажется, вы меня поняли. – Витя поднялся и встал лицом к лицу с инженером. – Костя мой друг, я не допущу, чтоб он попал в беду.

Геннадий выдохнул, устало наклонил голову вправо и ответил:

– Поздно, Витя, он уже попал в беду. – сказал Гена и со злостью ткнул пальцем Виктору в плечо, – Из-за тебя.

– Не понял, – опешил Витя.

– Ну что ты не понял? – тоном, которым говорит отец, наказывающий сына, спросил инженер, – не тупой же, глазки открой свои.

– Где он? Я звонил сегодня, не отвечает. – Виктор отбросил эмоции, надо получить как можно больше информации и встретиться с другом. – А отец его сказал, что он на тренинге.

– Ага, – усмехнулся Гена, – на тренинге. У Учителя в Вечности.

– Ну, – пожал Витя плечами, – и что? Оксана, моя девушка, была на тренинге и ничего страшного не произошло.

Геннадий расхохотался, закрыв лицо рукой, затем присел на диван, продолжая громко смеяться. Потом указательными пальцами протёр глаза, несколько секунд ещё улыбался, похмыкивал, выдыхал и, прицокнув, сказал:

– Как бы тебе мягко объяснить, – он наклонил голову и направил взгляд в маленькое окошко, расположенное почти под самым потолком, – «Вечность» делает из людей фанатиков. Все угощения, – он говорил, расплываясь в неприятной улыбке и с выпученными глазами безумца, – пропитаны неким наркотиком, подавляющим волю. Один раз побывал там и «пф!» – он сделал взрыв руками, – прощай жизнь. Ты больше не человек, ты адепт секты, инструмент для достижения целей Учителя. И всё. Всё! Просто инструмент!

– Да не, – ответил Витя, но с некоторой долей неуверенности в голосе – даже если это так, Костя не дурак, не будет всякую гадость жевать где попало. И с Оксаной всё в порядке.

Геннадий развел руки и пожал плечами. Витя мотнул головой и, отогнав лишние мысли, сказал «Я пойду». Развернулся в сторону двери, но, вспомнив про главную цель своего визита, обернулся и утвердительно добавил «В общем, вы меня поняли».

В городском транспорте отлично думается. Смотришь на фонари, на яркие вывески за окном и как-то сами собой всплывают в голове нужные вопросы, на которые во время поездки потихоньку появляются и ответы. Размеренное движение помогает систематизировать информацию и разложить мысли по полочкам. Витя глянул в мессенджеры – Костя заходил в интернет три часа назад, но на сообщения не ответил. Если был онлайн, значит жив, здоров. Вера тоже не перезвонила, наверняка на работе забегалась. Было начало десятого и Виктор решил отложить им звонки уже на завтра. Регулярный звонок матери с бабушкой не пропустил, но ответа всё так же не было. Зачем Костя пошёл в секту? Зная друга, это наверняка связано с их ссорой насчет Оксаны. И, как всегда, он, наверное, хотел что-то доказать. «Да что он докажет, – усмехнулся Витя, – я с ней живу. Мне точно виднее, что и как». Полностью погруженный в свои мысли, он зашел домой, разделся и прошел на кухню. Открыл холодильник – никакой еды нет. Прислушался, в комнате Оксаны тишина. Видимо, сильно обиделась на него. Даже готовить перестала. Ладно, выйдет из комнаты в душ или на кухню, тут Витя её и подловит для разговора. Пора прекращать эту ссору с недопониманием.

Утвердившись в этой мысли, он прошел в зал и включил

ноутбук. На автомате просмотрел почту, бездумно побродил по восстановленным браузером вкладкам. Без всякой цели клацнул мышкой по глупой рекламе «15 знаменитостей, которые изменились до неузнаваемости» с кучей перенаправленных ссылок на другие, совершенно не связанные с этим, сайты. Минут на сорок завис в монитор. От всемирной паутины его отвлекло громкое урчание в животе. Желудок настойчиво напомнил, что нужно срочно ему туда что-то закинуть. Из магазинов работают только круглосуточные, а там ничего путевого не найти. Виктор решил заказать еду в ресторане европейской кухни с доставкой на дом. Зашел на сайт, залогинился, выбрал пюрешку с котлетками и салатик из овощей. Нажал «Оплатить». Карта была привязана к виртуальному сервису, данные для доставки указаны, так что он рассчитывал увидеть «Спасибо за заказ, ожидайте доставку в течение 40 минут». Но получил сообщение об ошибке проведения платежа.

Витя вспомнил, что за последнее время он уже пару раз сталкивался с непонятным феноменом, когда не проходила оплата картой. Нужно разобраться. Зашёл в мобильное приложение – всё в порядке, деньги на счету есть. Почему тогда оплата не проходит? Он решительно набрал номер телефона горячей линии, послушал бота, рассказывающего о новых банковских продуктах и завис под классическую мелодию, в ожидании свободного оператора.

– Добрый день, Виктор Павлович, меня зовут Елена, какие

у вас вопросы?

– Здравствуйте, Елена, оплата картой не проходит, хотя деньги на счету есть.

– Одну минуту, Виктор Павлович, я проверю состояние вашего счета.

– Жду, – снова музыка, через несколько минут девушка вернулась с ответом.

– Виктор Павлович, я вижу, что ваш счет заблокирован по 174 статье. Вам необходимо в течение пяти рабочих дней прийти в отделение банка.

– В смысле, заблокирован? – возмутился Витя.

– Более подробную информацию вам смогут дать в отделении банка. Вам подсказать ближайшие адреса?

– Нет, спасибо.

Он пытался получить какие-то более конкретные ответы, но на всё девушка отвечала, что подробнее скажут «в отделении банка». Порядок процедуры ясен – предоставить документы, подтверждающие легальность регулярно получаемых денежных средств, подождать пока они их проверят и тогда счета будут разблокированы. Но до момента, пока он не предоставит бумаги, деньги заморожены. Если с документами будет что-то не так, ему откажут в обслуживании, но он сможет снять все свои деньги, либо перевести их в другой банк. Жесть какая-то.

«И за что мне это?» – устало подумал Витя. Он пошёл в прихожую к стеклянной баночке, куда обычно сбрасывал ме-

лочь, забрал её и отнес на стол в зале. Потом открыл шкаф, полазил по карманам во всех куртках, нашел двести пятьдесят рублей – две купюры по сто и одну в пятьдесят. Прошерстил рюкзак, в мелких кармашках нашёл ещё двести одной бумажкой. Все найденное богатство присовокупил к баночке. Сел за стол, перевернул копилку с мелочью и сосредоточенно начал выбирать сначала десюлики, потом по пять рублей, ну и дальше всю остальную мелочь. В итоге, Витя наскреб по сусекам семьсот пятьдесят пять рублей. На неделю точно хватит, не придется ни у кого занимать. Он оставил по крупицам собранное богатство на столе и решил поговорить с Оксаной по душам. Хотелось вместе сесть, подумать что делать. И потом, может она расскажет, наконец-то, про эту свою организацию, про Учителя, про семинар. Витя подошел к двери её комнаты и постучал. Свет не горел. «Может, спит?» – подумал он, постучав сильнее. Никаких шорохов и звуков. Витя тихонько прокрутил ручку, приоткрыл дверь – кровать застелена и никого нет. Он растерянно прошел в комнату, включил свет. Огляделся. Никаких вещей, никаких знаков присутствия девушки. Прошел к окну и на тумбочке увидел небольшой конвертик такого же размера, в которых дарят деньги. На нём аккуратно выведено гелевой ручкой «Письмо Виктору от Учителя». Взял его в руки, повертел оглядывая со всех сторон, открыл и достал белый, аккуратно сложенный, листок. Развернул. Прочитал текст, написанный от руки печатными буквами:

«И загорелась в небе самая яркая звезда.

И начали люди возносить ей мольбы свои.

Но не слышала звезда ни просьб, ни жалоб, ни молитв.

И отвергли люди пороки свои, блага материальные, обратились к звезде “Учитель, снизойди к нам, неси слово своё”.

И услышала тогда их звезда, спустилась на землю. Так появился Учитель.

И нес Учитель слово своё:

Мы – странники вселенной.

Мы кружим по галактикам в виде энергии.

Мы – вечная мысль.

Наша скорость выше скорости света, наш разум сильнее разума вашего бога.

Куда мы движемся? Никуда.

Какова наша цель? У нас её нет.

Кто нами руководит? Никто.

Мы сами – совершенные сущности.

Нам не нужна цель, мы превзошли её. Нам не нужно направление, оно ничего не значит. Вечность ждёт и тебя, о, познавший сущность всего.

Вечность ждёт и тебя, о, осознавший небытие.

Вечность ждёт и тебя, о, открывший тайну своего мира и превзошедший её».

Витя несколько раз пробежался взглядом по тексту, потер глаза и глянул ещё раз. Не поверив в происходящее и держа

послание тремя пальцами за уголок, заглянул на кухню, проверил ванну и туалет в надежде, что Оксана вовсе не испарилась, а просто очень тихо где-то сидит и, например, читает. Но нет, квартира была абсолютно пуста. Он сел на табурет, прикрыв глаза и тяжело вздохнув, крепко зажал виски указательным и большим пальцами правой руки. Потёр бороду и ещё раз прочитал записку. Какая-то белиберда и ничего от Оксаны. Никакого сообщения, никаких намёков на её уход. Ни-че-го. Он перевернул листок и заметил в нижнем правом углу фразу, написанную маленькими буквами «Ты знаешь, что нужно делать».

– Не знаю! – крикнул он в пустоту и сильно ударил кулаком по столу, отчего чашки подпрыгнули с лязгающим звуком.

«У всего есть логичное объяснение, – размышлял Витя, закрыв глаза, – научно обоснованное, логичное объяснение». Он просидел, прислушиваясь к окружающим звукам и стараясь восстановить внутренний душевный баланс, ещё минут пятнадцать. «Жениться даже уже хотел, дурак. Снова на те же грабли! Радовался, что изменилась в положительную сторону. Решил попробовать ещё раз, а она опять бросила. Вечная «почти жена»! Сколько раз говорил себе, что люди не меняются. Ничего, блин, не меняется. Нет, друзья, – обобщенно обратился он к Ксюхе и Геннадию, – вы меня в это безумие не втянете. И не надо мне вешать лапшу на уши о каких-то сектах. Если человек плохо поступает, так это не

из-за секты, а из-за того, что он сам с гнильцой».

Витя переоделся в домашнее и включил юмористическую передачу по телевизору. Спать совершенно не хотелось, а время скоротать надо. Утром нужно сделать несколько важных дел: позвонить Оксане и потребовать объяснений, связаться с Костей и убедиться, что с ним всё в порядке, пойти в полицию и надавить на сотрудников, чтоб они активнее искали мать. Работы нет, времени полно. До девяти утра он крепился, хотя веки всё больше становились свинцовыми. Позвонил по номеру Ксюши, который она оставила – недоступно. А первый раз, вспомнил Виктор, она, кажется, звонила с другого номера... Точно. Посмотрел по времени звонка в истории. Было несколько неизвестных номеров, но какие-то нечеловеческие, то есть красивые, от рекламных служб, видимо, и один номер обычный. Выбрал его. Гудок. Второй, Третий.

– Слушаю, – ответил мужской голос.

– Здравствуйте, с этого номера мне недавно звонила девушка, Оксана. Скажите, пожалуйста, как с ней связаться?

– А вы кто?

– Я её парень, – осторожно сказал Витя.

– Вот сука! – Крикнул мужчина. – Тварь какая! – Разразился он оскорблениями.

Витя подождал пока мужчина выдохнется и аккуратно, во время паузы, переспросил:

– Так как с ней можно связаться?

– Что она у тебя украла?

– В смысле? – насторожился Витя.

– Мы жили с ней два года. Я археолог, перевозил один важный предмет. Она напросилась поехать со мной. По дороге я на заправку заскочил, ну по делам, понимаешь, а она, – мужчина яростно выдохнул, – предмет этот свистнула и умотала на попутке.

– А когда это было? Как же она звонила с вашего номера? – озадачился Виктор.

– Пришла недели две назад, мол, дорогой, меня шантажировали, сказали, что если диск этот не привезу, то дочь нашу будут искать по оврагам.

– У Оксаны есть дочь?

– Полтора года Светочке, – с любовью ответил археолог, – так она стерва, звонок сделала и снова умотала. И меня, и дочь бросила. Ни её, ни диска из музея. На меня дело могут повесить, но я же не при чем! – он возмутился и, показалось, что даже всхлипнул.

– Извините за беспокойство, как вас?

– Борис.

– Боря, приятно познакомиться. Я Виктор, – и добавил, – Ничего не украла. Наверное.

– Ну ты проверь, мужик, на всякий случай. – сопереживающе сказал он, – я в полицию когда пошёл, так оказалось, на неё уже две заявки есть, никак не поймают, а я ведь женился...

– Ладно, если она, – не дал пожаловаться Борису на судьбу
Витя, – вернется, дайте знать.

После дневного сна всегда болит голова. Если есть силы не спать днем, не нужно ложиться. У Вити сил не было. Бессонная ночь, неоднократно заданный вопрос «Что я делаю не так?», попытки объяснить поступок Оксаны, захлестнувшая его паника о судьбе матери, бабушки, а теперь ещё и Кости – всё это вымотало Витю полностью и он около одиннадцати утра с телефоном в руках заснул. Разбудила его вибрация телефона и пока не заиграла мелодия, он быстро ответил на звонок. Услышав знакомый голос в трубке, Виктор резко поднялся на один локоть и сел, ведь наконец-то объявился друг.

– Костя! – радостно крикнул Витя, – ты где пропал? Извини меня, я переборщил, не обижайся. Давай по пиву сегодня? У меня такая жесьть в жизни, – выпалил он.

– Витёк, – рывком произнёс друг, – Все наши представления о жизни ошибочны! – воскликнул он вместо ответа на предложение, – Мы зря копим материальные блага и удовлетворяем потребности туловища, слышишь? – спросил Костя и не дождавшись ответа, продолжил восклицать. – Тело – наказание для духа, ограничитель нашей истинной энергии! Мы должны освободиться как можно скорее и жить вечно!

Виктор испуганно молчал, ожидая завершения монолога. В голове всплыли слова Геннадия, что сектантов накачивают

наркотиками и превращают в фанатиков. Неужели... Неужели, правда? Витя зажмурился, а Костя продолжал ликовать:

– Витя, чудик ты мой родной, ты же был так близок к истине всю свою жизнь! Но те миры, что ты видел – ничто! Маленький пшик в сравнении с миром Учителя. Мы отправимся туда и будем жить вечно! Станем энергией, бороздящей просторы без цели и нужды! Мы станем звёздами, слышишь?!

– Ты дома? Я сейчас буду. – Витя вскочил с кровати и начал одной рукой натягивать джинсы.

– Нет, нет! – блаженно ответил Костя, – Учитель сказал, что я должен быть с ним пока ты нам не поможешь.

Виктор замер. И он туда же.

– О какой помощи идёт речь? – серьёзно спросил он, но друг продолжил игнорировать прямые вопросы.

– Ты представляешь какая это честь? Ты..., – с долей отвращения сказал Костя, – тот, кто всю жизнь бегаёт от самого себя, сейчас можешь помочь самому Учителю!

Отношение к другу, судя по интонациям в словах Кости, скакало от презрения до тёплых дружеских чувств. Глаза у Вити стали влажными, видимо, от нестабильного режима сна. Он потёр их указательным и большим пальцами и хотел узнать где всё-таки находится друг и как он должен «им» помочь. Не думал он, что втянет каким-то образом Костика в неприятности. Хотя не ясно ещё кто кого куда втягивает.

– Ты где? Я приеду.

– Сделай дело, гуляй смело! Мне пора, пока! – ответил друг и сбросил звонок.

Витя набрал его снова, гудки, гудки, голос, рекомендующий оставить сообщение. И так раз десять. Или больше. Он позвонил Вере, наверняка Костя ходил на тренинг один, Вера ведь работает днём. Тоже нет ответа. Без всякой надежды он отправил ей смс «перезвони, как сможешь». Сел на диван и от бессилия швырнул телефон с такой злостью, что тот ударился о стену. Раньше бы Витя схватил его, проверил всё ли в порядке с этим дорогущим драгоценным устройством. Но сейчас ему хотелось забиться в угол, прижав колени к груди, и спрятаться от всего происходящего. Подождать пока нормальная жизнь вернётся сама. В голове пульсировала единственная мысль – «Что, чёрт возьми, вокруг него такое происходит?».

Витя резко вскочил. Уныние – смертный грех. Надо что-то делать. А может все не так страшно, как кажется? Допустим, полиция работает над поиском матери и бабушки, компания работает над тем, чтоб у него была работа, а Костя жив, пусть и немного сошёл с ума. «Что-то я делаю не так» – снова подумал Витя. Он решил глянуть дневники, ведь все проблемы взрослой жизни скрываются в комплексах и страхах из детства, недопонимании или осуждении со стороны родителей. Помимо описания снов там должны быть и его детские переживания. Первый шаг на пути решения проблемы – признать её. Он с такой яростью отговари-

вался от перечитывания дневников, когда психолог посоветовала пересмотреть их, что, видимо, там всё-таки есть нечто непроработанное. Витя отодвинул стол, блокирующий один из шкафчиков шифоньера, куда спрятал дневники, открыл дорожный чемодан и не обнаружил ничего. Пусто! Тетрадок нет. Ни единого листика, ни одной писульки. Ни больших блокнотов, ни маленьких – ничего. Он отодвинул стол ещё больше, вытащил сумку, вывалил все пакеты и тряпки из шкафчика – тетрадей не было. «Что она у тебя украла?» – промелькнул в голове вопрос мужа Оксаны. Витя лег на пол в окружении всего хлама. «Может, я перепутал и положил их в другой шкаф?» – подумал он. Подорвался, открыл все шкафы и шкафчики, быстрым движением руки скидывая все вещи на пол, чтоб ящики остались пустыми. Ни тетрадок, ни блокнотов нигде нет. «То есть, у меня она украла мои детские воспоминания и сны – развёл Витя руками, – и зачем?».

Он оглядел беспорядок в квартире, возникший буквально за несколько минут. Убирать вещи на прежние места не было никакого желания. Недосып явно давал о себе знать, но Витя понимал, что заснуть всё равно не получится. Появились новые обстоятельства и нужно серьезно всё обдумать. «Получается, – размышлял Виктор, – Оксану подослал Учитель, чтобы она выкрала мои дневники. Но кто такой этот непонятный Учитель и что ему от него, от Виктора, нужно?» Он решил не сообщать пока информацию о секте в полицию. От обвинений без фактов могут просто отмахнуться. Это в луч-

шем случае. А в худшем – посчитают ложным доносом и засунут в изолятор до прояснения обстоятельств. Кто его знает, насколько всесильна эта организация. Вон скольких людей в стране разные секты по-миру пустили, лишили здоровья, а то и до самоубийств довели. И ничего никакая полиция с этим сделать не может. Нужно подойти к решению проблемы с другой стороны. Может быть он в силах самостоятельно вернуть всё на свои места? Вот только как теперь без дневников и знания местоположения адептов Вечности понять, что делать? Он прошерстил интернет в поисках адреса секты, но ничего не нашёл. Были только последние новости об исчезновении людей и краткое описание идеологических верований «Вечности». Официальных страниц не нашлось ни в социальных сетях, ни просто в поиске. «Гена?» – скривившись понял Витя, что других вариантов нет. Нужно ехать к инженеру. Он вспомнил их встречи и устыдился своему мнению о нём. Получается, что сейчас единственный, кто может помочь – душевнобольной чудаки. Скорее всего вполне безобидный. Ну ладно. Чтоб решить задачу, которую раньше не решал, придётся делать то, чего раньше не делал.

– Ну привет, – усмехнулся Геннадий в лимонного цвета рубашке с длинным рукавом, – мальчик, ищущий правду. – В этот раз он впустил Витю, не выполняя никаких ритуалов вокруг него.

– Я бы хотел извиниться за своё поведение, – вместо при-

ветствия начал Витя. Почувствовав витающий в никотиновом мареве запах канифоли, глянул в левый угол, где на столе что-то легонько дымилось. На секунду промелькнувшая мысль, что душевнобольные люди могут вести себя непредсказуемо, а паяльник крайне опасное устройство, заставила Виктора слегка напрячься.

– Да ладно, – ответил Геннадий, – забыли. – Он подошел к рабочему месту и вместо паяльника воткнул в сеть электрический чайник.

Витя аккуратно пробрался к дивану, стараясь не наступать на хлам на полу. Один раз что-то хрустнуло, он поднял ногу и увидел сломанную плату. Гена повернулся на треск и махнул рукой озадаченному Виктору, мол «неважно». Инженер повернул стул к дивану, сел напротив. Витя обратил внимание на глубокие синяки под глазами и до боли печальный взгляд мужчины.

– Начнём? – спросил Гена, наклонив голову.

– Что начнём? – не понял Витя, не ожидая такого вопроса.

– А знаешь, – не ответил инженер, достал из мягкой пачки сигарету и закурил, – что самое страшное? – Он выпустил дым к потолку, – что все мы полностью зависим от тебя и ещё от пары человек в этом мире. – Он стряхнул пепел на пол, – Вселенная наделила нас самоосознанием, но не обременила правом что-то менять в чужих мирах. Ну ладно, начнём, – он встал, подошёл к Вите, не уловившему никакого смысла в прозвучавших словах, и резко ударил его основанием ла-

дошки по лбу.

«Надеюсь, выживет» – услышал Виктор отдаляющийся глухой голос, но ответа не узнал. Он уже нёсся куда-то, словно по скоростному шоссе – справа и слева мелькали смазанные силуэты. Витя посмотрел вверх, потом вниз – жжжух, жжжух, там, так же как и по бокам, разноцветные полосы. Вдруг без всякого торможения резко стал падать вниз. Он очень боялся высоты и уже начал прощаться с жизнью, но внезапно снова, без разворота, понёсся резко вверх. А вокруг него всё такие же полосы скоростного движения, будто некий механизм в конце огромной трубы всасывает его, притягивает к себе.

Внезапно простор. Свобода. Парение.

Он не чувствует ничего – ни страха, ни боли, ни радости, ни тревоги. Он парит. Он завис где-то в тёмном мрачном пространстве. Единственное, что осталось – безмятежное безусловное спокойствие. Он оглядывается и видит вокруг себя звёзды. Разного размера, цвета, яркости. Маленькие и большие, жёлтые и красные, тусклые и насыщенно сияющие. Он хочет посмотреть на свои руки, но видит лишь жёлтые лучи разной длины. Мыслей нет. Желания ускользают. Никаких активных действий. Просто парить в пространстве. Вечно.

Он чувствует тонкую, тянущую, как боль, нить притяжения. «Нет, не хочу. Мне хорошо» – пытается он кричать. Но

всё сильнее и сильнее его куда-то тянет. Он поддается. У него нет воли, он не вправе хотеть или не хотеть. Он должен повиноваться. Впереди видит что-то круглое. Он чувствует, что за ним наблюдают. Слышит эхо «де...», но не понимает смысла. Его скорость всё больше и больше, он оборачивается. Видит за собой длинный жёлтый хвост. «Я умираю» – понимает он и разбивается яркой вспышкой о круглое стекло в широкой стальной оправе.

«Дедушка!» – кричит маленькое существо и бежит к нему. «Я знал, что ты не умер!» – говорит оно, протягивая свои мерзкие ручонки. «Неужели такова жизнь после смерти?» – ужаснулся он. Существо прильнуло всем телом. Оно тёплое и, кажется, не опасное. «Я дедушка!» – вдруг подумал он с гордостью – «Здравствуй, Витя, ты поймал налимов?»

Перед глазами коричневые ромбы с точками. Какое-то старое покрывало. Тело лежит неровно на боку, таз проваливается в выемку, а в голову упирается пружина. Старый неудобный диван. Зябко. Витя не глядя щупает рукой вдоль тела, находит куртку и укрывает ей плечи. Так лучше. Намного. А с пружиной и проваливающимся задом можно смириться. Хотя нет, нельзя. Постепенно просыпается осознание самого себя и он понимает, что всё тело затекло. Особенно ноги, которые, судя по всему, были долго прижаты почти к груди. Витя аккуратно переворачивается на спину и видит серый потолок, который когда-то, наверное, был белым. Поворачивает голову влево – высокие стеллажи с кучей хлама. У стены, над столом ссутулился Геннадий всё в той же лимонной рубашке, во всю орудует отвёрткой. Ощущение будто всю ночь пил. Виктор, медленно подложив под голову руки, чтоб пружина давила в них, а не в затылок, вспомнил ночное видение. Он поводил глазами в разные стороны и тихонько цокнул. Хотел спросить «Что произошло?», но не смог – во рту пересохло и слова отказывались высказывать наружу, удалось издать только хриплое сопение. Заскрипел стул, Гена аккуратно сложил инструменты и подошел к Вите, молча посмотрев на него сверху.

– Что видел? – вопросительно кивнул инженер.

Витя пытался прокашляться, но не вышло, он прижал руку к горлу и пощупал его, со злостью глядя на Геннадия.

– Зато жив, – пожал плечами Гена, налил в пластиковый стакан воды из остывшего чайника и протянул Виктору.

«Ах ты, долбаный псих, – подумал Витя, – убить вздумал?».

– Мне нет смысла травмировать тебя, – прокомментировал Геннадий агрессивный взгляд Вити, – воды выпей и всё пройдёт. – Он присел на край дивана, протянул свободную руку и помог подняться.

Никогда в жизни Виктор не пробовал такой вкусной воды. С каждым глотком он ощущал чистоту, свежесть, даже блаженство, чувствовал, что это живительная жидкость. Он прикрыл глаза от наслаждения и увидел себя, пьющего из быстрого горного ручья, а вокруг лес с высоченными соснами и вдалеке снежные вершины, дух захватывает. Выдохнул, произнес восторженное «эх» и с удивлением глянул на Гену, протянув пустой стаканчик. Инженер улыбнулся, отчего морщины вокруг глаз стали глубже и вернулся на стул. Витя медленно сел, пощупал голову и облокотился на колени, глядя инженеру в глаза, которые, как оказалось, были разного цвета. Один светло-коричневый, а другой серый. Он пристыдил себя, что не заметил такой интересной детали раньше, но потом оправдал – не до этого было. Обернулся и глянул в маленькие окошки под потолком – судя по всему, глубокая ночь. «Эх, была не была, – подумал Витя и махнул ла-

дошкой, – расскажу что видел во сне».

Пока Витя рассказывал сон, Гена выкурил три сигареты, любуясь клубами выпускаемого дыма. Он не перебивал, не задавал вопросов, только изредка покачивал головой. Переводить ощущения в речевую форму, было непросто. Словарный запас Вити не включал тех терминов, которыми можно было бы описать пережитое и с каждой произнесенной фразой он всё острее чувствовал абсурдность своего видения. Когда он закончил, то скривил лицо, вжал голову в плечи и неловко резюмировал «как-то так». Геннадий помолчал ещё минут пять. А Виктор поймал себя на том, что уже не испытывает злости к инженеру, а чувствует себя мальчиком, пришедшим к учителю, чтоб узнать решение задачи. «Ну всё, он и мне промыл мозги» – промелькнуло в голове разочарование, но Гена не позволил его развить.

– Нет, очень полезное видение. – Он помассировал нижнюю губу, – Всё состоит из энергии. И всё связано со всем. – Он цокнул, – как бы тебе объяснить, – громко выдохнул, – все существа соединены энергетическими нитями в нашем мире, между мирами, в разном времени. Я называю это ментальными каналами. И это огромная, многомерная система. Полностью осознать её невозможно потому, что вот тут, – он постучал указательным пальцем по виску, – слишком много ограничений. – Он облокотился на спинку стула и запрокинул голову, – Слишком, слишком много.

Витя внимательно слушал, пытался применить слова Ге-

ны для решения своих проблем. Но всё было таким общим, неконкретным, что он зашёл в тупик в своих размышлениях и перебил инженера:

– Вы говорили, что можете помочь, так? – попытался перевести разговор он в конструктивное русло, – как мне найти мать с бабушкой и вернуть Костю в здравый рассудок?

– На конкретные вопросы хочется конкретных ответов, – протянул Геннадий, – но у меня их нет.

– Ну, конечно, биоэнергетика – это вопросы про высшую материю, а не ответы про приземленные неприятности. – Разочарованно усмехнулся Виктор. – Вы ввели меня в транс или загипнотизировали, осыпали цитатами из какого-нибудь философского трактата и считаете, что помогли. А на деле, никакого толка от всех этих слов. Ни капли полезной информации. – Он встал и отряхнул одежду от мелкого мусора с дивана.

– Ты прав. – Ответил Геннадий. – Только вот никакого толка и не будет, пока ты, – он погрозил Вите указательным пальцем, – вот ты сам, не перестанешь считать себя сумасшедшим или лунатиком.

– Я себя таким не считаю, – сцепив зубы ответил Витя.

– Считаешь! – Разозлился Гена и вскочил со стула, – а из-за тебя всё рушится! Тысячи людей остались в единственном экземпляре во всей Вселенной! Друг твой пошел в секту, чтоб тебе же доказать, что ты нормальный и сны твои чистая правда! А ты, идиот! – он сцепил кулаки и поднял

плечи, – бестолочь ты! – Гена замолчал и расслабился, закрыл глаза, сложил руки в треугольник на груди и добавил, – Дневники свои читай.

– Нет у меня их, – буркнул Витя и отвернулся.

Геннадий рассмеялся и медленно похлопал в ладоши.

– Девка спёрла?

Виктор промолчал.

– Ладно, мальчик ищущий правду... – Инженер поставил стул рядом с одним из стеллажей, забрался на него и поводил по верхней полке рукой, пододвигая к краю что-то крупное. Он достал стопку альбомных листов и протянул Вите, спрыгнув на пол со стула, – на, я копии сделал. Слишком уж ценная у тебя информация там была. Домой иди, утро уже. – Геннадий пошел открывать дверь, – и думай.

Полученную при общении с кем-либо информацию, надо переосмысливать в одиночестве, а во время уединения – обсуждать с людьми. Так, и только так можно прийти к более-менее объективным умозаключениям. Если не позволишь себе время от времени изолироваться от социума – погрязнешь в чужой правде, которой далеко до истины. Если будешь чрезмерно избегать коллектива – завязнешь в собственном воображении. «А что я теряю если почитаю их?» – подумал Виктор про дневники, придя домой, – «Хуже всё равно не будет». Отчего-то он испытывал стыд. То ли от того, что вокруг всё рушится, а он бездействует. То ли от того,

что безумный инженер сказал ему, будто это он виноват во всех бедах, потому что живёт неправильно. Да уж, придётся столкнуться с прошлым. Он вытащил из рюкзака стопку бумаг с распечатанными страницами из дневников, бросил их на кухонный стол и поставил чайник.

Противно зазвонил дверной звонок, он глянул в глазок. С той стороны стоял полицейский в фуражке и с какой-то папочкой в руках.

– Кто там? – спросил Виктор.

– Здравствуйте, я ваш участковый. На вас донесение. Открывайте.

Голос Витя уже подал, поэтому пришлось открыть, хоть визит служителя правоохранительных органов и казался крайне подозрительным. Оказалось, что на Виктора подала жалобу управдом за то, что он уже как три дня гадит на лестничной площадке.

– Что, простите, я делаю? – не поверил Виктор своим ушам.

– Гадите на лестничной площадке. В туалет ходите. По-большому. – С вызовом и брезгливостью в голосе повторил полицейский.

– Это абсурд! Я живу в этом доме, зачем мне тут кучи валить?

– Слушайте, не знаю что у вас за фетиш, но извольте заплатить штраф за мелкое хулиганство.

– Какой штраф? Мою вину ещё доказать надо. – Нет, они

так просто его не возьмут, это же полная глупость!

– Доказана уже, десять из десяти соседей опознали вас на записи с видеокамер.

– То есть я по вашему ещё и дурак, так что ли? Гадить под камерами, – Витя нервно засмеялся.

– Вот квитанция. – протянул участковый бумажку. – Оплатите в течение трех дней.

Виктор взял платежку, закрыл дверь и стал внимательно изучать то, что написано. М-да, нужно идти к управдому и разбираться, чтобы отзывала свою жалобу. Нет, ну почему нельзя было сначала прийти поговорить? Сразу бы выяснили кто и в чём виноват. Наверняка же просто некто похожий повадился кучи валить на лестничной площадке. Кто угодно, но точно не он.

С горем по полам, Витя нашел чистую одежду, обулся, запер дверь и пошел к управдому в соседний подъезд. Это была тучная женщина, которая постоянно ворчит и жалуется на работу, на то как она обо всём доме заботится, а они только и знают, что приходиться к ней с проблемами. Он набрал на домофоне «1». Офис управдома напоминал секретный штаб, ведь именно она следила за камерами, которые были выведены на несколько мониторов. Витя глянул на фиолетовый берет на её голове и разноцветный шейный платок – либо только пришла, либо уже уходит.

– А вот и ты, гадёныш. – презрительно сказала она, – то-то же! Я сразу тебя узнала. Надо же о людях думать, о соседях

своих. Вот Галина жила отродясь такого не было, а вы испорченное поколение. – она, прихрамывая, пошла к вешалке не давая Вите ни слова сказать, – ухажу я, рабочий день закончен. Некогда разбираться с тобой.

– Это не я гадил на лестнице, – спокойно сказал Витя.

– Ага, как же не ты, – она продела одну руку в рукав пальто, а другой водила за спиной, пытаясь найти второй. – Глаза-то всё видят, – она махнула головой в сторону мониторов.

– Я на лестничной площадке не бываю, на лифте езжу. – так же ровно произнёс Виктор.

– Да кто ж поверит тебе, засранцу. – она совершенно не желала слушать. – Одни интернеты да телефоны у вас в голове, никакого воспитания.

– Покажите записи. – он стал возле двери.

– Завтра, Лимов, рабочий день у меня закончился, выходи, давай. – она напористо пошла на него. Учитывая габариты управдома, Виктор всё же попятился и вышел.

– Я приду завтра. А вы заберете свою жалобу из полиции. Это был не я. – он не прощаясь пошел в свой подъезд, а женщина, прихрамывая и повторяя «ага, не он, видели мы все» – пошла в другую сторону.

Совершенно возмутительная ситуация. Витя даже не мог представить себе таких условий, при которых он пойдет справлять нужду в подъезд вместо своей уютной «комнаты для размышлений». Ну бред какой-то. Ошиблись, перепутали его с кем-то, оклеветали и уже заклеямили засранцем. На-

верняка те десять опознавших его, будут теперь сторониться при встрече, детям своим рассказывать про «дядю, который какает в подъезде» и показывать пальцами. Позорище. Вот ведь как бывает! Ничего не совершал, а виноватым себя чувствуешь.

Он поднялся на лифте на двадцатый этаж, усмехаясь своему «хуже не будет». Глядя в пол, на ровные белые квадраты, и, переступая через линии, пошел по коридору, но увидел на полу тень. Поднял глаза и замер. Оксана, мать его. Истину говорят про преступников и про их тягу. Возвращаются всё-таки, гады, на место преступления.

– Пошла вон отсюда. – прошипел Витя, схватил её за плечо и отодвинул от своей двери. – Я сейчас полицию вызову.

– И что? – рассмеялась она. – Ну не злись ты так, – она поправила косу, спадающую на бок, сделала губки бантиком. – Я на секунду зайду, забыла в комнате одну вещь.

– Какую? – прищурился Витя.

– Кулон под подушкой.

– Я сам посмотрю, – ответил он и открыл замок.

– Да ладно, – насмешливо рассмеялась она, – ну что слабая девушка сможет сделать против такого статного мужчины?

Витя, повернувшись, осмотрел её. Действительно, хрупкая, низкорослая. Будет выделяться – он закинет её на плечо и вынесет из квартиры.

– Оксана, ну нафига ты так со мной? – он глянул ей в глаза, но не увидел ни капли сожаления, только ехидный блеск, – иди, – он открыл дверь и пропустил её вперёд.

Девушка не разуваясь, прошла в комнату, где жила, подняла подушку и бросила на пол, поводила рукой по простыне, прощупывая матрас. Витя стоял, облокотившись на дверной косяк. Пусть она и миниатюрная, а если дверь в комнату закроет – только взламывать. Судя по всему, под подушкой она ничего не нашла, стащила одеяло и тоже скинула на пол.

– Может как-то поскромнее? – он поразился такой наглости и пренебрежению его вещами.

– Материальные предметы не имеют ценности.

– Ага, – он почесал бороду, внимательно наблюдая за судорожными поисками девушки, – именно поэтому ты ищешь какой-то материальный предмет. Зачем тебе мои дневники? – воспользовался он шансом получить ответы на свои вопросы.

Оксана промолчала, подняла одеяло и подушку с пола, кинула обратно на кровать и начала ходить по комнате, оглядывая пол.

– Как встретиться с учителем?

Девушка даже не глянула на Виктора и он снова не получил ответа.

– Нет здесь ничего, уходи, – сказал Витя, видя, что её поиски ни к чему не приводят. Оксана хотела было что-то ответить, но дёрнулась от резкого сильного стука в дверь. Витя повернулся к входной двери. В дверь не просто стучали, а настойчиво били изо всех сил. Кажется, даже ногами. Виктор по пути к входной двери пытался успокоить, нервно тархтящее от необоснованного испуга, сердце. Он услышал мужские голоса, глянул в глазок и увидел двух огромных мужиков. Один из них упорно долбил кулаками металлическую дверь, а другой стоял, скрестив руки на груди. Витя тихонько прокрутил замок – закрыл дверь, повернулся к Оксане и показал «тихо». Девушка прикрыла дверь в комнату пока Витя

с замиранием сердца рассматривал амбалов в глазок, оставив небольшую щель. Потом громко крикнула «Он дома!» и захлопнула дверь, защелкнув замок.

– Дура, что ты делаешь! – заорал он и обратился к мощным, агрессивно настроенным мужчинам за дверью, надеясь, что они что-то перепутали. – Вы к кому? Я не открою.

– Виктор Лимов, если не отдашь долг в 24 часа, – громким басом сказал тот, что тарабанил, – мы тебя, – он сделал вид, что выстрелил из пальца, – ну ты понял.

– Я никому ничего не должен, – крикнул Витя, – я вызываю полицию! – он достал из кармана телефон и набрал 102, но услышал «на вашем счете недостаточно денежных средств, пожалуйста, пополните...». Он выругался про себя и ударил кулаком в ногу, но подумал, что вышибалы ведь не знают о том, что у него нет денег на счету. Поэтому, держа телефон возле уха сделал вид, будто вызвал полицию и она уже выехала.

– Это не поможет, – сказал тот, что спокойно стоял, – мы придём завтра.

Они развернулись и громко зашагали к лифту. Витя облокотился спиной на дверь, в поясицу давил ключ, но он стоял не шевелясь. Сколько в них роста было? Жесть. Витя метр восемьдесят, а они оба выше и намного шире. Такие избили бы до полусмерти не моргнув глазом. Он глянул на закрытую дверь спальни, крикнул «Идиотка! Что я тебе сделал?!», и съехал по двери на корточки. Сердце потихоньку

начало биться ровнее, дышать стало проще. Самое время закурить или выпить стопку водки. Глянул на руки – слегка трусятся. Он пошел на кухню и открыл верхний шкафчик – ни капли спиртного. Вспомнил, что выпили последнюю бутылку коньяка месяца два назад с Костей, когда тот серьезно поспорил с Верой. Витя остановился рядом с запертой дверью, за которой притаилась Оксана. «Вали отсюда!, – на всю квартиру заорал он и кулаком затарабанил в дверь, – одни неприятности от тебя!», она не отвечала. Витя схватился за ручку. Из всех сил начал дергать её взад-вперёд, дверь двигалась, но не открывалась. Он пошел на балкон за инструментами. Разнести дверь, но выкурить эту крысу из своего жилья! Постукивая рукой по ноге и тяжело дыша, Витя схватил с полки с инструментами молоток. Быстро, зацепившись за косяк плечом, пошел к двери, но уже было поздно. Входная дверь была распахнута настежь, а в подъезде раздалось эхо быстрых шагов. «Вот сволочь» – подумал Витя, с грохотом бросив инструмент на паркет, отчего там образовалась небольшая вмятина. «Нет, я это так не оставляю» – крепко сжал он кулаки и ударил в стену. Костяшки заныли от ушиба, он потряс рукой. Боль немного привела в чувство. Заметил на тумбочке в прихожей небольшой конвертик, такой же как в прошлый раз. На нём таким же аккуратным почерком было выведено «Виктору от Учителя». Витя быстро, порвав конверт, достал свернутою втрое записку и прочитал:

«И нёс учитель людям слово своё:

Стыд собирает воедино тревоги.

Страх придаёт значимость сомнениям.

Злость сжигает всё на своём пути.

Это – удел приземлённой личности.

Но есть ли те, кто сможет обрести вечную жизнь, будучи человеком?

Те, кто сможет вспомнить свою сущность и стать "ничем" и "ником"?

Энергией, бороздящей вселенные?

Мыслью, способной трансформироваться во что угодно?

Вы сможете увидеть таких около себя, их мало, но они есть...

А может быть...

Это ты сам?

Кто знает, кто знает...»

«Ясно, – подумал Виктор, – очередной сектантский бред».

Одним движением он скомкал бумажку и сунул в карман, схватил рюкзак, обулся и пошёл в ближайшее отделение полиции. Худощавый служитель правопорядка провёл разъярённого Виктора в кабинет писать заявление. Он расспросил о ситуации, уточнил из какой компании были вымогатели, но, какие вышибалы представляются, блин? Витя подробно, как можно детальнее описал ситуацию, в том числе присутствие Оксаны и её поведение, но не упомянул за-

писку – это не имеет отношения к вымогателям. Пообещали выяснить обстоятельства и найти нарушителей, ведь службы по выбиванию долгов тоже должны действовать по закону и по согласованию действий с банком. Но Витя не имел никаких кредитов, ипотеки или других долговых обязательств. Также ему прочитали лекцию о поведении с коллекторами – не открывать дверь, записать разговор на диктофон, запросить, чтоб они представились, быть доброжелательным, уверенным в себе, контролировать слова и чувства. Вспомнив вышибал, Витя воспринял советы как издевательство. Поэтому он закинул из оставшихся наличных денег триста рублей на счёт, чтобы сразу же вызвать полицию если потребуются срочная помощь, и недовольный пошел домой. Что может быть хуже, чем не чувствовать себя в безопасности в своём же доме? Он закрыл все замки на входной двери в квартиру, даже те, которыми никогда не пользовался. Поставил перед в коридоре стул, на который водрузил пакет с банками, чтоб непрошенные гости споткнулись в случае визита. Если вдруг кто-то зайдет, то он хотя бы это услышит и успеет позвонить в полицию.

Витя сварил найденную гречку в пакетиках. Масла почему-то в холодильнике не оказалось, но до безумия хотелось есть. Пришлось жевать сухую, шершавую кашу, запивая ее чаем. С полным желудком жизнь кажется не такой унылой! Напряжение слегка отпустило. Позвонил тётке Вале, вдруг есть какие-то новости о маме с бабушкой. Очень хо-

чется увидеть хотя бы небольшой просвет в том мраке, который сгустился вокруг него в последние дни. Увы! Прослушал рассказ, что двор совсем неухоженный, яблоки некому убирать, мол, приехал бы, навёл порядок пока матери нет. Поугукал и попрощался. Потом позвонил Косте – гудки и нет ответа. Зато с Верой улыбнулась удача, если можно это так назвать. Оказалось, что они с Костиком серьезно поссорились, она его знать, видеть не хочет и вообще уехала к матери в другой город. Витя хотел было рассказать, что друг в беде, но потом решил не заставлять её волноваться. Всё решится и друг сам с ней помирится. Наверняка. Такой уж Костик – любит Верку до безумия, не оставит без обоснованной причины их отношения в критическом состоянии. Виктор глянул на стопку белых листов с копией записей из своего детства и, скривив лицо, будто ест нелюбимую им манную кашу, подтянул их ближе. Пролистал, думая с чего бы начать. Наверное, стоит читать в хронологическом порядке, но только вот он никогда не ставил даты, так что пришлось просто начать с первой отсканированной страницы.

«Вчера деда показывал людей, которые никак не могут подружиться друг с другом. Одни выращивают растения, а другие живут в летающих городах. Мне понравились большие деревья, по которым можно забраться на самое небо, но белые летающие города тоже классные. Вот бы когда-то там побывать. Но дедуля говорит, что я могу только наблюдать, а путешествовать никогда не смогу. А завтра он обещал по-

казать волшебников, которые знают заклинания и летают на мётлах» – прочитал Витя и почувствовал, что в этом куске текста есть нечто важное. Взял из секретера в зале несколько чистых альбомных листов, черную гелевую ручку, и написал заголовок «Важное из дневников». Ниже добавил первым пунктом «Могу наблюдать за мирами, но не путешествовать».

Куча вещей в одном месте на полу – уже шаг на пути к порядку. Виктор, не нагибаясь, ногами подопнул разбросанные в зале ещё с пятницы вещи, сгребая их в кучку, совершенно не желая ничего раскладывать на свои места. А откуда взяться настроению для наведения порядка, когда в жизни полный хаос и не ясно как и куда двигаться дальше? Он открыл шторы и посмотрел в окно. Зажгли фонари. Освещение добавило уютной ламповой атмосферы темным улицам. Одинокая ель в центре двора была украшена желтыми кленовыми листьями словно новогодними игрушками. Осенний ветер постарался. Детские горки и карусели пустуют. Гиперответственные мамы выращивают тепличных детишек – не выпускают гулять если на улице сильный ветер или дождь. А может, они просто оправдывают заботой и переживаниями своё нежелание самим выходить на улицу? Ведь за малышами нужно следить, а так хочется после тяжелого дня поваляться в тёплой кровати и отдохнуть. Только одинокие собачники, скукожившись, бродят вокруг дома. Этим-то деваться некуда. Четвероногие питомцы не прощают лени. Их месь, в прямом смысле слова, дурно пахнет.

Снова накатила тревога в перемешку с бессилием. Матери с бабушкой нет уже неделю. Всё так же никаких новостей. Как ужиться с неизвестностью и беспокойством? «Лишь бы

с ними было все в порядке! – Думал Виктор, – знать бы что живы и им там, где они сейчас, ничего не угрожает...» Мысли перескочили на события последних дней. Витя пытался вспомнить хоть что-то, намекающее на долг из-за которого пришли вышибалы. Промелькнула мысль, что Оксана с ними заодно, но он фыркнул, отогнав её подальше. «Блин, – подумал он, сложив руки домиком возле рта, – неужели я настолько больной лунатик, что взял какой-то кредит и забыл?». Он выпучил глаза, отрицая догадку. Но если подсознание вызвало видение с исчезновением людей, почему оно не может заставить его пойти в контору за кредитом или нагадить в подъезде? Может правда провалы в памяти? Звучит логично, но пугающе. Неужели можно НАСТОЛЬКО не контролировать себя? «Да нет, – начал он спорить сам с собой, – скорее меня вербуют сектанты. Учитель вон записки оставлял. Записки мне точно не привиделись. Они реальные». Витя, желая подтвердить трезвость рассудка, решил перечитать письма от лидера «Вечности». Вторую записку не нашёл. Вспомнил, что в порыве злости всё-таки выбросил листок в мусорное ведро у подъезда, а вот первая должна быть где-то здесь. Витя точно знал, что оставлял её на тумбочке в комнате. Но толстый слой пыли намекнул, на тумбочке давно ничего не лежало. Разум начал зашкаливать, на долю секунды ему показалось, что он и вовсе не живёт сейчас, а видит сон. Потом обрадовался – раз это сон, значит мать не пропала, можно проснуться и продолжить спокой-

но жить. Указательным и большим пальцами правой руки ущипнул себя, сильно оттянув вверх небольшой кусочек кожи на левой – больно, блин! Потёр покрасневшую руку. Нет, реальность. Значит записка найдется. Потом, когда надобность в ней отпадет. Так всегда бывает с потерявшимися вещами. Да и с людьми.

Если начинаешь сходить с ума нужно срочно с кем-то пообщаться, выйти к людям. Он собрал все листы с дневниками, сбросил их в рюкзак и пошёл в душ. Если уж куда-то идти, то чистым и свежим. Пусть вместе с грязью вода смывает все безумные мысли. Он намылил волосы, усердно массируя голову, когда сквозь шум воды услышал грохот и резкий, визжащий звук, напоминающий звук упорно работающей болгарки. «Наверное, в подъезде что-то чинят» – подумал он. Смыл шампунь, вышагнул из ванны. Собрался было пойти на лестничную площадку, посмотреть что там происходит, но увидел, что забыл взять свежее полотенце в комнате. Плотнo прижимая ладошки к рукам и ногам, смёл капли и открыл дверь из запаренной ванной. По пути к шкафчику с чистым бельем и выстиранными полотенцами не удержался, и в коридоре, стоя на цыпочках на холодном полу, приставил ухо к входной двери. В подъезде было тихо. Только Витя хотел глянуть в глазок, как болгарка зашумела снова. Он резко отскочил от неожиданности. Скрежещущий визг будто прорезал перепонки в его ушах, настолько близко был звук. Витя побежал в комнату поскорее одеться и выглянуть

в подъезд. В спешке схватил, натянул халат, тапочки и с ужасом замер на выходе из зала – его входная дверь искрила. Похоже, вышибалы вернулись и взялись за дело всерьёз, повзрослому. Он быстро набрал 102, вызвал полицию. «Хоть бы приехали быстрее» – повторял он, оглядывая квартиру, судорожно натянул брюки, рубашку. Надо собрать всё самое ценное. Неясно что происходит, но разбираться самому может быть опасно для жизни. Выдернул зарядку ноута из сети, захлопнул крышку и аккуратно положил всё в рюкзак. Сгрёб со стола оставшуюся мелочь, схватил сумку с документами, положив туда же. Искры перестали сыпаться на обои, Витя осторожно подошел к двери и услышал голоса с той стороны. Через глазок увидел уже знакомых амбалов, у одного из которых болгарка в руках, а с ними рядышком стоит Оксана и показывает участковому какие-то бумажки. Тот изучает их, кивает, а потом стучит в дверь.

– Виктор Лимов, освободите, пожалуйста помещение.

Витя опешил.

– На каком основании? – ответил он и, вспомнив советы полицейских, добавил, – представьтесь, пожалуйста.

– Старший участковый уполномоченный полиции Сергей Поляков.

– А эти двое вышибал?

Участковый обернулся, оглядел рослых мужиков и ответил:

– Эти двое с гражданкой Оксаной Пантеевой. Она, как за-

конная собственница, просит вас освободить помещение.

– Какая собственница? – Витя прижался к двери, – я собственник! – закричал он в щель, уже выпиленную болгаркой.

– Гражданин Лимов, пожалуйста, откройте дверь для конструктивного диалога. – ответил полицейский, – иначе нам придётся всё-таки выломать дверь.

Оксана непрестанно наклонялась к мужчине в форме, что-то говоря на ухо. Тот поджимал губы и покачивал головой. Витя попросил участкового показать удостоверение. Через глазок видимость не идеальная, но, похоже, это настоящий полицейский. Лучше открыть, чем ждать пока вскроют дверь и вытурят его силой.

Участковый действительно прибыл по вызову Виктора, но изучив ситуацию занял сторону Оксаны и вышибал. Делегация зашла в квартиру, а девушка начала бегать по квартире, сообщая своим подельникам «телевизор в целости, газовая плита в норме» и прочую информацию о бытовой технике и мебели. Витя тем временем изучал бумажки, которые протянул полицейский. Дарственная от семнадцатого сентября на квартиру со всем имуществом с печатью и номером. Выглядит бумажка как настоящая, даже его подпись стоит в нужном месте. Виктор пытался доказать полицейскому, что такое невозможно, никаких бумаг он не подписывал! А вышибалы приходили вчера, невежливо требуя долг, он даже заявление подал. Участковый сделал пару звонков и подтвердил Виктору, что документ настоящий, заверенный нотари-

усом и есть в реестре. Так что, закон на стороне девушки, а ему придётся освободить помещение. Витя глянул на горилл, стоящих у двери, лица которых не выражали никаких эмоций. Испуганно посмотрел на Оксану, которая к тому времени перестала суетиться и замерла, опершись на стену с ехидной улыбкой.

– Сергей Владимирович, – произнесла она, поглаживая участкового по плечу, – я же вам говорю, санитаров нужно вызывать. Он и дарственную на меня оформил потому, что переживал о собственной неадекватности, – она потрепала Витю по щеке, – совсем с ума сошёл живя в одиночестве. Так тяжело переживает смерть матери, – Оксана глянула с наигранной жалостью и нежностью.

Витя от злости хотел наброситься на неё с кулаками, но одёрнул себя. Нужно вести себя адекватно, чтоб действительно не упекли в психушку, и сделать вид, что он всё вспомнил.

– Да, точно! Сергей Владимирович, – прокомментировал он циничное заявление Ксении, – Оксана всё верно говорит, просто мы с ней повздорили и я решил так... насолить ей. – Его передернуло. – Приношу извинения за причинённые неудобства, я сейчас же уйду. – Он был в ярости. Съехать из собственной квартиры, которую отработали вышибалы, сговорившись с его ненормальной бывшей девушкой? Безумие! Но, судя по всему, другого варианта нет. Не хотелось бы провести остаток жизни в дурдоме. У Оксаны и там

найдутся знакомые санитары. Заколют до смерти. Он спросил, сцепив зубы – разрешите одеться и забрать зубную щётку?

Участковый пристально глянул Виктору в глаза и кивнул. Судя по всему, поверил в его здравый рассудок или просто не захотел дальше возиться с семейной драмой. Пока Витя одевался, Оксана вилась вокруг полицейского, змеиным голосом говоря «Ему нужна помощь специалистов, он же вернётся, а вдруг он нанесёт ущерб себе». Молодой полицейский больше молчал, но иногда кивал в сторону вышибал, добавляя «у вас вон, друзья хорошие, помогут». Витя, вместе с полицейским вышли из квартиры. В лифте ехали молча, а на улице Сергей Владимирович пожал ему руку, посоветовав «Не провоцируйте их. Подарили квартиру ведь уже. Обратного пути нет. Ведите себя хорошо» и ушел в направлении участка.

«Бежать» – стрельнуло у Виктора в голове. Он помчался в обратную от участкового сторону. «Быстрее. Дальше. – Думал он. – А то вызовут санитаров, те не будут церемониться. Мигом скрутят». Он мчался не разбирая дороги, шлепая по лужам и разбрызгивая грязную воду. Люди испуганно оглядывались на него, отходили в стороны, а некоторые останавливались, ждали пока он пробежит мимо. Миновав парк, Виктор остановился только в соседнем квартале. Замер, наклонился к коленям прямо посреди тротуара. Мешая прохожим и тяжело дыша, перевёл дух. В щелях между плитами

прогулочной дорожки виднелись маленькие зелёные росточки, аккуратно накрытые опавшими листьями. Жить хотят. Спрятались. Витя встал, обернулся, взглядываясь в силуэты – похоже, за ним никто не следовал. Он снял рюкзак, проверил содержимое – всё на месте, похвалил себя, что сразу успел собрать самое необходимое и, надев его обратно, побежал дальше.

Поездка в переполненной электричке, это всегда испытание. Велосипедисты толпятся на входе в каждый вагон, живенькие ворчащие бабульки цепляются за них и рассыпаются нескромными ругательствами о молодёжи, которая совсем «не та», где-то мелькают бомжеватого вида мужички с перегаром на весь вагон, а деревенские матроны по пути домой, почему-то, едят бутерброды с салом и чесноком, громко обсуждая местечковые новости. Один-два человека в наушниках демонстративно делают вид будто читают печатные книжки – хотят быть «выше всего этого», но не понимают, что лишь дополняют железнодорожный колорит своим нелепым видом. Витя, качаясь в такт движению, прислушивался к разговорам. Один жаловался товарищу на злого начальника, который грозился увольнением если ещё раз учует запах спиртного. Другая ругала ребёнка, который пытался засунуть палец в нос, а третья рассказывала про чудодейственное мумиё и недооцененность народной медицины. Умело протискивались, просачивались сквозь толпу громко кричащие продавцы, живо рекламирующие батарейки, наклейки, скатерти, носки, очки, скотч и прочий бесполезный одно-разовый хлам. Витя смотрел на всех этих людей и завидовал им. Их жизнь в норме. Не рассыпалась на мелкие кусочки, словно разбитое зеркало. Никому из этих людей не при-

шлоось остаться без жилья, ждать без вести пропавших мать с бабушкой и быть виноватым в безумии друга. Ему ещё повезло что в психушку не уpekли! Лучше уж без денег, без работы, но на свободе. Он усмехнулся и снова подумал какие же на самом деле все эти люди счастливые. Счастливые в своих простых желаниях, незатейливых интригах, в искренних заблуждениях. Ну а кто не заблуждается? Витя думал, что он.

Одинокiй фонарь устало глядит на разъезженную дорогу. На перроне светло, а дальше кромешная тьма и где-то громко лают собаки, напрашиваясь на ругань хозяев. Одновременно с Виктором вышло несколько подозрительных человек. Он обернулся, натянул капюшон и залез поглубже в воротник. Недолго постоял, сделав вид будто что-то ищет по карманам. Спутники удивительно единодушно поторопились в другую сторону, и Витя побрёл к дому матери. У тётки Вали было темно, но очень громко работал телевизор, рассказывая о жизни кинозвёзд не только хозяйке дома, а и всем соседям. Он аккуратно миновал её калитку и открыл свою, потянув за верёвочку. За стеклом мелькнул отблеск света и он с надеждой постучал в дверь, представив, что сейчас, шаркая ногами, выйдет бабуля. Она обрадуется, что приехал любимый внучок, полезет обниматься, приговаривая как он исхудал за неделю. Текли минуты, но никто так и не открыл. Он провернул замок добытым у соседки ключом, не разуваясь прошёл в зал. Блин. Сам же забыл выключить телек и он,

бедняга, неделю крутил новости! Витя сделал звук громче – размеренное бормотание телевизора всё же лучше, чем тишина или собственные мысли.

«Над Лос-Анжелесом заметили неопознанный летающий объект диаметром сорок километров. Он появился на десять минут, накрыв тенью весь город, и исчез. Некоторым жителям мегаполиса удалось запечатлеть его на мобильные устройства» – равнодушным тоном декламировала ведущая. Витя мельком глянул на транслируемые изображения. Выглядело будто большой остров парил в небе, нижняя была как перевернутая скала, а по всему диаметру тянулся высокий забор, за которым виднелись прямоугольные белые сооружения. Он махнул рукой и пошел на кухню. Разобрался с включением электроплиты, которой никогда не пользовался, чтобы согреть чайник и попить чего-то горячего. Открыл холодильник, и сморщил нос. Судя по запаху, там уже давно кто-то жил и даже основал колонию. Кто-то очень вонючий. Пришлось пересмотреть кастрюльки и баночки, собрать всё в мусорный пакет и вынести на улицу, чтобы дом не пропитался зловонием. По телевизору выдвигали различные гипотезы происходящего – от захвата Земли инопланетянами до выдумки неведомых фокусников. Какой-то учёный рассказывал об устройстве Вселенной и невозможности такого события. Другой мужчина, чудаковато растягивая слова, вещал о Божьем знамении. Безучастно слушая как мир сходит с ума, Витя пил пустую горячую воду потому, что не нашел

ни чая, ни кофе. Мысли, мысли, мысли... На его глаза будто пелена пала, сквозь которую невозможно рассмотреть ни прошлого, ни будущего. Он устало оглядел темную комнату, прилёг на скрипящую мягкую кровать, поджал колени к груди и плотно закрыл голову руками. Пока шёл к дому не заметил в темноте лужу и промочил ноги. Из-за мокрых ступней Виктора начал бить озноб. Он старательно накрыл ноги краешком одеяла. «Почему я не ходил в банк?» – пронеслась мысль и крепче сжал череп руками. «Ааааа! – заревел он темноту, срывая голос – Аааааа!»». Витя перевернулся, сел на колени, глянул на подушку и изо всех сил начал её бить, продолжая орать. «Мир! – Удар, – рушится! – Удар, – мир! – Удар, – сошел! – Удар, – с ума! – Удар, – ааааа!»». Он уткнулся в избитую подушку и прошептал: «Мать, вернитесь, прошу...».

«Всё состоит из энергии» – слышит Витя эхо, и открывает глаза. Он стоит перед огромным стеклянным иллюминатором, за которым темно. Маленькие звёздочки мерцают вдали. В отражении узнаёт себя – мальчика в вязаном полосатом свитере и синих брюках. Волосы взъерошены, а на левой щеке большая почти зажившая царапина. Витя подходит ближе, чтоб разглядеть лицо, но отражение исчезает. Он поворачивает голову, смотрит вверх – на потолке длинная цельная лампа, которая изгибаясь уходит вдаль коридора. Вправо, через пару метров, ещё огромное окно-иллюми-

натор, за ним ещё, ещё и ещё – Витя не видит конца. Влево то же самое. Позади него голая вогнутая стена из нержавеющей стали, никаких швов или заклёпок, никаких отверстий или кнопок. Он делает пару шагов назад и снова видит себя в отражении. Щупает левой рукой ссадину – правильно, это мать хотела дать пощёчину, но промахнулась и поцарапала его ногтем. Значит... Витя закатил правый рукав, глянул на локоть – вот он, родимый, большой фиолетовый синяк, который долго был его другом. Он рисовал ему глаза, рот и даже имя дал – Фил. Фил всегда слушал, не перебивал и одобрительно кивал, поддерживая любые Витины затеи. Витя был даже рад тому, что отец, бывший военным, толкнул его, не рассчитав силу. Ведь у него появился друг. Мальчик подошел к иллюминатору и пощупал металлический обод – холодный и гладкий, а сверху, докуда он не достаёт даже вытянутой вверх рукой, красивым шрифтом с завитушками выщерблены текст: «МИР 13.24.22.12.08.1831Д». Он подошел ещё ближе, прижался лицом к стеклу и вгляделся в тьму. В черном пространстве плавают разного цвета и размера шары. В тех что ближе можно разглядеть мерцающие лучи разной длины. У красных и оранжевых они похожи на языки пламени, а у белых и светло-голубых на быстро мелькающие мечи. «Наверное, так выглядят звёзды вблизи?» – подумал Витя, рассматривая один из шаров. Его поверхность кипит, взрывается, появляются пузыри, потом взрываются, а цвет меняется от светло-голубого до тёмно-синего. Затем шарик

успокаивается и постепенно снова становится светлым. Всё это время из него стремительно, как змеи, лезут голубоватые мечи. Вдруг стекло стало менять свой оттенок с прозрачного на красноватый, а по центру появилась мигающая тревожная надпись «Переизбыток энергии». Витя испугался и начал ладошками стучать по иллюминатору, стараясь привлечь внимание шаров. Через несколько секунд, текст изменился, появилось «До утилизации мира 311200 секунд». Пошёл обратный отсчёт. «На помощь!» – крикнул Витя и пробежал вправо, но конца коридора не было видно. «Помогите, мир умирает!» – со слезами пронёсся он влево, но там тоже никого. Он вернулся к красному стеклу, где уже было 310085 секунд и начал снова стучать изо всех сил, надеясь успеть предупредить звёзды, что скоро будет конец. Но светящиеся шары ничего не слышали, лишь безмятежно и неторопливо бороздили просторы непроглядной тьмы.

Холодно до такой степени, что немеют руки. Витя засунул ладошки между телом и кроватью, чтоб хоть немного согреться. Открыл глаза и вспомнил, что ночует у матери в доме, где нужно включать отопление. Учитывая последние события, не удивительно, что он забыл обо всём. Витя встал, стуча зубами схватил одеяло с кровати, накинул его себе на плечи, потеплее укутываясь. Телевизор продолжал рассказывать удивительные истории современного мира. На этот раз были новости из российской глубинки про инновацион-

ные методы продолжительного хранения свежей зелени без потери полезных веществ. Он включил свет и побродил по комнатам в поисках места, где включается отопление. Хорошо что далеко не спрятали. Не пришлось искать ни в подвале, ни на улице. Система оказалась на кухне. Витя повернул рычажок и запустил процесс обогрева. Теперь надо выждать время, чтоб согреться. Он достал из рюкзака ноут, ксерокопии дневников и вернулся в зал. Выключил телевизор и, закутавшись в несколько слоёв одеялом сел за журнальный столик. Часть записей он уже изучил и выписал то, что показалось важным. Например, что отец его бил, когда ему не нравилось что говорил Витя, зато мама его успокаивала, нежно глядя по голове. А потом папа ушёл, а мать сильно изменилась, сама начала лупить сына и обвинять в том, что он испортил ей жизнь. Оказывается, всё травмирующее детство было записано в дневниках, а вот в памяти этих деталей давно не было. Витя будто открывал себя заново, по крупинцам, которые к счастью, сохранились и сейчас помогли ему вернуть свою настоящую сущность.

«Мама сказала, что если я не прекращу рассказывать сказки, любая девушка сойдет с ума и бросит меня. Но я знаю, что должен быть самим собой» – прочитал Витя на одном из листков. А ведь правда, Оксана сошла с ума и бросила его. Вот, это всё мать накаркала. Хотя, с другой стороны, наша жизнь – прямое отражение наших мыслей. «Но я знаю, что должен быть собой» – вслух произнёс он. Звучит как посла-

ние настоящему из прошлого.

«А если, – подумал Витя, – если миров всё-таки миллиарды?»»

Разноцветные пятна плавно приобретают конкретные очертания. Ага, жёлто-белое пятно – это люстра, а большое коричневое – шторы. Витя сильно зажмурил глаза, от чего зазвенело в ушах и голова наполнилась громким гулом. Он приподнялся на локтях, аккуратно сел, пощупал голову и протер глаза руками. Широко зевнул, потягиваясь всем телом, напрягая и резко отпуская мышцы – уже лучше. Витя не помнил, как вырубился. Читал дневники, потом судя по всему на автопилоте лег в кровать и заснул. Он прокрутил беспорядочные ночные видения, которые не дали расслабиться во время сна. Он, в полубреду, заново переживал смерть дедушки. Тряс его, лежащего мёртвым в кровати, плакал и просил научить играть в шахматы. Дедуля не отвечал, а его ледяные руки безжизненно свисали с кровати. Витя пересматривал ссоры родителей. Отец собирает вещи, а мать, унижаясь, падает на колени, держит его за ноги и молит не оставлять одну с больным сыном. А потом он видел как яркая звезда за красноватым стеклом мчится в тёмном пространстве, виляет огненным хвостом, приближается всё ближе и ближе. И как он сам, десятилетний мальчик, за руку с дедушкой не торопясь ходит по коридорам из нержавейки с огромными иллюминаторами. Дедуля рассказывает историю про мир, в котором нет войны, где все-все люди на плане-

те договорились жить дружно. Витя закрыл глаза, глубоко, всей грудью вдохнул. Оставить все философско-эзотерические мысли, остаться в доме матери, найти работу на удалёнку и жить нормальной жизнью. Ноутбук есть, счет рано или поздно разблокируют, а Костю отдать на лечение в психоневрологический диспансер. Деятельность сектантов наверняка ограничат законодательством, как прикрыли лавочку Иеговам и всё встанет на свои места. Хотелось бы так думать. Хотелось бы в это верить. «Айн, цвайн, драйв» – начал с нарастающей громкостью считать телефон. Витя глянул на экран и как можно быстрее нажал кнопку ответа.

– Костя, ты где? – не дождавшись приветствия спросил Витя.

– Ты бесполезная ячейка общества, Витя, – ответил друг и выдержал паузу, – из-за тебя Учитель всё больше становится человеком.

– Костя, тебе нужна помощь! – проигнорировал он, – где ты?

– Но он становится добрым человеком и поэтому приглашает тебя на международный семинар, – похоже, Константин был разочарован, – ты не заслужил такого отношения.

У Вити ёкнуло сердце, больно слышать от лучшего друга такие слова. Он прижал руку к груди, стараясь успокоить учатившееся дыхание.

– Концертный зал на вокзале через два часа. – закончил друг и, не дожидаясь ответа, сбросил.

Перезванивать скорее всего бессмысленно. Глянув на время, Витя вытащил из рюкзака ноут, закинул бумажки с заметками и копии дневников, сбил с кроссовок засохшую грязь и протёр их тряпкой. От резких движений начало подташнивать и он вспомнил, что ничего не ел. Вышел во двор, из горы полугнилых яблок под старым деревом подобрал несколько посвежее, вернулся в дом, обтер яблоки кухонным полотенцем и растолкал по карманам. Сегодня у него будет яблочный завтрак в железнодорожном вагоне. «Будь как все и люди к тебе потянутся» – грустно подумал Виктор, вспомнив жующих бутерброды с салом кумушек в электричке. Уже одетый, стоя в коридоре вспомнил, что у него нет денег. Пришлось перерыть все красивые шкатулки матери с бабушкой, файлы с документами и косметички в поисках неприкосновенного запаса. Но пять тысяч одной купюрой нашел только на кухне, в банке с гречкой. Сунул бумажку во внутренний карман и побежал на станцию. Электричка, судя по расписанию, должна быть через двенадцать минут. Если поторопиться – можно успеть.

В город Витя вернулся на сорок минут раньше назначенного Костей срока и бесцельно бродил по вокзалу. Сколько из беспорядочно снующих мимо него людей пришли на сектантский семинар? И почему он международный? Получается, по всему миру люди верят в этот бред про «не будь человеком, стань ничем»? «Ха, – усмехнулся Витя, – а я ещё думал, что я ненормальный». Он не торопясь пошел к концерт-

ному залу. Возле двери толпились люди с белыми бумажками в руках и, не шевелясь, ждали пока откроется дверь. Витя настороженно глянул на них. Если не присматриваться, можно подумать, что это беспорядочно расставленные восковые фигуры. Но нет, дышат и моргают. Может ему тоже нужна какая-то бумажка? На входе стоял невысокий крепкий мужичок в кепке, такой себе мини-мордovorот. Витя поджал губы, чтоб не засмеяться глядя на широко расставившего ноги серьезного охранника. Он решил невозмутимо пройти вперёд, бывает, что такой прием срабатывает. Витя почти дотянулся до двери, но мужчина схватил его за плечо и так крепко сжал, что ключицу пронзила резкая боль. «Э! – возмутился Витя, пытаюсь вести себя как можно увереннее, – меня пригласили». Охранник отодвинул его к стене, махнул в сторону живых манекенов и каменным голосом произнёс: «после них». Без пяти двенадцать откуда-то появился низкорослый сгорбленный старичок с колокольчиком и начал мотылять им как на школьной линейке. Вмиг восковые люди превратились в живых и, толкая друг друга локтями, одновременно ломанулись к двери. Витя стал поодаль, наблюдая за ожившими манекенами в поисках Кости. Если друг позвал его на семинар то, наверное, тоже будет тут? Может тогда получится вытащить его из секты? Или хотя бы по-человечески поговорить. Столпотворение рассосалось так же быстро как возникло и охранник-крепыш махнул Виктору головой, мол «твоя очередь».

На сцене, где более привычно видеть фортепиано и выступающих артистов, стоит черная закольцованная ширма, за которой висят три больших монитора. Витя робко ступил на красную дорожку, внимательно оглядывая затылки и лица людей, сидящих на деревянных стульях – вдруг где-то среди них Костя. Он вспомнил как они с другом в юности ходили на концерты, стараясь пробраться через толпу к самой сцене, и улыбнулся. Один раз Костя наступил волосатому громиле на ногу. Тогда они еле-еле избежали драки. Повезло, что толпа была очень плотная, не развернуться. Эх, в то время каждый из них старался влезть первым в конфликт, чтоб не получил другой. Все места кроме трёх первых рядов справа были заняты. На центральном экране появились черно-белые полосы и в зале раздалось громкое шипение аппаратуры. Приятный женский голос объявил «Пожалуйста, соблюдайте мыслительную чистоту, Учитель появится через тридцать секунд». Витя вздрогнул от резкого звука, вырвавшего его из воспоминаний, и торопливо зашагал к свободным местам. Он присел на крайний стул второго ряда, рассматривая черное полотно, покачивающееся от шевеления за ним. Ещё два монитора показали полосы и стало слышно постукивание, похожее на проверку микрофона. Виктор оглянулся, разглядывая посетителей семинара. Все – женщины в аккуратных блузах, мужчины в строгих пиджаках, даже подростки в спортивных костюмах – сидели, склонив головы вниз и не двигаясь. Витя почувствовал себя неловко,

повернулся к сцене и тоже опустил голову, исподлобья поглядывая на ширму, которая судя по всему была закрыта со всех сторон. На мониторах, похоже, шла трансляция из других концертных залов. На левом экране помещение в современном стиле с длинными рядами и дорожками по бокам, на центральном – радиальное с красными стульями, а на правом красовался обитый светлым деревом небольшой зал с одной дорожкой. Витя поднял голову поочередно разглядывая изображения. Каждое помещение заполнено опустившими голову людьми непонятной национальности, хоть экраны порядком большие, лиц не разглядеть. Все стулья заняты кроме первых трех рядов. И везде на этих свободных рядах сидит лишь один, беспокойно озирающийся по сторонам человек. В зале современного стиля женщина, в двух других мужчины. На сцене появилась миловидная девушка в длинном чёрном платье с микрофоном в руке. Она встала боком к зрительному залу и мониторам.

– Что есть человек? – начала она, глядя на чёрную ширму, – человечество задавалось этим вопросом сотни тысяч лет. И только мы, адепты «Вечности», всегда знали ответ. Всё состоит из энергии, – она выдержала паузу, – а быть человеком – наказание!

Зал загудел – каждый зритель тихонько мычал не открывая рта.

– Иметь форму – наказание! – крикнула она, не отрывая взгляда от ширмы.

Мычание становилось громче.

– Иметь мысли – наказание!

Гул усиливался.

– И мы здесь! – у неё немного сорвался голос, – чтоб освободиться!

Все одновременно замолкли так же не поднимая головы.

Девушка продолжила шёпотом:

– И загорелась в небе самая яркая звезда.

И начали люди возносить ей мольбы свои.

Но не слышала звезда ни просьб, ни жалоб, ни молитв.

И отвергли люди пороки свои, блага материальные, обратились к звезде “Учитель, снизойди к нам, неси слово своё”.

И услышала тогда их звезда, спустилась на землю. Так появился Учитель.

Люди заплодировали и подняли головы. Витя глянул на экраны – там происходило то же самое и, кажется, отделенный ото всех мужчина с центрального экрана смотрел точно на него. Раздался мужской голос, судя по всему говорил находящийся за ширмой человек:

– Россия, пятый ряд седьмое место.

Поднялась светловолосая девушка в сереньком платье ниже колена. Она аккуратно протиснулась вдоль ряда и по красной дорожке подошла к девушке с микрофоном, вытирая ручьём льющиеся слёзы. Красавица в вечернем платье спросила её имя и кто её держит в этом мире. Ответ на первый вопрос Виктор не расслышал, а на второй вопрос девуш-

ка ответила, словно плюнула:

– Мать.

– Там за ширмой ваша мать, – сказала ведущая, – поздоровайтесь с ней.

– Мама? – неуверенно и робко спросила девушка.

Низ чёрного полотна ширмы слегка качнулся и она повторила громче:

– Мама?

– Так и умру я, не увидев внуков, – раздался хлесткий женский голос.

Девушка зарыдала, закрыв рот рукой. Ведущая предложила сказать матери свои истинные мысли. То, что мешает ей быть свободной. Блондинка колебалась. Тогда женщина за ширмой вкрадчиво сказала:

– Зря ты с Боренькой рассталась, не перестала бы с ним дружить в университете, уже бы детишки были.

Светловолосая девушка испуганно смотрела то на ведущую, то на ширму, а голос из-за ширмы со вздохом продолжил:

– Сердце утром так болело. Чую я, скоро на тот свет.

– Да и умирай! – бешено заорала вдруг девушка на высоких нотах, – Умирай!

Витя выпучил глаза. Такая милая с виду блондинка, а такие слова..., причем, судя по всему, искренне произнесённые. Обособленные, как и Виктор, люди на мониторах одновременно подались вперёд – видимо, пытались внимательно-

нее рассмотреть на экране девушку, желающую смерти матери. За ширмой послышалось старческое больное кряхтение, а затем грохот падающего человека. Побледнев, блондинка неожиданно робким голосом спросила:

– Мама?

Но не услышала ответа. Казалось, что она должна испугаться, броситься за ширму спасать мать, но с одного конца рта у неё начала появляться искривленная улыбка. Уже смелее, громче и требовательнее она повторила:

– Мама?

И снова не получив ответа, глянула на ведущую. Та кивнула, слегка прикрыв глаза. Блондинка повернулась к залу и с гордым ликованием крикнула, подняв руки к потолку:

– Я свободна! – широко улыбнулась и с блаженным взглядом пошла на своё место.

Из-за ширмы снова раздался мужской голос, но говорил он на китайском или японском, Витя не знал разницы в произношении. На этот раз действие происходило на экране, в помещении с абстрактным современным дизайном. Вышел невысокий мужчина на вид лет сорока, с узкими глазами, и тоже что-то ответил на вопросы ведущей, легко перескочившей с русского языка на иностранный. За черной тканью раздался детский голос, потом плач и громкий истошный вопль, после которого воцарилась зловещая тишина. Точно так же, как русскоговорящая блондинка, мужчина вскинул руки к потолку, громко воскликнув несколько слов. Процесс повто-

рился раз десять, примерно по три на каждый зал. Голос за ширмой менялся от одного пола к другому, был разных возрастов. А один пожилой китаец судя по всему, говорил о кошке потому, что за ширмой раздавалось мяуканье, шипение и другие характерные звуки.

После такого представления ведущая подошла к ширме и с дальней от зрителей стороны, начала её аккуратно открывать. За ней спиной к залу стоял высокий, уже заметно лысеющий слегка осунувшийся мужчина в костюме и с аккуратной тростью в руках. Он плавно повернулся. У Вити по всей коже пробежали, а затем заледенели мурашки. Мужчина с довольной улыбкой произнёс, указывая на Виктора тростью:

– А это тот, кто держит в этом мире меня.

Витя закрыл рот рукой и с невыразимым ужасом прошептал: «Дедушка...».

Неприятное чувство – открыть глаза и осознать, что ничего не изменилось. Была крошечная тьма с мерцающими искорками, она же и осталась. Витя сильно зажмурился, резко открыл глаза, но кроме ярких пятен от напряжения глаз, снова ничего больше не увидел. Он лежал на чем-то относительно мягком, что-то среднее между диваном у него дома и кроватью у матери. Правый бок ныл, будто он переборщил с физическими упражнениями и потянул какие-то мышцы. Голова была ясной, не болела, но было ощущение будто он слишком много спал. Витя пощупал руками вдоль тела и под ним, нашел небольшие углубления с плотными кругами в ткани, на которой лежал – судя по всему, это матрас. Итак, два вопроса: во-первых, где он находится, во-вторых – почему? Витя повертел головой в разные стороны, но изменения в изображении не заметил – никаких полосок света или окон, равномерная густая темнота. Значит, нужно опираться на осязание. Стоп, а если он тут не один? Витя закричал, театрально откашлялся, но не услышал ничего кроме эха. Похоже, что кроме него здесь никого нет, но на всякий случай немного осевшим голосом спросил «здесь кто-нибудь есть?» – тишина. Почему болит горло будто он орал на концерте песни, стараясь наивно перекричать аппаратуру выступающих? Он сел, потихоньку стараясь восстановить картину предшеству-

ющих событий. Всё произошло настолько стремительно, что не до конца запечатлелось в памяти. Был на семинаре «великого» Учителя с людьми-манекенами. Ага. В конце представления разъяренные взгляды всех фанатиков в зале были обращены на него и... О боже. Витя закрыл нос и рот руками, почувствовал приближающийся приступ тошноты. Стоп. Испытывать рвотный рефлекс здесь-неизвестно-где не лучшая идея. Он сделал три глубоких вдоха-выдоха, стараясь унять панику и успокоить желудок. Но возникающие в голове картины увиденного явно не способствовали этому. Витя секунд десять вдыхал через нос, выдыхая ртом прежде, чем смог осознать увиденное.

«Боже, они их всех убили!» – пронеслось в голове и на глаза навернулись слёзы. Хлюпнув носом, вспомнил как после появления дедушки замерев от жути, смотрел на мониторах убийства людей в других странах, сидевших на мероприятии как и он, обособленно. Не в силах что-либо изменить, вжавшись в спинку кресла в ожидании что следующим будет он, Виктор не мог заставить себя отвести взгляд от жестоких сцен. К перепуганной девушке на одном из экранов подошла толпа мужиков в костюмах. Её схватили за руки и ноги так, что она могла только лихорадочно вертеть головой. Пытаясь вырваться, девушка начала отчаянно извиваться всем телом, но схватившие её люди были слишком сильны. Через несколько секунд ей полоснули по горлу катаной, почти отделив голову. Хлестнувшая фонтаном кровь рассы-

палась багровыми искрами, будто оставляя печать мрака на оскаленных нечеловеческим удовольствием мордах убийц... С мужчинами поступили менее кровожадно. Одного ударили кувалдой по голове так, что он сразу же обмяк. Даже на отдаленной трансляции можно было разглядеть проломленный череп и красное месиво на затылке. Оператор, снимая жертву, видимо, получал особенное удовольствие от крупных планов... Второму сделали укол, отпустили и тот, извиваясь на полу исходил белой пеной изо рта пока через пару минут не замер с выпученными глазами и в неестественной позе. Все это время окружившая несчастного толпа плевала и улюлюкала, наслаждаясь страданиями умирающего... Жесть! Витя надавил руками на лицо, помассировал виски. «Это же не взаправду было? Просто представление?» – подумал он, но, прокручивая детали увиденного, всё больше и больше ужасался. Похоже, убедить себя, что этого не было, не получится. Было. Он видел. В реальности. В какой-то жуткой, страшной, невозможной реальности. Громилы-фанатики убили трёх ни в чём не повинных людей. И указал на тех, кого нужно убивать, его дед. Нет, нет, нет! Это существо не может быть его дедом. Виктор много лет не мог смириться со смертью любимого дедушки. Верил, что однажды дедуля вернется. И только там, на этом кровавом семинаре, он окончательно принял смерть близкого человека и смирился с ней. Дедули больше нет... «Ты – не он!» – прошептал Витя.

Кажется, то, что он жив – это удача. Он вспомнил, как

старался выбежать из красного актового зала, как мужчины и женщины с автоматами калашникова преградили дорогу со всех сторон. Он стоял на красной дорожке посреди партера, а они были везде – между рядов, возле сцены, возле выхода. Откуда их столько набежало? Ещё и с оружием. Не отдавая себе отчёта, он орал без остановки «Дедушка! Дедда!». Ясно, от этого и горло болит. Но как он оказался здесь? Судя по всему, в какой-то момент ему либо вкололи что-то, либо просто вырубил. Но ничего не болит кроме одного бока, которым он похоже просто ударился о стул когда пытался сбежать. Значит это было химическое воздействие, а не физическое. Почему он жив? «Хорошо, конечно, что жив, – Витя сплюнул три раза через левое плечо и постучал по голове, – но почему?».

Он решил оглядеться, вернее, ощупаться. Сел на колени, проводя рукой по матрасу. Там где была голова, сантиметрах в десяти, нащупал стену. Судя по тому насколько она была холодной – бетон. Вдоль матраса стена и чуть дальше того места, где только что лежали его ноги, тоже стена. Пол ровный, лежанка узкая, как откидная полка в старом плацкартном вагоне. Витя медленно перемещал руки вверх, может где-то есть выключатель и можно зажечь свет? Он продвинулся вдоль одной стены. Зацепился за что-то ногой, что упало с металлическим грохотом. Настороженно замер, прислушиваясь к внутренней и внешней обстановке – вдруг сейчас кто-то прибежит на шум. Тихо. Присел, шаря по полу ру-

ками, нашел упавший предмет, формой и размерами похожий на пустое ведро. Точно, ведро. Поставил его поближе к матрасу и продолжил изучение комнаты. У другой стены наткнулся на какой-то пластмассовый контейнер, прощуршавший по полу с характерным звуком. Нашупал с двух сторон ушки – похоже на коробку для пикников. Пару минут не решался открыть. В ней же может быть что угодно. Но всё же переборол страх, надавил на рычажки и снял крышку. Медленно протянул руку к содержимому контейнера и отпрыгнул с испугом, пальцы погрузились во что-то мягкое, влажное, склизкое. Выругался от досады на себя, зачем полез, и, снова замер с мыслью, вдруг за ним кто-то следит? Тишина. Ногой нашупал место где осталась лежать коробка и поспешно набросил крышку, плотно прижимая, чтобы это мягкое и влажное не выползло наружу если оно вдруг живое. Зафиксировал ушки по бокам, проверил, что коробка не откроется и пододвинул её в угол. Прощупав все четыре стены снизу доверху, насколько хватило роста, пришел к выводу, что комната где-то два на два. Окон нет. Дверей тоже нет. Во всяком случае ни единой щелочки на стенах нашупать не удалось. Если и есть где-то дверь, то только наверху. Как высоко потолок неясно. Но, судя по пространственным ощущениям, Виктору до него никак не допрыгнуть. Прикладывание уха к стенам тоже не дало никакой дополнительной информации. Тишина. Темнота. Пахнет влажной землёй, но достаточно тепло. По крайней мере в куртке, джинсах и кроссов-

ках не холодно. Витя вернулся на матрас, устроился в позе лотоса, пытаясь обмозговать своё положение. В животе заурчало и он с тоской вспомнил гречку без масла, которую ел последний раз в своей потерянной квартире. Сейчас она казалась ему вкуснейшим деликатесом. Пришлось одёрнуть себя, чтоб не истекать слюной. «Судя по всему, испражняться в ведро, а есть то, что в контейнере» – подумал он, но вспомнив мягкое и влажное содержимое, решил не открывать коробку снова.

Раздался топот где-то вверху и Витя настороженно поднял голову. «По крыше кто-то ходит?» – пронеслось в голове. И вдруг с ужасом понял, что может находиться глубоко под землёй. «А там ходит тот, кто меня здесь закрыл.! Нужно как-то выбираться!» – подумал он и закричал «Эй! Выпустите меня!». Шаги прекратились, но появился шорох, будто подметают жестким веником. Потом пару раз стукнуло. Витя увидел тонкую полоску света в далеком потолке, которая медленно расширилась до ослепительно-белого большого квадрата. Он прищурился и рассмотрел темное пятно силуэта чьей-то головы. Глаза ещё не адаптировались к резкой смене освещения поэтому деталей он разобрать не смог, но подметил, что это мужчина, находящийся высоко, метрах в четырёх от него. Стены приняли более конкретные очертания. В них действительно не было никаких щелей, отверстий и выпуклостей. Идеально ровные бетонные стены. Он почувствовал себя на дне квадратного колодца, вылезти из которо-

го без посторонней помощи невозможно. Понятно, что сюда его поместили ненормальные адепты Учителя. Нужно выяснить, кто конкретно стоит за его заточением. Голова безмолвно рассматривала Виктора, будто букашку в банке. Без агрессии и злобы, стараясь не провоцировать безумцев, Виктор громко выкрикнул вверх:

– Кто вы? Выпустите меня.

– Ну привет, мальчик, который хочет свободы, – раздался знакомый голос.

Витя нервно дёрнулся от неожиданности. Да это же Геннадий! «Неужели он тоже связан с Вечностью и все это время просто пытался мне промыть мозги? Вот черт, знал, что с ним что-то не так – Виктор сцепил зубы, мысли лихорадочно метались – Что-то не сходится. Мои дневники я ему принес сам и он мне всё вернул. Снял ксерокопии и вернул. И даже ксерокопии потом отдал. А Ксюха их выкрала для Учителя. Если бы Геннадий был с Вечностью, у Учителя давно были бы мои записи, Оксане не нужно было бы их красть. Как всё запутано... Но, похоже, странный инженер-биоэнергетик мой единственный шанс на спасение. Его хотя бы не было на кровавом семинаре» – последний аргумент позволил всё-таки обрадоваться странному знакомому:

– Гена! Выпустите меня, я есть хочу.

Инженер помолчал и ответил:

– Извини, мальчик, я не могу. – В его голосе слышалось сожаление, – Сначала тебе придется кое-что сделать.

– Вы такой же ненормальный, как они! – крикнул Витя, не сдерживая злость, – Вы меня обманули!

– Я, – Гена посмотрел вверх, где Виктор уже мог разглядеть серое небо и верхушки высоких елей, – не обманывал тебя. Ты сам виноват, что сюда попал. Я привел тебя к себе... Учитель тебе уже и записки писал, и уроки устраивал, чтоб ты дал то, что ему нужно. А ты, борец блин, – он усмехнулся, – за нормальность. Нет ничего нормального, Виктор, ничего.

– Выпусти меня, сумасшедший! – крикнул Витя беспомощно тарабаня в глухую бетонную стену, – Выпусти!

– Зря ты так, мальчик. – выразительно прокомментировал истерику Виктора Геннадий. – Тебе хочется закончить так же как остальные настоящие люди этого мира?

Витя понял, что инженер говорит про убийства, которые он наблюдал на мониторах во время семинара и промолчал. Ляпни ещё раз что-то не то и прихлопнут его тут как муху.

– Но ты не переживай, их смерть ничего не стоит, – добавил Гена, – они были совсем ограниченными, а у тебя есть хоть какой-то шанс выжить. – Инженер встал и поочередно потряс ногами, видно на корточках у него затекли ноги. Потом вернулся к дыре и продолжил, – Только одного настоящего не нашли, как сквозь землю провалился. Земляк твой, кстати, в пригороде жил. Надеюсь, он сам кони двинул и уже не повлияет на мир.

– А что надо от меня? – решил Витя прекратить бесполез-

ное сопротивление.

– А! – радостно воскликнул Гена, – мелочь. Номер мира Учителя и исправить кое-что в моём мире.

– Не понял, – ответил Витя. Хорошо, номер мира – это, наверное, те цифры, что были на листках, которые он сжёг. Но что значит «поправить кое-что в мире»?

– Ты дневники свои прочитал?

– Да, – буркнул Витя, не увидев взаимосвязи.

– Тогда поздравляю, ты дебил.

– Не за чем оскорблять. Я же уже согласен помочь.

– Ладно, – цокнул Геннадий, – судя по твоим записям Вселенная признала тебя администратором. Кем-то вроде надсмотрщика за порядком в мирах.

– Чё? – Захохотал Витя. – Что за бред? Какой надсмотрщик? – от услышанного смех начал переходить в истерику, из глаз потекли слёзы. – Сны! – Крикнул он сквозь слёзы. – Это просто сны!

– Номер мира Учителя и отправить информацию в мой мир, – сказал инженер, встал и резко закрыл люк в потолке.

Яркие белые пятна перед глазами долго не исчезали. Витя продолжал смеяться, вытирая мокрое от слёз лицо, выкрикивая ежеминутно «Администратор! Миров!». Он бил себя по коленям и не мог остановиться. Потом, покачивая головой и ещё нервно улыбаясь, шумно выдохнул. Глянул вверх, где только что было окно в реальном мире, и с ужасом подумал «Это же была не шутка».

Иногда чувствуешь себя абсолютно беспомощным. Вроде и голова на плечах есть, и цели благие, и желание делать что-то хорошее присутствует, но ты апатично вглядываешься в пустоту в поисках недостижимой истины. И вместо решительных действий пассивно размышляешь на тему «А если бы... Я бы...». Поддавшись воображению, на долю секунды чувствуешь себя самым умным и смелым. Ощущаешь способность совершать такие хитрые, непредсказуемые и дерзкие поступки, что никакой человек не сравнится с тобой. Любой тебе проиграет. Но потом неожиданно, как роуль, свалившийся на голову, приходит осознание реальности – не сможешь ты ничего. Ты не слабак, нет. Но ты не можешь в одиночку сопротивляться организованному противодействию. Тебя посадили в клетку, которая не открывается изнутри, а автор романа твоей жизни забыл дать тебе суперсилу. Неужели ты хочешь быть таким ничтожеством? Не хочешь. Но почему являешься? Почему не наберешься решимости, чтобы спасти всех, как герои популярных комиксов? А потому, что ты обычный человек. Немного со своими странностями, но как и все, разве нет?

Виктор в своих размышлениях прошёл все стадии самокопания, от состояния «Я бы...», до состояния «А что я...» А чем заняться в темной пустой клетушке два на два? Грызть

ногти, ковырять в носу, чистить уши. Мерить комнату шагами. Прыгать. Блехать, лаять, мяукать. Представлять себя каратистом или солдатом в засаде. Двигать матрас из одного угла в другой, обустроивая быт. Барабанить нервным ритмом по ведру и пластмассовому контейнеру будто ты один из музыкантов рок-группы. Разговаривать по душам с людьми, которых рядом с тобой нет. Десять раз отжаться и мечтать, что вернешься в былую физическую форму. Попытаться ведром пробить бетон, чтобы выбраться из квадратного колодца. Бубнить детские стишки под нос. Представлять, что ты на пляже и с наслаждением растянуться на матрасе, закинув ногу на ногу. Вскочить, развеивая фантазии и ударить кулаком пару раз в стену, взыв от боли.

Окно на потолке открывалось ещё раз, но Витя послал улыбающегося Геннадия, презрительно сплюнув на пол. Испражняться пришлось в ведро. Повезло, что у Вити было обезвоживание из-за отсутствия еды и воды, поэтому воняло в комнате не сильно. М-да, вот же радость – «повезло, что обезвоживание».

«Зачем я сжёг листы из дневника, – подумал он, – отдал бы Оксане и всё было бы хорошо». И куда смотрит полиция когда в мире во всю орудует такая опасная секта? Уже без приступа тошноты, но всё с тем же диким ужасом, он вспомнил убийства на экранах. Воспоминания становились менее чёткими и яркими. Всё теряло краски. Он вспомнил, что Оксана, когда отработывала его квартиру, обмолвилась о смер-

ти его матери. Неужели он настолько болен, что психика заменила смерть мамы её исчезновением? Ага, а сейчас он лежит в дурдоме и с ним говорит не Гена, а санитары. Смешно. Нет, ну есть же истории про клинических психов, неужели он один из них? И вдруг Учителя никакого нет, а это игра больного воображения, письма ведь от него он найти не смог... «Нет! – крикнул Витя в пустоту и спокойно добавил – Я нормальный». Так чем же заняться в пустой комнате два на два, в которой нет окон и дверей, и из которой невозможно выйти? – Начать сходить с ума.

– Номер? – спросил возникший снова инженер.

Погрузившись в себя, Витя лежал на матрасе лицом к стене и даже не обратил внимания на предшествующие открытию люка звуки. Он вяло повернулся на спину, щурясь от луча света, направленного на него. Похоже, ночь. Слеплённый фонарём, Витя видел только тёмный силуэт инженера, а жаль, хотелось бы наблюдать за его выражением лица.

– А зачем? – С прищуром улыбаясь ответил Виктор и добавил, – Что я буду с этого иметь? – Он решил, что хуже его положение уже точно не будет, а значит можно отыграть на них за все причинённые страдания. Он не знает как получить желаемое сектантами, как вспомнить номер этого злосчастного мира, номер, который он видел один единственный раз в далеком детстве. Но они-то не в курсе его бессилия.

Геннадий молчал, и Витя продолжил.

– Понимаешь, Гена, мне надо, – он зевнул, потянулся и

медленно с интонацией ребёнка продолжил, – чтоб мама с бабушкой вернулись, а Костя стал нормальным, – постучал пальцами по стене, – и квартира моя, и счет разблокированный. – Перебрал в голове, что ещё хотел бы и добавил, – мерс ещё. Его у меня не было, но очень хочется. – снова зевнул, – а, ну и свобода, конечно, а не это, кхм, помещение, – он оглядел своё временное жильё. – Здесь тепло, конечно, но мне как-то не очень нравится, света маловато.

Геннадий снова ничего не ответил. Выдержал несколько минут паузу, куда-то отошёл и снова наклонился к Виктору.

– Так что, – резюмировал Витя, – выпускайте меня сейчас, тогда сразу же скажу номер.

– Губу закатай, мальчик. – крикнул Гена. – Ты забыл, что я ощущаю энергетические потоки. А в твоей головушке, – раздался глухой звук стука по бетону, – никаких взаимосвязей с центром управления мирами нет.

«Блин, – подумал Витя, – не прокатило». Придётся как-то пытаться вспоминать этот чёртов номер. Если он его записывал, пусть даже очень, очень давно, то должны же эти цифры где-то в памяти быть, так?

– Ладно, Геннадий, – он с издёвкой протянул «нн» в имени инженера, – как мне его вспомнить хотя бы?

– Ассоциативная память. Медитируй. – В своём духе ответил Гена, но вдруг засуетился и, будто бы испуганно, подался назад. Потом вскочил и, захлопывая люк, крикнул, – странники, сосланцы, звёзды, энергия, – вспоминай!

Витя насторожился – несколько быстрых шагов и больше ни звука. Выждав несколько минут, он сделал глубокий вдох и сел в позу лотоса, облокотившись на прохладную бетонную стену. Ну что ж, медитация, так медитация. Положил руки на колени, закрыл глаза. Для медитации надо что? Он прислушался – никаких шорохов, завываний ветра или скрипов. Глухая тишина. Тот редкий момент когда можно полностью быть наедине с самим собой. «Так, нужно убрать лишние мысли и сосредоточиться на задаче» – подумал Витя. Но тревожная мысль не желала покидать сознание – «Как выбраться на свободу?». Он сделал плавный вдох, выдох и постарался отвлечься от навязчивых идей, наблюдая за процессом получения кислорода – лёгкие наполняются прохладным воздухом, живот раздувается и потом, с тёплым дыханием, постепенно из ноздрей выходит углекислый газ. Его заполнила детская радость от осознания того как гармонично работает организм и он с восторгом понял, что отвлёкся от лишних раздумий. Блин! Всё сбилось как только снова подпустил к себе эти осмысленные эмоции. Витя встал, попытался отжаться, но растянулся на бетонном полу в бессилии. Сказался пережитой стресс и голод. Вернулся на матрас и решил попробовать медитацию снова. Раз-два-три-четыре-вдох, раз-два-три-четыре-выдох. Вдох, выдох. Тишина. Темнота. Полное спокойствие. Выйти отсюда. Раз-два-три-четыре-вдох. Выбраться из этого колодца. Раз-два-три-четыре-выдох. Вдох, выдох. Скорее. Раз-два-три-четыре-вдох.

Громкий треск разрезал пространство, будто кто-то разрывает огромный кусок прочной ткани. Витя, поджав колени к груди, от испуга уперся спиной в стену. Эхо металось по узкому помещению и, казалось, его можно поймать, как отскакивающий от преграды мячик. Звук был всюду, проникал в сознание и давил.. Мыслей не было. Было просто страшно. И непонятно. Что это? Вжавшись в бетон, Витя, казалось, даже перестал дышать. Он вертел головой, пытаясь увидеть источник звука. Его бы даже не удивило, увидь он искажение пространства и разверзшуюся в ад плоть земли, но, к счастью, ничего подобного не увидел. Витя тихонько застонал от ужаса и понимания, что смерть, может быть, подошла к нему уже слишком близко. Громкий звук постепенно начал утихать и сменился тихим, аккуратным, будто кто-то негромко гремит маракасами. Но Витя не решался пошевелиться. Сердце отчаянно билось, отдаваясь пульсацией в висках. В подростковом возрасте он любил смотреть фильмы ужасов и тогда же сделал засечку в памяти – никогда не выяснять «что там за звук на чердаке?». Если хочешь жить – замри и дыши тихо, не издавая звуков. Немного придя в себя, Виктор отметил, что маракасные перебаты сменились ровным недолгим шипением. И вместе с воцарившейся тишиной в стене напротив он увидел открывшийся проем и резко вспыхнувшую цепочку факелов, уходящую в даль. Какая даль? Там глухая бетонная стена. Он зажмурился и дополнительно закрыл глаза ладонями, прогоняя галлюцина-

цию. Убрав руки от лица, он почувствовал, что тёплый свет никуда не исчез и медленно, щурясь открыл глаза.

Взору открылась освещенная с двух сторон факелами пещера, уходящая вниз. Витя поднял голову – вверху темно, значит, люк закрыт. Стараясь не издать ни единого звука, поднялся на ноги и, не отходя далеко от матраса, стал внимательно рассматривать коридор на свободу, как он его про себя назвал. Огонь едва заметно трепыхался, а значит откуда-то идёт сквозняк. Витя насчитал тридцать факелов, по пятнадцать с каждой стороны, затем пещера сворачивала направо. Он разглядел срез бетона на входе и обвисшие толстые корни. Дальше коридор полностью земляной – никаких укреплений или камней, аккуратный ровный туннель, будто вырытый огромным скользким червём. Громким полусшепотом, свернув ладонь рупором возле рта, Витя крикнул «Эй!», взволнованно поглядывая наверх. В голове билась мысль: «Если миров миллиарды, вдруг огромные насекомые, роющие в земле такие норы, тоже бывают?» Но в любом случае, кто бы не создал этот коридор, гигантский червь или гениальная инженерная мысль, его уже давно используют разумные существа, для освещения использующие огонь. Он сунул голову в открывшееся пространство, осмотрелся, пошарил ногой – земля истоптанная, будто по коридору каждый день кто-то ходит. Сказал «Ууу». Звук пробежал вдоль стен, растворившись где-то в глубине. Витя внимательно рассмотрел и ощупал стены. По всему диаметру земля одинаково

плотная, выглядит устойчиво. Высоты коридора хватило для передвижения во весь рост, не нагибаясь, даже сантиметров десять над головой осталось в запасе. Из аккуратного металлического держателя в форме лилии, Витя вытащил первый факел и, освещая им путь, осторожно пошел по плавному склону.

Коридор всё уходил и уходил вниз. От зажженного факела несколько раз чуть не загорелись свисающие корни деревьев и паутина. Поджарил несколько червей, торчащих наполовину из земли. Три раза спустился по ступеням и вновь пошел по ровному склону. Впереди показались большие каменные валуны и, подойдя к ним, он увидел щель. Рядом с отверстием огонь затрепыхался, значит, сквозняк. Он попытался взглянуть внутрь, но ничего не увидел, узкий коридорчик-щель сворачивал влево. «Была не была» – подумал Витя и боком пролез в тесный проем. Передвигаясь мелкими шажками и уже преодолев несколько метров, он зацепился штаниной за острый камень, но не смог наклониться, чтобы освободиться от него. Подавив панику, что застрял и никогда не выберется из этой ловушки, Виктор подергал ногой, однако ткань не отцепилась. От страха дёрнул так резко, что ушиб сильно колено и порвал джинсы, но соскочил с каменной занозы. Куртка спасала от плотного трения о скалу, приняв на себя все мелкие, острые неровности. Факел понемногу начинал гаснуть, лаз становился всё уже и вскоре Витя не мог повернуть голову без того, чтобы не зацепиться лицом о камни. Ущелье снова повернуло влево и он воспрял духом, стараясь удержать гаснущий факел в дрожащих руках так, чтоб не обжечься и надеясь что покажется долго-

жданый выход. Внезапно затхлый запах пещеры резко сменился свежим воздухом и Витя закашлялся. Стены коридора становились светлее, принимая более четкие очертания. Через десяток шагов, к облегчению Виктора, показался выход. Он сделал шаг на мраморный пол огромного светлого зала с высокими колоннами и его факел, будто только и ждал этого момента, потух. Остановившись на пороге, Виктор внимательно разглядывал помещение. Сосредоточившись на тишине и пустоте зала, он вздрогнул всем телом, когда механический женский голос произнес:

– Добро пожаловать в хроники Виктора Лимова, пятьдесят девять, точка, двадцать один, точка, десять, точка, десять, точка, тысяча девятьсот девяносто, сценарий Д.

Витя удивленно замер, услышав свои имя и фамилию и вслушиваясь в непонятный набор цифр. Когда голос замолчал, он ещё какое-то время постоял и принялся снова рассматривать помещение. Окон не было, но каким-то чудодейственным способом всюду было светло как днём, будто сам воздух излучает сияние. Мраморный пол и колонны переливаются диковинным естественным узором. На потолке лепнина с позолотой – цветы, листики, аккуратные завитки. Посреди зала темно-зеленая ковровая дорожка, ведущая к исполинской металлической двери. Вдоль этого прохода возвышаются гигантские стеллажи с книгами, начинаясь у пола и почти упираясь в потолок. Рядом с первым стеллажом стоит высоченная лестница на четырёх колёсиках. На торце по-

лок буквы алфавита. Вдруг где-то в глубине зала раздалась негромкие голоса и Витя, понимая, что он незванный гость, юркнул за ближайшее укрытие, за книги. Постоял, прислушался, аккуратно выглянул в коридор – никого. Он повернулся к полке и на уровне глаз взял первую попавшуюся книгу, с ровной золотистой обложкой, где белыми буквами с завитушками написано «Алина». Текст начинался с самой первой страницы и никакой лишней информации вроде тиража или издателя не было. Виктор прочитал: «В четыре годика мама водила Витеньку в садик, где он познакомился с милой девочкой – Алиной. Витенька любил наблюдать за тем, как она выплёвывает кашу и капризничает, когда её укладывают спать днём. У Алины были замечательные темные волосы, которые Вите очень хотелось погладить».

Дальше на каждой странице были описаны разные ситуации с этой самой Алиной. Как он дал ей красный кубик, а она показала язык и отвернулась, а Витенька бросил этот самый кубик ей в голову, она расплакалась и убежала к воспитателю. Как Алина толкнула его, когда он какал. Как во время дневного сна, когда воспитательница ушла пить чай, они не спали, а играли разноцветными бубликами от пирамидки. Все ситуации описаны в мельчайших деталях – начиная от того во что были одеты дети и заканчивая тем какие эмоции испытывал Витя. Он пролистнул на последнюю страницу. Там было завершение их отношений с Алиночкой из детского садика, и короткие предложения тёплых воспоминаний.

наний о ней в первых классах школы. А действительно ведь, его первая любовь была в садике, девочка с темными волосами, которой родители часто заплетали две косички. Что это? Это ведь его жизнь, его эмоции и его чувства описаны в этой книге. Как это возможно? Неужели эти воспоминания на целую книгу из трехсот страниц? Даже сам Виктор не смог бы написать про ту маленькую девочку, с которой он ходил в детский садик, больше двух абзацев. Он пролистал, проглядывая верхние строки – правда, всё про садик, всё только про Алину. Витя прочитал ещё несколько ситуаций, посмеялся, закрыл книгу и поставил на место. Он глянул на торец стеллажа – это была буква «А».

«То есть, – с хитрой улыбкой, устремив взгляд вдоль зеленой дорожки сообразил он, – если в этих книгах собрана вся моя жизнь до минуты, я могу где-то здесь найти номер мира для Учителя?». До этой мысли окружающее воспринималось как нечто совершенно реальное, он чувствовал усталость, да и штанина на джинсах порвана, но вспомнив про номер мира и Учителя, активность и заинтересованность сошли на нет. Очередной приступ лунатизма, вот это что! Я медитировал, заснул в попытке вспомнить нужную информацию и вот, подсознание для удобства поиска визуализировало библиотеку моей жизни. – со злостью подумал он, но потом расслабился и решил использовать возникшую возможность вспомнить номер мира. Витя перебрал в голове слова, ассоциирующиеся с безумством секты и выбрал «со-

сланцы».

Он медленно начал двигаться в глубину помещения, миная все буквы, предшествующие «С». К его разочарованию, высоченная полка с маркировкой нужной буквы не имела иных разделителей, поэтому пришлось смотреть содержание фолиантов, газетных вырезок. С трудом он добрался до «СО», изучив свои собственные, персональные значения таких слов как «собрание», «совесть», «сопротивление». Перескочив внушительный блок книг, попал на «страх – чувство, которое я испытываю, когда вижу пауков, уличных крыс или нахожусь на высоте. Не могу шевелиться и разговаривать». То есть, «сосланцы» должны быть где-то между сопротивлением и страхом... Выбрал объемную книгу, которая выглядела наиболее мистически – с потрепанными краями страниц и металлическими позолоченными уголками на обложке, но это оказалось всего лишь «сосуществование». Дальше решил не поддаваться внешнему виду и просто пойти по порядку. Пришлось подкатить лестницу, зафиксировав колёса возле полки, и забраться на самую верхушку, крепко-крепко держась за деревянные отполированные поручни. В момент, когда Витя глянул вниз и осознал, что ноги неистово трусятся, из очередной книги выпал маленький ветхий клочок бумаги, который полетел вниз как желтый кленовый лист с верхушки дерева. Он это событие воспринял радостно – хоть какой-то повод слезть с пятиэтажной этажерки.

«Хоть бы сосланцы, хоть бы сосланцы» – повторял про себя Витя как мантру, опасаясь, что придется вернуться наверх. И, конечно, как в добрых детских сказках, когда хорошим героям помогает доброе волшебство, листик оказался тем, что нужно. «Ну хоть здесь психика за меня, а не против» – подумал он, рассматривая бумажку, на которой аккуратным каллиграфическим почерком было выведено «МИР 13.24.22.12.08.1831Д». Цифры похожи на те, что были в блокноте и Витя подумал, что это прокатит за ответ Учителю. Тот это мир или не тот, кто знает. Буду думать, что тот. Я поверю и мне поверят. Он сунул этот клочок бумаги в задний карман и решил внимательнее рассмотреть дверь, к которой ведет зеленый ковролин.

Исполинских размеров кусок металла, для какого-то гиганта выглядевший как дверь, представлял собой нечто невероятное. Справа в углу, впечатанная в основную, располагалась средняя копия двери, чуть выше Витино роста, а в той, в свою очередь, миниатюрная дверца высотой до колена. Каждая из них была с одинаковым узором – в самом центре аккуратно сложенный круг с двумя лучами в форме дуги, один из которых упирается в верхнюю часть, а другой в пол. Сама дверь рифлёная, но с аккуратным ободом по краям, в котором располагаются выкованные неповторяющиеся символы, похожие на латынь или греческий. Слева висит прямоугольная белая табличка. Витя подошел ближе к двери своего роста и прочитал на табличке текст: «Для

доступа к Хроникам Вечности, пожалуйста, напишите ваш пароль здесь». Ниже курсивом очерчен прямоугольник. Рядом с текстом в аккуратном металлическом держателе висит нечто, напоминающее стилус. Он достал предмет, повертел в руках – никаких кнопок или надписей, просто палка из непонятного материала. Тяжелее, чем пластик, но легче, чем металл и заужен книзу как ручка. Видимо, этим нужно написать пароль в прямоугольнике. Обычно если вводишь пароль неверно, тебя просто не пустят, значит, можно попробовать написать всё что угодно. Витя провёл линию, за стилусом тянулась золотистая мерцающая полоса. Он поджал губы и прищурился, коварно замышляя что бы эдакое написать и аккуратно печатными буквами вывел: «ЖОПА».

«Почерк верифицирован, пароль неверный» – произнес механический женский голос, после которого раздался резкий, невыносимо громкий до звона в ушах хлопок. Витя быстро вставил стилус на место, развернулся и побежал по зеленой дорожке, но он будто делал шаги на одном месте – узкий проём, из которого он попал в библиотеку, не становился ближе. Раздался ещё один хлопок, в ушах загудело и потеплело, будто из них пошла кровь. Витя остановился, ощупывая голову. Никаких ощущений, будто осязание отключилось. Раздался третий хлопок. Жуткая сверлящая боль пронзила виски. Он не мог больше стоять и опустился на колени, закрывая уши руками, чтоб следующий звук не навредил ещё больше. Из глаз покатались слёзы. Он в ужа-

се закричал, зажмурил глаза. Минут пять было тихо и Витя разжал ладони, вцепившиеся в виски. Понемногу боль отошла, а гудение в голове прекратилось. Холодный пол давит в колени. Он открыл глаза и поднял голову – темнота. Витя пощупал пол, но вместо мрамора или ковровой дорожки, ощутил холодный бетон. Прополз на коленях вперед и дошел до знакомого на ощупь мягкого тюфяка – матрас в комнате два на два. Он снова здесь. Или и вовсе никуда и не уходил? Он закрыл лицо рукой и заплакал, пережитые ощущения и страх были настолько жуткими, что он готовился попрощаться с жизнью. Затем заполз на матрас и, хлюпя носом, засунул руки в карманы – пока держался за пол они замёрзли. С огромным удивлением и шоком, нащупал в левом какую-то бумажку. «Да не, это какой-то чек» – попытался для себя найти объяснение невероятным событиям Витя, но он точно знал, что когда попал в эту темницу, в карманах было пусто, фанатики-убийцы обчистили их основательно.

Послышался глухой топот, словно кто-то пляшет на крышке гроба. «А вот и мой друг» – сказал Витя и однобоко усмехнулся. Скрипнули проржавевшие петли и свобода томно глянула на пленника серым небом. Черные, будто нарисованные верхушки сосен, окружили колодец как строгие надзиратели. Их маленькие иголки безжалостно разрезали вольную жизнь. Свежий воздух проник в затхлое помещение, и Витя сделал несколько глубоких вдохов. Над просветом нависла тень, пришлось прищуриться, чтоб разглядеть в тёмных очертаниях лицо посетителя. Неконтролируемая радость заполнила Виктора и он, прежде чем сознание напомнило ему, кем на самом деле является это жуткое существо, с восторгом крикнул вверх:

– Деда!

– Хватит давать мне названия! – Рявкнул визитёр в ответ и суетливо повертел головой.

С противоположной стороны люка появился ещё один, до боли знакомый силуэт.

– Зря я с тобой за одной партой сидел. – Разочарованно протянул второй гость. – Надо было раньше заметить какое ты ничтожество.

Витя узнал голос и насторожился, но чувства взяли верх.

– Костя, вытащи меня! – Воскликнул он. – Ты с Верой

помирился?

– Номер? – Холодно спросил друг не отвечая на вопрос.

Витя вскочил с матраса и запрокинул голову. Он кружился на одном месте, стараясь поймать взгляд друга, посмотреть в его глаза. Пока сидел в этой темнице, все предыдущие события начали казаться далёким страшным сном. Неужели друг всё-таки заодно с учителем? Невозможно. Их дружба проверена лазаньем по чужим дачам, драками, любовными отношениями каждого и самое главное, временем. Да и на том кровавом семинаре Кости не было.

– Кость, хватит уже, – вопросительно сказал Виктор, – давай этого обманщика сюда посадим вместо меня. А вечером посидим, пивка попьем как раньше, а?

– Номер? – повторил друг тем же тоном.

– Номер! Номер! Как вы все достали! – он достал из кармана смятую бумажку и кинул вверх, – подавитесь своим номером! – бумажка не пролетев даже половины расстояния до люка, плавно упала.

«Дедушка» с другом одновременно подались вперед.

– У тебя не было бумажки, – подметил очевидный факт Костя.

– Не было, – идиотски засмеялся Витя, – а теперь есть. Выпустите меня и я засуну этот клочок бумаги, – он поднял записку с номером с пола, – кому-то из вас в глотку, выберите!

Они переглянулись и отошли от люка. Виктор гром-

ко, словно издевательски, начал выкрикивать разные звуки, привлекая внимание: «Эуууу, ааооо, иииха» на секунду замолкал, слушал эхо и продолжал. Он глянул вверх – ветер аккуратно перебирает иголки сосен, отчего верхушки легонько покачиваются. Серое небо давит и падает, падает, забирая с собой все краски природы. В окне на свободу снова появился Костя:

– Сейчас на тонкой верёвке спущу корзину. Туда положи бумажку.

– Лучше еды мне спусти! – крикнул Витя.

– Если ты уже съел всё, что было в контейнере, – ответил Костя железным тоном, – значит не голоден.

В рассеянном дневном освещении Витя глянул на пластиковую коробку, где нащупал раньше нечто неприятное. Он подтащил её ближе к квадрату света и открыл крышку, нажав на ушки. Поджал губы, хлопнув себя по лбу. Внутри было пюре и бутерброды из мягкого белого хлеба с овощами внутри. При взгляде на еду, из желудка поднялся ком к горлу, Витя схватил один из кусков хлеба, свернул и одним махом засунул в рот. Пока он разбирался с едой, к нему, качаясь на джутовом тонком канате спустилась маленькая плетёная корзинка. Он приподнялся, поглядел на бумажку, на корзинку и сказал:

– Положу если выпустите меня.

– Положишь и ты больше не нужен, – цокнул дедушка.

«Это двойник» – одёргивал себя Витя, слыша ужасные

слова, произносимые голосом самого близкого из живших в мире для него человека. И как трактовать ответ? «Не нужен» – может означать, что они его убьют, а умирать не хочется совсем.

– Мне нужны гарантии. – ответил Витя, крепко держа и корзинку, и бумажку.

– Вот тебе гарантии, – потряс Костя какими-то веревками.

– Что это?

– Лестница, – ответил друг, разворачивая кусок с завязанными узлом ступенями, – скинем её сразу как получим номер.

– Ладно, – Витя положил записку и, наблюдая за корзиной, маятником болтавшейся на верёвке, спросил, – А где псих?

– Ты похоже не в восторге от Гены, – улыбнулся «дед», – как и мы. Он поставил не на ту лошадку и проиграл.

Учитывая, что Геннадий был с той стороны помещения, Витя не понял ответа и, дабы скоротать время пока Костя аккуратно тянет джут с драгоценными цифрами, уточнил:

– А на кого он ставил?

– На тебя, – рассмеялся дедушка каким-то детским смехом, потом икнул и добавил, – скорее, у меня превращение.

Костя потянул быстрее, достал бумажку и широко улыбаясь, выбросил корзину в сторону. Витя на всякий случай вжался в угол, где было потемнее – а вдруг стрелять начнут? В темноте хоть какой-то шанс на спасение есть. Сверху по-

слышалось шуршание и, резко раскатываясь, из люка опустилась веревочная лестница. Витя не рискнул выбираться наверх сразу, но подёргал верёвки, чтоб проверить устойчивость. Похоже, привязана к чему-то крепкому. Не хватало повернуться с трёх метров, сломать что-то и умереть в этом погребе. Люк, к счастью, не закрыли, значит путь на свободу есть. Он услышал звук отъезжающего автомобиля, но ещё минут пятнадцать выждал, затаившись в углу. А вдруг вылезет он, а там стоит парочка амбалов и куда от них прятаться, снова вниз прыгать? Он походил вокруг лестницы, пару раз повис на ней всем телом – держится крепко, не падает. В меру возможностей оглядел со всех сторон пространство вокруг люка – теней не видно, шорохов не слышно, похоже чисто. Аккуратно, чтоб веревки сильно не качались, взялся за одну из перекладин и медленно пополз наверх. Ступени провисали под тяжестью, наступать на них можно было только одной ногой. Если неверно распределить вес, лестница тут же превращалась в большой маятник, колеблющийся из стороны в сторону или по кругу. Витя пару раз потерял баланс, замирая на несколько минут, чтоб верёвка перестала раскачиваться. Наконец-то правая рука дотянулась до края металлического люка. Он торопливо сделал пару решительных шагов и вылез локтями на поверхность – лес, людей нет. Витя выбрался полностью, лег на спину рядом с дырой в земле, ведущей в темницу, и выдохнул от напряжения. Деревья будто закружились в танце, приветствуя его на свободе. По-

сле душного помещения с запахом собственных испражнений, лесной воздух казался сладким и густым, что в сложившихся обстоятельствах доставляло наивысшее наслаждение. Дай человеку всё и он взвояет волком от неудовлетворенности и тоски. Забери у него что-то и он научится ценить мгновения. Даже серое небо, сырость, почти голые деревья и пронизывающий ветер были не способны омрачить Виктору чувство бесконечного счастья. Но за время своего заточения он понял одну простую истину. Настоящая свобода – это на самом деле внутри.

Земля влажная, видимо, недавно был дождь. Витя встал, отряхнул желтые еловые иголки и огляделся. Действительно, верх помещения идёт вровень с землёй, а верёвка привязана к одной из рядом стоящих сосен. «И на этом, спасибо» – подумал Витя, подходя к дереву с другой стороны которого на небольшом сучке висел рюкзак, похожий на его собственный. Витя аккуратно, двумя пальцами снял его, приоткрыл большое отделение. В нём лежала папка с документами, которую он положил ещё уезжая из своей квартиры. В соседнем отделении лежал отдельно паспорт и разряженный телефон. Похоже, с ним поступили хорошо. Могли убить или вообще сделать что угодно, а выпустили и даже личные вещи отдали. Всё за какую-то бумажку с цифрами. Если и существует в мире такое понятие как «удача», так это точно она. Витя изучил содержимое остальных карманов, убедился, что нет ничего лишнего и, натянув рюкзак на плечи, пошел по

направлению просвета между деревьями с уверенностью что вскоре выйдет к автотрассе. Едва ли его увезли далеко от города. А в пригороде много дорог и найти одну из них будет несложно. Шагая по осеннему лесу, Виктор обдумывал и анализировал пережитое. Он надеялся, что Учитель вернул всё на свои места – квартира принадлежит ему, мать с бабушкой вернулись, а Костя стал нормальным. Насчет друга было больше всего сомнений. А вдруг он на самом деле думает то, что говорил? Может, Учитель не накачивал его наркотиками, не делал из него фанатика. И что случилось с Геннадием? Да неважно, первым делом надо зарядить телефон позвонить матери. Хоть бы они с бабулей вернулись. Минут через тридцать Витя вышел на трассу. Внешний вид, порванные джинсы, затертая о скалу куртка, красные глаза, растрепанные волосы, полностью отражал его самочувствие. Идти было сложно, навалилась невыносимая слабость. С каждым шагом веки всё больше тяжелели, становились свинцовыми. Он с трудом дошёл до заправки уточнить где же находится. Достал мелочь из рюкзака, купил кофе и фитнес-батончик – закинуть в желудок злаков, а в голову бодрости. «И как я эту гадостью каждый день пью?» – подумал он, сделав первый глоток горького растворимого напитка и добавил побольше сахара. Оказалось, что с местоположением ему тоже улыбнулась удача – двадцать минут пешим шагом по трассе и он будет в посёлке, где живёт мать. Как он не узнал заправку? Бывало гулял мимо. Но стресс делает людей слепыми.

Кое-как, тяжело вздыхая, он дошел до дома матери. Перед калиткой остановился минут на пять, собираясь с силами и мыслями. Прокрутил как будет здороваться, что спрашивать или рассказывать. Решил, что о странных ситуациях умолчит, чтоб не провоцировать очередные недопонимания. А может, мать с бабулей вообще изменились после похищения? Да, надо быть готовым ко всему. Он дёрнул за веревочку, открыл зеленую калитку с немного потрескавшейся краской и, минуя гнилые яблоки, которые разбросало уже и по дорожке к дому, постучал в дверь. Тишина. Покопался в рюкзаке, нашёл свой ключ, вошел в тёплый коридор. Никаких изменений с его последнего визита. Несколько раз крикнул «Ма?», но не получил ответа. Витя с горечью подумал, что уже привык к их отсутствию. И с чего он взял, что все вернется на свои места? Может этот процесс уже необратим и нужно радоваться тому, что сам жив остался... Устало разделся и пошёл в душ. Горячая вода расслабила тело, он прилёг на скрипучую кровать и моментально заснул.

Костя заходит в зал, достаёт из рюкзака бутылку коньяка, сопровождая это ругательствами в адрес Веры. Они поссорились из-за планов по организации свадьбы. Вера хочет арендовать ресторан и заказать регистратора туда, расписаться на фоне арки из живых цветов. А Костя хочет отпраздновать по-семейному – расписаться в ЗАГСе и поехать в небольшое уютное кафе с самыми близкими. Друг идёт на кухню, приносит коньячные бокалы и садится на диван, открывая пробку. Потом смотрит на Витю и говорит «Ну зачем ты так?». Виктор не понимает о чём речь, вопросительно разводит руками. Костя говорит «Вставай», поднимается, трясёт друга за плечи и кричит «Десять минут осталось, вставай!». Витя жмурится, потом открывает глаза, видит белый потолок. «Уф, сон» – подумал Витя и перевернулся на бок, опять проваливаясь в сон.

«Вставай!» – услышал он снова и, резко подскочив, сел на кровати. Работающий телевизор освещает сумрачную комнату. С экрана на него смотрит сидящий за столом мужчина средних лет, в коричневом пиджаке, с лицом слегка квадратной формы. Если подстричь его короче и покрасить волосы в тёмный цвет – вылитый Костик.

– Ну наконец-то! – сказал мужчина из телевизора.

Витя встал, глядя на экран, включил свет в поисках пуль-

та. Ну надо же, сам собой телек включился и разбудил. Программа какая-то идет. Наверняка в записи. Но даже самая увлекательная передача сейчас точно не к месту. Очень спать хочется. Судя по обстановке за окном – сейчас раннее утро.

– Ты что делаешь? У нас десять минут осталось. – сказал мужчина, явно обращаясь к Виктору.

Витя не отреагировал на реплику. Оглянулся по сторонам, ища глазами пульт, а мужчина в телевизоре цокнул языком, закатив глаза.

– В общем, – сказал он, подавшись немного вперед, – твоя шутка на входе в Хроники чуть не стоила тебе жизни. Хорошо, я в это время работал и уже первый сигнал отловил так, что следующие получилось ослабить. Админы так не поступают. Понимаю, ты новенький, – благосклонно продолжил он, – только вступаешь в должность, но никогда не вводи неверный пароль.

– Совсем уже тронулся, – вслух сказал Витя, поднимая с кровати одеяло в поисках пульта и стараясь не смотреть на экран.

Мужчина посмотрел на часы на руке и издал резкий звук «пфф».

– Пять минут осталось. Ну, ты когда выходишь? Прошёл уже ЗОЖ?

– Мне до здорового образа жизни далеко, – буркнул Витя, коря себя за разговор с телевизором.

– Э, товарищ, – выпучив глаза спросил мужчина, – тебе

что, твой наставник ничего не рассказал? Перестань там ёрзать, я же с тобой говорю!

В горле запершило и Витя прокашлявшись, сел на кровать устремив взгляд в экран.

– Ладно, три минуты осталось, дальше мир запустится, – суетливо сказал мужчина, – ЗОЖ – это законы общей жизнедеятельности, все новички в центре управления мирами первым делом должны их изучить, – он ругнулся, – чертовы алгоритмы, то мартышку мне подсунут, то ожившее дерево, то тебя вон... Когда к работе приступишь?

Витя прокрутил в голове предыдущие события и ответил:

– Наверное, вы не в курсе, меня отправили в неоплачиваемый отпуск на три месяца.

– Кто? – удивился мужчина, – ты подчиняешься напрямую мне. Хорошо, спрошу ещё раз – тебе наставник хоть что-то рассказал? Он тебе должен был пароль передать ещё лет пять назад по вашему.

– Я три года работаю без наставника. – невозмутимо сказал Витя, – меня планировали тимлидом сделать.

– Каким тимлидом? – Восхитился мужчина, – Хватит ерундой страдать, иди в Хроники и проходи ЗОЖ. А если пароль забыл – спроси у наставника и вообще...

Мужчина не закончил фразу, экран погас. Виктор быстрым шагом рванул к телевизору и клацнул кнопку включения, но там шла какая-то образовательная передача и никакого мужчины в коричневом пиджаке не было. Он при-

сел на кровать, собираясь с мыслями. То есть, его не отправили в отпуск? Как этот человек разговаривал со мной через телевизор? Кто он вообще? «Надо написать Оленьке» – подумал Витя и вспомнил, что забыл поставить телефон на зарядку. Мигом исправил оплошность, подождал несколько минут пока устройство включится. На фоне зеленого луга высветилось «7.12, Пятница, 6 октября». Только успел он глянуть время и дату, как посыпались уведомления о пропущенных звонках и непрочитанных сообщениях. Раз тридцать звонила Вера, девушка Кости, ещё три раза неизвестный номер, один раз Борис, муж Оксаны. Во всех мессенджерах тоже больше всего непрочитанного было от Верки: «Лимов, где Костя?», «Витя, перезвони», «Виктор, прошу тебя, Кости нет дома и на звонки не отвечает, он у тебя?», «Я приезжала к тебе, Оксана сказала, что ты сошел с ума и сбежал, я не верю», «ЛИМОВ!!! ОТВЕТЬ!!!», «Витя, пожалуйста, сразу как увидишь сообщения, перезвони мне. Я переживаю, что с Костей что-то случилось» и ещё несколько с множеством восклицательных знаков. Была парочка с оскорбительным текстом, мол, какой ты друг если не идёшь на помощь. Интересно, она вообще знает, что если адресат не видел сообщение – то есть галочка или точка, которая об этом сообщает? Ну ладно смски, там непонятно, но мессенджеры... Витя глянул тайминг – последнее сообщение было отправлено вчера, в 21.34. Судя по содержанию, она в полной истерике. Лучше прямо сейчас позвонить. Витя нажал

зелёную кнопку вызова. Не прошло пары гудков, как Вера ответила.

– Витя, наконец-то! – тревожно ответила девушка, – Костя с тобой? Вы где?

– Нет, не со мной, – тяжело вздыхая ответил Виктор, не зная как описать девушке положение дел.

– Где он? Почему не дома? – видимо, этап злости уже прошёл и она сильно беспокоилась, – Я вернулась мириться, а он будто дома и не был всё это время. Отец его тоже ничего не знает.

– Думаю, что правда не был, – перебил её Витя, потирая глаза. По телефону новости описывать явно не стоит, – Вера, я через полтора часа приеду. Ты же дома?

– Нет! – Надрываясь крикнула она, – скажи где он!

– Не истери, пожалуйста. – Ответил Витя, устало думая о предстоящем безумном разговоре. Как же это всё достало. – Скоро буду, – сбросил он.

Вера перезванивала, но никакого желания выслушивать её истерику не было. Витя медленно почистил зубы, умылся, почистил одежду от грязи и пыли, насколько это было возможно, и засеменил на электричку, которая по расписанию будет через двадцать минут. Заскочил в киоск рядом со станцией, взял пива, сигарет и пошёл на пустынный асфальтированный перрон. Банка, открываясь, громко шикнула. «Надо было брать не из холодильника» – подумал Витя, перекидывая пиво из одной руки в другую. Поглядел на пачку с отрав-

ляющими табачными палочками – красивая упаковка с золотистыми буквами, а на пол пачки предупреждение о возможном заболевании. Он сорвал обёртку, достал сигарету и повертел в руках. «Не хочу» – подумал он и выбросил её в урну. Пить в восемь утра всё равно, что говорить «прощай» нормальной жизни. Но если этой самой нормальной жизни всё равно нет, так какая разница в какое время пить? Тем более, что бы ты ни делал, всё становится только хуже. Стоишь за городом в ожидании электрички, в грязной одежде, с банкой пива, переминаешься с ноги на ногу от холода и та жизнь, где была квартира, деньги на машину, стабильная работа, желание построить семью, кажется уже чем-то, что видел в кино, а не переживал самостоятельно. «Ну и фиг с ним, – подумал Витя, встречая прибывший поезд, – что имеем, то имеем».

Ни разу Виктор не видел Веру в таком ужасном состоянии – глаза опухшие, а под ними большие синяки, не причесанная, с кое-как собранными в хвостик волосами, в длинной юбке швом вперёд и вязаном свитере, сползшим на левое плечо. Она открыла дверь, глянула на Витю и навзрыд заплакала, через слюни и сопли приговаривая, что «они раньше тоже ссорились, но он не уходил». Витя вздохнул, поджав губы, собрался с силами, отодвинул девушку немного в сторону, разделся и прошёл на кухню. Открыл шкафчики в поисках чая, что Вера обычно заваривала – сначала нужно её

успокоить, привести в чувство. Пока Виктор хозяйничал на кухне, девушка ушла в комнату и продолжила рыдать, крепко обхватив подушку. «Ну, хоть слезливую попсу не слушает» – подумал Витя с облегчением. Он открыл холодильник, достал свежий на вид кусок торта, положил на тарелочку, заварил травы и пошел успокаивать Веру. Она проплакала ещё минут пятнадцать, уткнувшись Вите в плечо, пожаловалась на то, как старается ради Кости, а он не ценит, потом поругала себя, что такая дура и совсем не придаёт значения некоторым словам парня. Потом сделала пару глубоких вдохов, успокаиваясь, глянула на Виктора и, всхлипывая спросила:

– Лимов, он же не ушел к другой, правда? – произнеся фразу, она чуть снова не заплакала, крепко сжала губы, раздула ноздри, но сдержалась.

– Верка, ну что ты такое говоришь, – как ребёнку ответил Витя, – он тебя любит, тебя, – и погладил её по голове.

– Тогда где он? – её глаза всё же переполнились влагой и по щекам немедленно потекли слёзы.

Виктор отвернулся, встал и пошел на кухню. В дверном проходе остановился, окликнул Веру:

– Пойдем. – Он тяжело вздохнул. – Расскажу тебе всё. – И, прицокнув, добавил себе под нос, – надеюсь, ты не вызовешь санитаров.

Вера оказалась лучшего мнения о психическом здоровье Виктора, чем он сам. Она внимательно слушала, хрустя морковными палочками. Иногда прикусывая губу или открывала рот будто желая что-то сказать, но не перебивала, оставив все вопросы на потом. Когда рассказ касался Константина, девушка поджимала губы, поднимала голову к потолку и прикрывала на несколько секунд глаза, сдерживая слёзы. Витя, описывая все эти, из ряда вон выходящие ситуации, нервно посмеивался, осознавая насколько ненормальным выглядит со стороны. Но иного объяснения исчезновению друга у него не было, только то, что видел, слышал и пережил сам. Закончив рассказ описанием разговора с телевизором, он спросил разрешения закурить, на что Вера отреагировала резко отрицательно, строго напомнив, что с вредной привычкой он завязал, а от своих решений не стоит отступать. Витя развел руками и не моргая упёрся взглядом в стену. Девушка посидела пару минут молча, потом щёлкнула пальцами у него перед глазами и, насупив брови серьезно спросила:

– Как ты планируешь вытащить Костю?

Витя слегка покраснел. Да никак не планирует, даже не думал об этом. Он забежал глазами из стороны в сторону, пытаясь на ходу придумать что ответить. Вера заметила его

замешательство, встала и на выдохе добавила:

– Болван ты, Витя. Он в секту вписался лишь бы тебе доказать, что ты нормальный, – она махнула рукой, – а ты... – и не договорив, ушла в комнату.

Снова послышалось глухое всхлипывание. Вера опять плачет в подушку. Интересно, сколько времени она провела в таком состоянии? Витя остался сидеть на кухне, сложив руки домиком перед лицом. «Стыдно, Виктор, – корил он себя, – стыдно». Только какой толк от этого «Стыдно» – Косте лучше не станет. Он попытался дозвониться другу – телефон выключен. Раньше хоть гудки шли. Зашел в мессенджеры – последний раз Костик был онлайн 4 октября, два дня назад. Витя выругался, прижал руку к груди – сердце кольнуло. Он решил подождать пока Вера снова успокоится и написал Оленьке. Мужик в телевизоре говорил, что он его начальник на работе. Эйчар ответила смайликом, разводящим руки и тактично написала «у нас ничего не изменилось, ты в отпуске». М-да, вдаваться в более подробные объяснения бессмысленно. Судя по немногословности, Оленька сочла сообщение странным. Обычно она пишет много текста с кучей улыбающихся мордашек. Ему вдруг стало перед ней неудобно за навязчивость. Человек из телевизора говорил про Хроники и был в курсе его приключений в зал-библиотеку. Так какого лешего он связал его со своей прежней работой? В комнате Веры послышался звук бьющейся посуды, Витя вскочил и побежал к девушке. На стене появилось

мокрое пятно с брызгами, а на полу осколки чашки.

– Вер, – неловко сказал Виктор, – ну мы придумаем что-нибудь.

Она взвыла как белуга, снова уткнувшись в подушку. Витя глянул на прикроватную тумбочку – какие-то тюбики, косметика, больше ничего бьющегося. Присел у осколков, аккуратно собирая самые крупные в ладошку. Веник он не нашел, а Вера на вопросы не отвечала, поэтому жидкость, которая судя по всему была чаем, вместе с мелкими осколками вытер туалетной бумагой. Витя вернулся на кухню и сел, рассматривая газовую плиту, механически прокручивая телефон в руках. Из-за чего Костя попал в беду? Хотел доказать Виктору, что он нормальный. Что это значит? Наверное, друг рассказал бы, если бы вернулся в себя. Витя вспомнил Учителя и выронил телефон из рук. Это ж надо, абсолютный двойник его дедули. До сих пор в душе горький осадок от услышанных от него слов. Он же отдал им таинственно добытую бумажку с номером, значит сектанты должны отпустить Костю. Виктор нашел номер телефона администрации актового зала, где был семинар, попробовал запросить данные организаторов, но ему нервно ответили «не даём» и бросили трубку. «А вот Оксана, в отличие от Кости, кажется, попала в секту по собственному желанию» – подумал Витя и с неприятным чувством набрал бывшую девушку. Недоступна. Ну кто бы сомневался! А что, если...? Вдруг она приходила к мужу, у которого стащила археологический артефакт? Витя

позвонил Борису, к счастью, пошли гудки.

– Боря, здравствуйте. Это Виктор, мы недавно общались насчёт Оксаны.

– Да, – мрачно ответил археолог.

– Скажите, Боря, Оксана не...? – Начал Витя, но мужчина перебил его криком

– Ты что, дурак, совсем новости не смотришь? Поздно уже, поздно всё! – заорал он и бросил трубку.

Пару минут Виктор просто смотрел на телефон. Набрать ещё раз и уточнить что тот имел в виду? Нет, учитывая тон, лучше больше не звонить. Что значит поздно? Витя открыл первый попавшийся новостной портал на смартфоне. На глаза навернулись слёзы – читая, он не сразу осознал что произошло, но, видимо, эмоции опережали мозг. В разных формулировках на первой странице была новость «Двенадцать тысяч сектантов в разных странах устроили ритуальное самосожжение». Витя кликнул на один из заголовков и прочитал, что в России пятьсот семьдесят пять человек сожгли себя заживо этой ночью в разных городах, синхронно, в одно и то же время. В тот же час, пламя в частных домах полыхало ещё в двадцати странах, что подтверждает версию действия секты, а не случайные поджоги. Детали, причины и список жертв выясняются. Он выронил телефон из рук, который ударился углом и, кажется, треснул. Витя провёл по лицу, рукой закрыв рот рукой, чтоб не издать случайно никаких звуков и не привлечь внимание Веры в другой ком-

нате. Секта. «Неужели...» – с ужасом подумал он, стараясь пресечь мысль, что это могут быть адепты «Вечности». Внезапная догадка опередила его старания и проникла в сознание. Это таким образом они решили отправиться в другой мир, стать энергией? Сжечь себя? Он отдал бумажку с цифрами, а тысячи людей покончили жизнь самоубийством на следующий день? Ничего не говорить Вере. Хоть бы она не увидела новости. Нет, не мог Костя погибнуть. «Пожалуйста – взмолился неведомым богам Витя, – умоляю, пусть он будет жив!». Он крепко сжал кулаки, впиваясь неостриженными ногтями в ладони до такой степени, что пальцы онемели, а ладонь насквозь прожгла боль. Только не паниковать при Вере. Он жив, жив, он не мог умереть, не мог. Это какие-то другие сектанты. Наверняка другие. Невозможно, чтоб из-за бумажки ушли из жизни столько людей. В любом безумии существует предел, не может быть столько сумасшедших на свободе. «Нет! Нет! Нет!» – мысленно повторял Витя. Новости вышибли и без того зыбкую почву из под ног. Очередное потрясение едва не сломило его, но Виктор вовремя подумал о Вере, которая ждет своего Костика и ни о чем не подозревает. Он сделал усилие и взял себя в руки. Медленно поднял телефон. По экрану расплзлась паутинка тоненьких трещин, что в общем-то не помешало видимости.

– Вера..., – с каменным лицом сказал Витя, войдя в комнату и глядя на уже успокоившуюся девушку, – Я обязательно что-то придумаю. – Нервно вдохнул воздух и добавил на

выдохе, сжимая за спиной кулаки, – Обещаю.

Она устало глянула на Виктора, поджала губы:

– Он не мог вот так меня оставить, – девушка крепче обняла подушку руками, – я чувствую, случилось что-то ужасное.

Витя сел рядом, приобнял её, поглаживая по плечу:

– Правда, Вер, всё будет хорошо. – он закусил нижнюю губу, чтоб не выдать свои страшные подозрения эмоциями. В конце концов, его догадки – это просто его догадки. Ничего не доказано наверняка.

– Вить, – сказал Вера немного покачиваясь, – если я могу помочь, скажи чем. Я не представляю своей жизни без него. Я хоть самый большой в мире кусок сырого мяса съем лишь бы он был в порядке.

Если фанатично настроенный вегетарианец говорит, что согласен есть сырое мясо, это означает только одно «я согласен на что угодно». Витя скривился в отвращении от самого себя. Пустышка Вера, способная на подвиги ради любви и интеллектуал Виктор, даже не думающий о спасении друга. Он громко сглотнул и, решившись, спросил:

– Вера, объективно, со стороны, – Витя сложил руки на коленях, глянул ей в глаза, – что я делаю не так? Вообще в жизни?

Девушка пару раз нервно вздохнула, готовясь к длинной фразе, и ответила:

– Думаешь, просто быть веганом? Каждый норовит накор-

мить меня мясом и рассказать о его необходимости для жизни. Думают, что я выделяюсь.

Витя поймал себя на мысли, что он тоже всегда считал так же. Что она просто не хочет жить как все. Или что это что-то схожее с подростковыми метаниями из крайности в крайность в желании самовыражения.

– Но я знаю свой организм и чувствую что для меня хорошо, а что плохо, – она выдержала паузу, чтоб не продолжить реветь, – а ты наоборот. Отказываешься есть мясо в то время как оно тебе жизненно необходимо.

Витя прищурился и мотнул головой, показывая, что не до конца понял о чём речь.

– Ты не признаёшь себя, свои особенности, и хочешь жить как все. – Она звучно выдохнула, – Уф, вроде успокоилась. Ты нормальный, даже если не такой, как все. Мир наполнен людьми, которые хотят навязать тебе свой образ мысли. Костя всегда о тебе так говорил. – Вера сжала руки перед собой, будто молясь и закрыла глаза, – Я умоюсь, пообедаем и придумаем, что делать. – Она не дожидаясь ответа ушла в ванную.

Большим комом в горле застряли слова «Костя говорил». Витя взглянул на свои ладони, где посередине атели четыре дуги, кровь не пошла и то хорошо. Нужно отправить Веру обратно к маме, даже если она узнает новости, там о ней наверняка позаботятся. Самому поехать домой, прошерстить интернет, социальные сети, свои дневники в конце концов.

Может, где-то и найдется полезная информация о сектантах или список погибших. Витя сообщил девушке о своих планах, она сопротивлялась, но в итоге всё же согласилась, при условии держать связь утром, днём и вечером. На автомате, пребывая в тумане, он вернулся в дом, открыл калитку, но остановился глядя на порог. Растянувшись поперек крыльца лицом вниз валяется мужик в серой куртке и вязаной коричневой шапке. Витя подошел ближе, аккуратно толкнул ногой – не шевелится. Он наклонился, потянул за плечо. Из-под куртки выглянул кусочек знакомой рубашки. «Ну, нет...» – взмолился он и, поднажав, перевернул мужика на спину. Сумасшедший инженер собственной персоной. Витя присел и крепко прижал ухо к груди – сердце бьется. «Фух» – подумал он и похлопал Геннадия по щекам.

7 октября

Кажется, я должен объясниться с самим собой. Уже светает. Я не спал всю ночь, пытаюсь найти ответ, понять почему я в упор отказываюсь принять ситуации последних недель как данность.

Я исписал пять листов вопросом «Почему?» и рука онемела, не могу разжать пальцы. Но я потерплю ещё немного, мне НУЖНО это написать. Я достучался до подсознания и наконец-то снял очки. Или это были даже не очки, а бетонные стены, для которых понадобилась огромная кувалда. Вселенная бьет меня по башке, намекает на то, как правильно поступать, а я в упор отказываюсь даже видеть, не то, чтобы предпринимать какие-то меры. Кажется все, с кем я общался в последние дни, считают меня непробиваемым идиотом. Я никогда не был таким, но почему стал? Я нашёл развилку, где свернул не туда. Хорошо, что есть дневники. Мне нужно, жизненно необходимо писать собственные мысли, а я старался загнать себя в клетку из общепризнанных убеждений. Стремился стереть себя.

Гипноз.

Чертов гипноз.

Идиотское было решение – загипнотизировать себя на

нормальность.

Тогда я продал свой комп по запчастям, занял денег у матери на лечение, сдал обручальные кольца, которые мы с Ксюшей так и не надели. Теперь ясно почему я насторожился, когда подумал, что Геннадий может быть гипнотизёром – я-то как никто другой знаю на что они способны. Мне тошно, больно от принятого тогда решения и еще от того ПОЧЕМУ я это сделал.

Мать.

Ненавидел её всю жизнь.

Не знаю как гипноз работает, но если сейчас я допускаю возможность реальности происходящего, похоже у него тоже есть срок годности как у кодировки от алкоголя.

Я убил деда – так она сказала.

Если бы не мой образ жизни, дед был бы жив. Почему? Ближе к смерти он всё больше становился странным и, бывало, резко открывает глаза, схватит её за руку и с безумным взглядом скажет: «Витя должен жить по ЗОЖ», а потом дальше спит.

Когда я рассказал, что причина расставания с Ксенией мои дневники и сны, мать вышла из себя. Снова и снова повторяла, что до моего рождения у неё был отец, а после он сошёл с ума.

Меня не было рядом когда дедушка сделал свой последний вдох.

А она была.

Мать злилась, что он не попрощался с ней, а только кричал «Мне нужно сказать последнее слово Вите». Она слышала его предсмертное желание и не позвала меня.

Я ненавижу её за то, что не позвала меня попрощаться с ним. Ненавижу до сих пор.

ПАРОЛЬ, МАТЬ! – хотел бы я крикнуть ей сейчас. Он хотел сказать мне пароль, чтобы я мог открыть большую дверь.

Я расстался с Оксаной, а мать обвинила меня в смерти деда. Я психанул. Сорвался. Решил стать нормальным, нашёл лучшего гипнотизера и попросил заставить меня жить как все.

Как же я лоханулся.

Озарение снизошло и я понимаю, что не виноват в смерти бабушки, а ЗОЖ – это не Здоровый Образ Жизни. И в событиях последнего месяца полностью виноват я.

Только я.

Единственный, кто сегодня может мне помочь, валяется на кровати без сознания.

Чудак в жёлтой рубашке, умеющий чувствовать ментальную энергию.

А я не умею.

И не знаю живы ли мать с бабушкой.

Не знаю, жив ли Костик.

Прости меня, друг.

Прости.

Я ненавижу себя за то, что впутал тебя в это.

А ты хотел как лучше.

А получилось как всегда.

И если мы ещё когда-то встретимся, я обязательно тебе это скажу.

Виктор поставил точку, поморщившись глянул на тяжело дышащего Геннадия. Когда он затащил его в дом и снял куртку, с ужасом обнаружил множество глубоких свежих порезов. На руках, под рубашкой, сильные ссадины по всему худощавому телу. Кровь приобрела бурый оттенок, засохла. Он решил пока не обрабатывать раны, подождать когда инженер придёт в себя. Гена был без сознания уже часов десять, за это время он ни разу не шевельнулся, но дыхание стало немного ровнее и глубже. Стоило бы, наверное, вызвать скорую, чтобы профессионалы помогли, но учитывая опыт общения с полицией, это может сделать ситуацию ещё хуже. Витя сфотографировал инженера, отправил фото Верре – обещал ведь держать в курсе. Несмотря на ранний час, девушка ответила сразу же. Пообещала приехать как можно скорее, чтобы помочь. Отговориться не вышло, ну ладно. Сейчас совсем не хочется быть одному в доме матери, наедине с полутрупом.

«Пора» – подумал Виктор, сел в кресле в позу лотоса и закрыл глаза.

«Я, Виктор Лимов, хочу попасть в центр наблюдения за

мирами» – никаких изменений. На кухне кряхтит и побулькивает холодильник. За окном слышны какие-то глухие стуки – видимо, ещё не все яблоки упали. Геннадий на диване тихо и ровно сопит.

«Я, Виктор Лимов, хочу познать устройство Вселенной» – тьма перед глазами превратилась в яркий свет, будто на него направили прожектор. Внешние звуки всё дальше и дальше. Не тревожат, не раздражают.

«Я, Виктор Лимов, хочу стать администратором миров» – он не понял как сформировалось такое пожелание, но когда он произнес фразу, стало свободнее, легче. Будто признал нечто важное.

«Я, Виктор Лимов, признаю себя и мир. Я, Виктор Лимов, обязуюсь выполнить всё, что в моих силах для гармонии во Вселенной. Я, Виктор Лимов, хочу попасть в распределенный центр управления мирами» – сознание пыталось вклиниться в мыслительный процесс и просеять все фразы через призму «нормальности», но Витя не дал сбить настрой. Он представил, что находится в большом прозрачном коконе, куда не проходят лишние звуки, мысли и эмоции. Есть только он и вселенная.

Свет перед глазами снова превратился в тьму. Неясно как такое возможно, но он одновременно увидел миллиарды окошек с мирами, будто он стоит сразу перед каждым. Витя начал отдаляться, проникать сквозь своды помещений, двигаться выше. Он чувствовал себя миллиардом песчинок,

способных проникнуть в любое место. Когда песчинки поднимались выше, они становились ближе друг к другу. Витя увидел помещения-ромашки – центр с куполом и широкие коридоры, исходящие из него. Сотни, тысячи соединений, которые расположены трёхмерно – и вниз, и вверх шли щупальца осьминогов. Некоторые блоки обособлены от других. Вся эта конструкция простирается так далеко, что невозможно глазом уловить границ. В реальности нет ничего настолько масштабного, настолько захватывающего дух. Горы, леса, моря и океаны ничтожно малы в сравнении с тем, что увидел Виктор. А песчинки его самоосознания неслись всё выше, внимательно глядели вниз на исполинскую конструкцию, в полёте притягиваясь друг к другу. Ему стало щекотно, крупинцы соединялись друг с другом, создавая плотный цельный организм. Процесс трансформации промелькнул мгновенно. Витя перестал видеть одновременно всё, вернулось привычное человеческое зрение. Он повертел головой, ощутил руки и ноги, тело казалось невозможно лёгким. Над огромной конструкцией, чуть выше уровня глаз, он заметил шестигранные столбы, уходящие высоко ввысь и не соединённые ни с чем. В поле зрения их штук пятнадцать. Интересно, что там? Он попробовал лететь, помахал руками как крыльями – ничего не вышло, он будто завис в пространстве. В памяти всплыла картинка, которую он наблюдал в детстве, как в мире за стеклом летали разноцветные шары-звезды. У них ведь тоже не было крыльев, а они летали. «Ну лад-

но...» – подумал он и внезапно оказался перед окном с мерцающими звёздами. Иллюминатор был искривлён по форме коридора и оказался больше, чем помнилось в детстве. Тогда сверху и снизу оставалось намного больше металлического серебристого покрытия, чем сейчас. Такое ощущение, что ты находишься перед огромным аквариумом, но с той стороны не рыбки, а миры. Он немного поднял голову и увидел чётко выведенную надпись «13.24.22.12.08.1831Д». Номер мира из листочка, отданного Учителю. Интересно, какой смысл несут цифры?

Витя встал прямо перед окном, зачарованный зрелищем – звёзды разного цвета и размера беспорядочно блуждали по тёмному пространству, а далеко внизу, под ними, были видны очертания огромного голубого шара. Планета? Некоторые сгустки энергии ослепляли и приходилось отворачиваться в ожидании пока это яркое нечто проплывёт мимо. «Как-то же здесь появлялся монитор с обратным отсчетом... Я же помню» – подумал Виктор, ощупывая стекло и окантовку. Холодный металл был ровный, никаких кнопок или защёлок. Витя осмотрелся – вокруг тоже никаких рычагов или дополнительных устройств. Может, нужно произнести или подумать какое-то волшебное слово? Он начал разговаривать с окном. «Характеристики» – обратился к иллюминатору. «Нет? Ну, параметры» – ничего не происходило. «Ааа, наверное, это как в рекламе, нужен призыв к действию» – подумал он, вспоминая, что таким же образом работают го-

лосовые помощники на смартфонах.

«Открыть характеристики» – крикнул он, всем телом подавшись к окну. И чудо! Поверх изображения мира появились диковинные иконки, похожие на египетские иероглифы и буквы. Зато текст, к огромному счастью, на русском. Видимо, подстраивается под присутствующего разумного. Он потрогал пальцем стекло – ничего не меняется, значит на касания всё же не реагирует. Нужны голосовые команды.

«Официально установленное название мира: Энергетическая звезда.

Мир создан 1831 года общемирового летоисчисления.

Развитие по сценарию “Д”.

Был близок к гибели из-за переизбытка энергии, но действующий администратор каталога миров переместил излишек энергии в мир “59.21.10.10.05.1990Д”.

Перемещение в мир невозможно, собственник погиб»

«Мать, перемать» – выругался Виктор, прочитав текст. «Разве не сюда должны были попасть сожжённые сектанты?» – подумал он и хотел прочитать более подробное описание, но услышал какой-то громкий стук. Огляделся – тут стучать негде. Глянул в одну сторону коридора, в другую – никого нет. Сердце учащенно заколотилось. Он же не подумал, что здесь может быть ещё кто-то... А вдруг тот мужик из телевизора тоже здесь? Витя испугался и дёрнулся всем телом. «Ааа, Верка» – осознал он, чувствуя затёкшие от сидения в кресле ноги, и открыл глаза.

Видимо, от громкого стука, Геннадий приглушенно зашипел и наконец-то пришёл в себя. Витя на ватных ногах пошёл впустить Веру. Открыл ей дверь и быстро вернулся к инженеру. Тот не открыл глаза, но зато перевернулся на бок.

– Гена? – тихо позвал Виктор, поглядывая на девушку, которая уже быстро скинула куртку и доставала какие-то баночки и пакетики на стол.

– Я привезла перекись, вату, бинты, – шепотом сказала Вера, разгружая сумку. Вкусно запахло едой. Витя повернулся, внимательно глядя на небольшие запотевшие контейнеры на столе. Сглотнул, повернулся к инженеру, подергал тихонько за плечо и ещё раз окликнул:

– Геннадий?

– Аааа, – прохрипел инженер и громко прокашлялся, – Где мои сигареты? – спросил он не открывая глаза.

Витя взял пачку, что купил вчера, достал одну и вложил ему в руку.

– Твои не знаю где. На мою.

Геннадий поднял руку на пару сантиметров, но она обмякла и упала обратно на кровать, пальцы разжались, из-за чего сигарета скатилась на пол. Вера сбегала на кухню, налила в стакан воды. Прислонила к губам Геннадия и тот, вяло хлюпая губами, сделал пару глотков.

– Хорошая девка, – сирым голосом медленно сказал он, – хоть и полная пустышка.

Вера сердито глянула, резко поставила стакан на стол, но

жалкий вид инженера заставил её не принимать обидные слова близко к сердцу.

– Пока я спал, – добавил Геннадий, – мальчик стал мужчиной, – он наконец-то открыл глаза, часто моргая.

В небе зажглась первая звезда когда Геннадий очнулся снова. После первого пробуждения он был больше похож на мумию, чем на человека. Вера, которая предусмотрительно взяла достаточное количество дезинфицирующих средств и бинтов, обмотала его полностью. Бессмысленно было обрабатывать по одной ране, их оказалось слишком много по всему телу. Ещё девушка предусмотрительно взяла с собой домашней еды – супчик с копчёностями и макароны с котлетами. Инженера пришлось кормить с ложечки, он с трудом шевелил челюстью. Свою же порцию Виктор не заметил и сам, как проглотил. Никаких объяснений или оправданий по состоянию собственного здоровья Гена дать не смог, или не захотел, произнёс только «они живы», но на этом его силы закончились. Сколько бы ни пытался что-то добавить, его рот только беззвучно открывался, пришлось терзаться сомнениями до его следующего пробуждения. К счастью, Вера забыла пополнить счет своего мобильного и интернет ей был недоступен – меньше возможности увидеть новости о саможжении адептов Вечности. Витя выделил девушке бабушкину комнату, ведь та из-за переживаний не спала больше суток. Сам же сел в мягкое широкое кресло, поставил журнальный стол под протянутые ноги, поразглядывал щуплую мумию в желтой рубашке на своей кровати и плавно заснул.

– Виктор, – проскрипел инженер.

Витя дёрнулся и резко сел, повернув голову к кровати.

– Где мои сигареты? – спросил Гена, открыв глаза.

– Ты чуть не помер, а спрашиваешь про табак. – Нраво-
учительно ответил Витя.

– Мои сигареты, – хрипло повторил Геннадий, но не по-
лучив ответа, добавил, – в куртке.

Витя протер глаза, встал и, зевая, на автомате нашел в ви-
сящей в коридоре серой куртки мягкую пачку. Зашел в ком-
нату, кинул её на Геннадия и вернулся в кресло спать. Тот
достал одну, но не смог удержать пальцами и она упала на
пол. Витя почти заснул снова, но громкое непрекращающе-
еся шуршание пачкой и возня Геннадия привели его в чув-
ство. Он вскочил, будто забыл выключить утюг, уехав из до-
ма, оглядел комнату, удивлённо и внимательно посмотрел на
Гену.

– Всё, я проснулся, – испуганно сказал Витя как школь-
ник, которого будят родители.

Инженер посмотрел на него через полузакрытые веки и
сказал:

– Спички.

Виктор хотел было возразить, что в доме не курят, но по-
том подумал «какая к чёрту разница?», молча принёс зажи-
галку Геннадия, который к тому моменту наконец-то достал
сигарету и смог поднести её к губам. Инженер прикурил и
громко закашлялся, а Витя глянул в сторону второй комнаты

– Верка совсем вымоталась, не разбудить бы. Гена, похоже, понял его переживания и закрыл рот, стараясь остановить звуки кашля раньше, чем они рассекут пространство. Какое-то время они молчали, внимательно глядя друг на друга.

– Тебе придётся мне всё объяснить. – разбил тишину Виктор.

Геннадий глянул вверх, потом на Витю, кивнул и медленно, делая большие паузы между словами сказал:

– Я могу тебе помочь, – он на минуту закрыл глаза и открыв их снова, добавил, – Австралия превратилась в чёрную дыру. Мир рушится.

Летающие города, исчезнувшие люди, адепты секты, устроившие самосожжение, параллельные миры – Витя думал, что его уже ничем не удивить. Он взял смартфон, шустро нашел новости и завис, быстро клацая пальцем по экрану. Обалдеть! Фото со спутника – вместо континента действительно огромная чёрная дыра, будто забыли дорисовать карту. Не, вообще не смешно. Психоделика какая-то. Сколько же там людей было? А какая уникальная флора и фауна. Где это всё теперь? Он ужаснулся, посмотрев численность населения, – двадцать четыре миллиона. Это даже не «провалились под землю», они просто растворились в пустоте – именно так описывали явление репортеры. Не кратер, не отверстие, а черная дыра без всяких признаков стен и дна. Кинешь туда предмет, он вмиг растворится, а если опустить что-то на верёвке, чтобы попытаться вытащить – так она оборвет-

ся в месте пересечения с дырой, не потянет за собой, а будто вмиг обрежется острым лезвием. На некоторых фото картинка выглядит так, будто кто-то залепил Австралию огромным ровным кругом из черной бумаги или ткани. Но на деле она живая, издаёт гулкое змеиное шипение. Конечно, страны обвиняют друг друга в использовании нового секретного оружия, а эксперты заявляют, что не существует ничего даже близко схожего с подобной природой явления. Только чёрные дыры в космосе, но они не до конца изучены и «перемещение» такой субстанции на Землю невозможно. Пока Витя судорожно просматривал все доступные новости, Геннадий встал с кровати, сделал пару неглубоких наклонов, сопровождая действия шиканьем. Затем подошёл к окну и слегка подняв голову внимательно что-то разглядывал.

– Полная пустышка, – негромко начал Геннадий, – это не потому что хотел обидеть, это значит, что её оригинал умер. – Выдохнул, повернув голову к Виктору, и добавил, – она не сделает никаких новых жизненных выводов.

Понятно, что инженер говорит про Веру. Хотя Витя и сам ловил себя на подобных мыслях, всё же появилась злость и обида за девушку. И что, если не сделает новых выводов? Есть принципы, есть жизненная позиция, есть желания, чувства – значит не пустышка. Пока он мысленно философствовал, Геннадий продолжил:

– А сигареты мои, – он усмехнулся, – как бы парадоксально ни было, помогают мне жить. Дым отгоняет лишние энер-

гетические потоки. Я долго их разрабатывал. – Он отошел от окна, пару раз присел, чертыхаясь на мешающие бинты.

Витя неловко улыбнулся. Сутки этот человек валялся без сознания, а сейчас потягивается, приседает совсем как здоровый. Видно и впрямь сигаретами лечится. Или травмы были не настолько серьёзные, как показалось. Ладно, раз уж начал говорить, пора задавать ему вопросы.

– Что с Костей и где мать с бабушкой? – исподлобья спросил Витя, разозлившись, что услышал жалобы на бинты, но ни слова благодарности. А ведь мог оставить его на пороге, как тот оставил его в темнице.

Геннадий вздохнул, снова закурил.

– Мир рушится, а тебя интересует судьба пары людей, – он вернулся на кровать, – есть две новости – хорошая и плохая. С какой начать? – спросил Геннадий и, не дожидаясь ответа, продолжил, – начну с плохой. Константин вместе с твоей бывшей девушкой, её полуторогодовалой дочкой и ещё тысячами людей разного возраста устроили ритуальное саможжение. Они все мертвы.

Витя крепко зажал нос и рот рукой, делая короткие сдавленные вдохи грудной клеткой, но продолжил молча слушать.

– А хорошая, что сектанты не имеют отношения к исчезновению людей. – Он выдержал паузу. – Миры должны сохраняться каждые сутки. Если ты администратор, наверное можно как-то вернуть всё до нужного дня, в обратную сто-

рону. Может тогда исчезнувшие вернуться.

Потягиваясь и зевая из второй комнаты вышла Вера с красной полосой на левой щеке, видимо, отлежала. Она удивлённо глянула на уже уверенно сидящего Геннадия и хмыкнула. Витя убрал руку от лица и крепко сжал зубы. Можно ли вообще говорить ей о смерти... Боже, смерти! Он ужаснулся собственным мыслям, посмотрел на девушку.

– Ты чего ноздри раздул? – спросила Вера.

Витя помотал головой и неловко улыбнулся, чуть выпучив глаза.

– Вера, Геннадий, – сказал он, поворачиваясь к инженеру, – сказал, что Костя..., – Витя незаметно кивнул в сторону девушки.

– Верочка, вам не о чем беспокоиться, – с вежливой улыбкой продолжил Гена, – я общался недавно с Константином, он просил передать, что скоро будет дома.

Витя находился в состоянии шока, не решаясь глянуть девушке в глаза. Он ожидал, что инженер сообщит Вере о смерти ее любимого человека, а вместо этого услышал циничную ложь.

– Извините, что не сообщил этого ранее, – обходительно добавил Геннадий, – ну вы видели в каком я был состоянии.

Видя недоверчивость на лице девушки, он продолжил объяснения:

– К сожалению, после пребывания в незаконной организации «Вечность» ему потребовалось побыть в реабилита-

ционном центре, где он и находится сейчас. – затем, предупредив возможные вопросы, закончил, – встречи с кем-либо противопоказаны ещё неделю. Не переживайте, просто запаситесь терпением. Он вернётся в целости и сохранности.

Девушка хотела обратиться к Вите с вопросами, но Геннадий встал, взял её за локоть и проводил до ванной, сопровождая это слащавыми словами о светлом будущем. «Нельзя! Нельзя так обманывать! – мысленно противился Виктор, – со смертью не шутят», но молча сидел, не моргая глядя в выключенный телевизор.

– Откуда ты знаешь, что миры сохраняются? – спросил он у Гены, но в голове была лишь одна мысль «я убил друга, лучшего друга».

– Оттуда, что я знаю всё – шепотом ответил инженер, наклоняясь будто рассказывает страшную тайну, а потом покашливая рассмеялся, – я учёный, гений, моя сила – это работа с информацией. Я был с «Вечностью» чуть больше двадцати лет. Руководил археологическими раскопками, которые они спонсировали. Мы искали диск, который нашла государственная организация и, как ты знаешь, Оксана Пантева его благополучно выкрала для Учителя. Но раньше мы так не поступали. Черные методы начались с его появлением. Ну, не важно, – он закурил, выпустив облако дыма к потолку, – попутно мы нашли несколько табличек в Египте, России, Бразилии, Кубе и Австралии. Языки разные, а содержание один в один – устройство центра управления мирами и

кое-какие сведения о принципе работы этого самого центра, как у тебя в дневниках. – Он струсил пепел прямо на бабушкин ковёр, и глядя на удрученное состояние Виктора, добавил, – Ты сделал большой шаг. Признал реальность. Ещё есть шанс всё исправить.

Иногда для того, чтоб трезво мыслить нужно выпить. Сделать большой глоток чего покрепче, скривиться и, выдохнув ядовитые пары, отпустить вместе с ними самые тяжёлые мысли. За какие-то несколько недель Витя лишился всего, что составляло смысл его жизни последние пять лет. Пока Геннадий обходительно провожал Веру и усаживал в такси, Виктор, сославшись на дурное самочувствие, из кофейной чашки пил найденный в серванте коньяк. Он смотрел в выключенный телевизор в надежде, что появится мужик в коричневом пиджаке, расскажет про ЗОЖ, поможет всё исправить. Иногда казалось, что экран начинает мерцать и вот-вот появится картинка. Тогда Витя подавался всем телом ближе, выпучив глаза в ожидании, но ничего не происходило. Ладно, если тебя лишают денег, вещей, да даже крыши над головой – пусть. Но когда лишают надежды – это уже близко к смерти. «Нет, не всё так просто, – подумал Виктор, – даже если тебя лишат всего и всех, одно всё же останется – ты сам». Вот ты сидишь в старом доме, где прошло твоё время счастливого детства. Покинутый всеми, пьёшь большими глотками коньяк, прислушиваешься к звукам и внимательно вглядываешься в предметы в надежде, что хоть какая-то странность, необычайность произойдет прямо сейчас и ты получишь ответы на все свои вопросы. Вернее, на один

самый важный вопрос – как вернуть всё как было?

Когда Геннадий вошёл в комнату, Витя, покачиваясь, сидел в кресле, разговаривая то с матерью, то с Костей, то с Оксаной, живущими сейчас лишь в его воображении. Он ругал мать за дурное воспитание, которое привело весь мир к катастрофе, обижался на друга, что тот не подождал пока Витя перебесится и покрывал нецензурной бранью бывшую девушку.

– Хватит себя жалеть, – сказал Гена, забирая чашку с глотком крепкого спиртного напитка, – поломал – почини, всё просто.

– А как? – стеклянными глазами глянул на инженера Витя, пьяно покачивая головой.

– На, кури, – протянул Гена открытую пачку.

– Не курю, – ответил Виктор, громко икнув, но потом задумался и всё же взял сигарету. Подкурил, вдохнул едкий дым, сильно откашлялся сквозь слёзы и потушил о лакированный журнальный стол, отчего образовалось белое дымчатое пятно, на мгновение скрывшее ожог на полировке.

– Ну вот и славно, – прокомментировал Геннадий, – теперь можем поговорить.

Исподлобья глянув на инженера, Витя осознал, что алкогольный туман в сознании ушёл, оставив лишь неприятный вкус и запах. Воистину чудодейственный табак, бывает же.

– У меня много данных, – продолжил инженер, – но я их не дам, пока не окажешь услугу. – Он сел на кровати, подо-

двинул стол и положил две мятые бумажки, ткнув в одну из них, – это номер моего мира. Дата рождения с точностью до секунды, если ты не в курсе, а это – он ткнул в другую, – записка, которую нужно передать настоящему мне.

Глянув на бумажки, Витя вспомнил другие номера. Дата рождения до секунд, до чего же примитивно, неужели нельзя было самому догадаться... Ну и что бы это дало? Что изменилось бы, знай он, что собственник мира Учителя родился в тысяча восемьсот тридцать первом?

– Тут нет буквы, – ткнул он пальцем в записку с номером, – во всех мирах есть какая-то буква в конце, – потом посмотрел на вторую бумажку и спросил, – что значит «Её убили те, кто имеют власть. Родители живы»? Чьи родители?

Геннадий промолчал.

– Твои? – уточнил Витя. – А здесь с ними что?

– Не важно, – отрезал Гена, – возьми лист бумаги, – он кивнул в сторону стопки копий листков из дневников на столе возле телевизора, – напиши расписку, что сделаешь это. Тогда начнём.

Витя посмотрел на Гену, потом на смятые листки и подумал, что в общем-то такая услуга не большая цена за возврат потерянных жизней или за порядок в мире.

– Ладно, смотри, – он взял лист А4 из стопки, перевернул чистой стороной вверх и написал: «Я, Виктор Лимов, обязуюсь передать записку с текстом “Её убили те, кто имеют власть. Родители живы” в мир 21.10.13.02.11.1947», потом

глянул на смартфон, добавил дату и подпись.

– Доволен? – протянул Виктор бумагу Геннадию.

Инженер взял лист, изучил, сложил в четыре раза и сунул в нагрудный карман рубашки.

– Хроники, – с ударением на «о» произнёс Гена, – это хранилище памяти, если по-современному – база данных. Раньше тех, кто соблюдал баланс в мирах, называли богами смерти и жизни. Они якобы сидели в своих мирах, творя порядок на земле. Заметь, это история твоего мира, для другого человека события и боги могут быть иными, – он сходил на кухню, налил в гранёный стакан воды, вернулся и продолжил, – эти боги передавали свой опыт, который выразился в легендах и сказаниях. – Он закурил, выдохнув едкий дым прямо в лицо Виктору, от чего тот закрыл нос рукой и подышал в ладонь пока дым развеется, – в некоторых культурах описываются пещеры, по которым могут пройти избранные и узнать секреты Вселенной. В других огромный тронный зал с длинным столом, за которым боги в окружении свитков вершат историю. Хроники, – протянул он. Тебе нужно туда.

Витя вздрогнул, вспомнив огромную дверь с табличкой. Он не рассказывал Геннадию про то, как к нему попал листочек с номером мира Учителя, да и вообще не вдавался в подробности своего освобождения из темницы.

– Ну ладно, начнём, – сказал инженер, приподнялся с кровати, занёс над головой Виктора руку, но резко, не моргая, замер.

Зашипел телевизор, Витя вылез из-под ладони Гены, подошел к экрану. Пару секунд шли черно-белые полосы, потом экран заморгал синим, потух, снова включился и появилось на весь экран лицо уже знакомого мужчины в пиджаке. Он что-то говорил и вопросительно смотрел, беззвучно шевеля губами, но потом раздалось несколько хлопков и Витя услышал:

– О, починил, – мужчина подальше отошел от экрана. В этот раз пиджак был серый. За спиной у него виднелась вогнутая стена из нержавеющей стали. «Он с той стороны окна в мир? – вспомнил Витя свои прогулки по длинным коридорам, – Похоже на то».

– Слушай, ну это уже ни в какие ворота не лезет, – обратился он к Виктору, разводя руками, – была б моя воля, уже бы другого нашел, – он с досадой цокнул, глянул влево и кивнул, – вон, все миры на обратном отсчете.

Поджав губы, Витя стыдливо смотрел в пол, чувствуя себя виноватым, и не решался задать хоть какой-то вопрос.

– Ты вообще слышишь? – возмущенно повышая голос спросил мужчина.

Витя поднял голову.

– Я не знал, – тихо ответил он.

– Что? – в недоумении переспросил мужчина и подошел ближе, повернувшись ухом к экрану.

– Я не знал! – крикнул Витя, – Я не знал, что так будет! – он вскочил, – Я не знал, что я админ! Я вообще, – он стукнул

себя кулаками по ногам, – ничего не знал!

– Эммм, – протянул мужчина, – ну тогда, – он прикусил губу, – мы именно в том месте, которое ты написал на входе в Хроники. – он поднял голову и сделал несколько коротких выдохов, – дай-ка подумать...

– Я готов работать, – оправдываясь сказал Виктор, – но помогите! У нас мир исчезает, люди себя сожгли и что-то страшное происходит. Я хочу вернуть всё на свои места!

– Ладно, – он поставил руки на пояс, наклонил голову и краткими, хлесткими фразами начал говорить, – слушай внимательно. У нас тринадцать минут. Тебе нужно попасть в Хроники и пройти ЗОЖ. Всё просто – вводишь пароль, при входе голосовой помощник расскажет что делать. Следуешь инструкции, получаешь инфу, изучаешь, проходишь тест. Возвращаешься в Хроники, находишь консоль, получаешь логи об ошибках. Передаёшь мне, я всё исправляю. Ясно?

Витя отрицательно помотал головой и задал все вопросы сразу:

– Как найти Хроники? Где взять пароль? Почему я? Кто вы?

В режиме викторины мужчина ответил на все:

– Медитация, сон, расслабление, путешествие по энергетическим потокам, виртуальная реальность, колдовство, осознанные сновидения, телепатия – не знаю что у тебя там в мире лучше работает, выбери сам. – Он сложил руки на

груди, – Пароль знает наставник. Кто-то из твоего рода, это тебе надо думать у кого спросить. Почему ты... – он разочарованно цокнул, – если б знал, пофиксил бы багу ранжирования кандидатов. Аааа, – протянул мужчина, – Я же не представился, я разработчик, историк Иван Кравцов, здесь уровень доступа «Создатель». Никнейм – Велес.

Почесав шею и стараясь быстро усвоить полученную информацию, Витя задал новую порцию вопросов, забыв сказать вежливое «приятно познакомиться». Оказалось, что по какой-то причине система устроена так, что работать нужно только вдвоём. Самостоятельно можно исправить лишь единичные ошибки из наблюдательного центра. Администратор следит за порядком и сообщает, что создатель должен починить, исправить, но в порядке действий и принятии решений подчиняется создателю. Чтобы перестать быть наблюдателем и занять predeterminedенную Вселенной позицию в центре управления мирами, каждый должен пройти экзамены. Иван узнал про устройство миров не в детстве, как Виктор, а в зрелом возрасте, когда получил две профессии – программист и историк, в детали личного опыта не вдавался, так как время связи было ограничено. Возможна процедура создания нового пароля к Хроникам, но для этого нужно полностью деактивировать мир наставника – то есть удалить его из базы данных и цепочки взаимодействия миров. Пока Виктор в своём мире, Иван с ним может связываться только каждые двое суток на пятнадцать минут – только на таких услови-

ях мир можно поставить на паузу. До следующей возможной связи Виктор должен предоставить данные об ошибках миллиона миров, которым сейчас до гибели осталось около двухсот тысяч секунд. И его личный мир тоже оказался в этом списке. За одну минуту до завершения выделенного времени, Витя вернулся в кресло, забрался под ладонь Геннадия и, помня предыдущий опыт, решил попробовать сделать путешествие по новому для него миру Хроник более осознанным.

«Пароль, – подумал он, прощаясь с новым коллегой – мне нужен пароль».

Темнота.

Жара. Каждое дуновение ветра воспринимается как святая благодать. Пятилетний Витя идёт в шортах и футболке, держа дедушку за руку. Они садятся в трамвай, красный с белой полоской, который очень громко тарахтит, когда едет. Разговаривать невозможно. Они молчат и разглядывают что-то в окошко, проветривая вспотевшие ладошки. Дедуля платит за проезд, Вите дают билетик. Мальчик внимательно разглядывает кусочек серой бумаги. Цифры он знает, но считать сумму ещё не умеет, а вдруг билетик счастливый? Дед глянул, отрицательно мотнув головой. Минут через двадцать они выходят и Витя крепко хватается деда за руку.

Асфальт пропекся под палящим солнцем и отдает излишек жара в обувь, ноги начинают задыхаться, стонать. Хочется свернуть на тропинку, на землю, разуться, почувствовать слабый ветерок запрелыми пальчиками ног, но рядом только неживой, обожженный асфальт. Они идут медленно и спокойно, аккуратно дыша, чтобы не набирать много горячего воздуха, пытаются дуть себе на лоб, стараясь хоть как-то освежить голову. Не хочется ни о чем говорить и ничего спрашивать у дедули, Витя просто издаёт стон каждые несколько метров “Жаааарко”, а дед отвечает “Потерпи, скоро уже дойдем”.

Десять минут остается до входа в благодатный лес. Когда

становится видно опушку, дышать намного легче и проще. Витя разглядывает тени среди деревьев и слышит как они переговариваются между собой, шелестя листвой. Он чувствует себя маленьким диким зверьком, которого вот-вот выпустят на свободу. Как же он любит сосны! Кажется, будто их оранжевые стволы растут до самых облаков. Земля усеяна иголочками разного цвета – зеленого, желтого, бурого и даже почти белого – это урожаи разных лет, это история не одного цикла жизни. Они неторопливо идут по дороге рядом с лесом, и дедушка начинает рассказывать сказку.

– Посмотри, как крепко они держатся, – говорит он, показывая на толстые, выползающие из земли корни, – деревья растут и вверх, и вниз. Под землёй у них большая корневая система, даже больше, чем само дерево, – дедушка посмотрел на верхушки деревьев.

Витя подбежал к одной из сосен, присел, пощупал массивный корень, который был в диаметре больше, чем его собственная ладошка. Потом запрокинул голову, разглядывая ствол и ветви. Он так увлёкся, что чуть не плюхнулся на землю, но успел поставить руки. Дедушка продолжал:

– Деревья дружат друг с другом. Поговаривают, что корни всех-всех растений в мире соединены неразрывной сетью, которая окутывает весь земной шар. – Он подал Вите руку и поднял мальчика. – Ты помнишь, что есть другие миры?

Витя кивнул. Он старался ничего не говорить, чтобы дедушка поскорее рассказал что-то интересное.

– В одном из таких миров, который чуть старше, чем твой, живёт мальчик. – Они плавно перешли на тропинку среди деревьев, – Его мама работает учительницей, а папа слесарем и у них совсем нет времени на общение с сыном. Ему грустно, поэтому он часто приходит в большой парк рядом с домом и разговаривает с разными деревьями. С такими как здесь, – он махнул рукой вглубь леса, – с соснами, дубами, берёзками, – он показал пальцем на пару виднеющихся вдали белых стволов, – ты наверняка спросишь почему он ни с кем не дружит?

Перепрыгнув небольшую ямку, Витя остановился, вопросительно глядя на дедушку. А правда, почему не гуляет с друзьями, а ходит в лес? Витя, например, дружит с Алиной в детском садике и ещё с Никитой, он его лучший друг!

– На той улице, где он живет, нет детей его возраста, а в школе его не любят потому, что он самый умный.

– Но разве быть самым умным плохо? – недоумевающе спросил Витя.

Дедушка тяжело вздохнул и присел на пригорок над оврагом, в котором весело журчал ручеёк.

– Нет, Витя, конечно не плохо. Просто люди не любят непохожих на себя, они сторонятся и избегают их. Тогда нужно скрыть свои отличия или привыкнуть быть одному.

Копая землю найденной длинной палкой, Вите стало очень грустно за мальчика и он бросил занятие, присев рядом с дедой.

– Однажды он гулял по лесу, случайно споткнулся и упал.

А когда встал и пошел дальше, знаешь где он оказался?

– Где? – воскликнул Витя, – Скажи, деда, где?

– В лесу на другом континенте.

– Такого не бывает, – насупился мальчик, думая, что дедушка держит его за маленького.

– Бывает, конечно, – по-доброму ответил дедуля, – ты вырастешь и сможешь сам увидеть.

Ручей в овраге весело журчал, а над ним жизнерадостно летали стрекозы и бабочки. Витя спустился, чтобы поймать или хотя бы разглядеть поближе кого-то из них. Один за другим он задавал дедушке вопросы о том, что же дальше было с мальчиком. К счастью, он нашел друзей, таких же как он – они умели путешествовать с помощью леса даже в другие миры, хоть и ненадолго.

– Но самое главное, – резюмировал дедушка, – никогда не бойся быть собой.

Темнота.

Витя стоит как замороженный у одного из огромных круглых окон, глядя на яркие вспышки света в крошечной тьме за стеклом. Он старается не обращать внимания на красноватый оттенок стекла и обратный отсчет, который судя по всему, означает, что этот прекрасный мир скоро погибнет. Умрёт, как его дедушка. Витя прислоняется к стеклу руками, упирается лбом в холодную поверхность, вглядывается

во мрак и плачет. Горячие слёзы текут по лицу. Он обли- зывает губы, чувствует солоноватый привкус. Желтая искор- ка вдалеке вдруг начинает увеличиваться в размерах, будто приближается. Витя почему-то вспоминает, что дедушка так и не научил его играть в шахматы. Он всматривается в леля- щий к окну шар. Видит, как его цвет меняется от светло-жел- того до оранжевого. Мальчик разглядывает яркие лучи и ему кажется, что это дедушка подаёт знак. Не может ведь человек просто умереть, он куда-то отправляется. Значит, дедушка превратился в эту мерцающую звезду. А она всё увеличива- ется в размерах. Витя замечает огромный красно-оранжевый хвост, рассекающий пространство за ней. «Дедушка хочет мне что-то сказать!» – восторженно думает он. Шар надви- гается, растёт в размерах и летит прямо к стеклу, не снижая скорости. Всё ближе, ближе. Вот Витя видит бурлящую по- верхность, покрытую языками пламени. «Дедушка!» – кри- чит он и звезда разбивается о стекло.

Темнота.

Четырнадцатилетний мальчик стоит перед огромным ил- люминатором и наблюдает за темноволосым мужчиной, гу- ляющим по лесу. Витя смотрит, как тот подходит то к од- ному дереву, то к другому, прикладывает к стволу руку и, наклонившись ближе, что-то шепчет. С разных сторон как из воздуха появляются несколько человек и быстро идут к нему. У мальчика люди вызывают неприязнь, они одеты в

темно-зеленые тканевые костюмы с коричневыми кожаными вставками и у каждого в руках арбалет. Судя по всему, они настроены недоброжелательно. Витя стучит по стеклу, кричит «Дядя, бегите оттуда!», но его никто не слышит. А люди подходят всё ближе и ближе. Мужчина замирает, не двигая головой водит глазами по сторонам. Потом приседает к корням огромной сосны и дерево будто всасывает его, ничего не оставив на поверхности. Ушёл! Витя успокаивает нервно стучащее сердце. Подпрыгнув от неожиданного прикосновения к плечу, оборачивается и видит дедушку, который с улыбкой смотрит на него.

– Я тебя обманул в детстве, – начал признание дед, – мальчик, который умеет путешествовать с помощью леса, не нашёл друзей. Даже такие же, как он, объявили на него охоту. Лучше быть таким, как все.

Витя поджимает губы. Ничего не ответив, идет по металлическому коридору, не глядя в другие иллюминаторы. Он помнит, что в детстве дедуля рассказывал интересные истории и всегда было тепло на душе, будто Витя может сделать что-то хорошее и полезное. Сейчас же дедуля будто совсем не понимает его чувств и даже иногда говорит что-то обидное.

– Витя, – окликнул дедушка мальчика, – я сильно болею. В твоём мире это называется раздвоением личности. Я очень стараюсь, – его глаза слезятся, – стараюсь не обидеть тебя, – он обнимает внука, но Витя не отвечает взаимностью, отво-

дит взгляд сторону. – Будто кто-то плохой живет внутри меня. Я должен, должен бороться с ним пока тебе не исполнится двадцать пять. – Он отходит, вытирает глаза и протягивает мальчику руку, – пойдём ещё раз посмотрим на драконов.

Витя колеблется несколько минут, но потом берёт деда за руку и они молча идут по длинному коридору.

– А что будет когда, – неуверенно начинает мальчик, – когда мне будет двадцать пять?

– Тогда я скажу тебе...

Виктор почувствовал жуткую боль в области копчика. Ещё сильнее, чем в детстве, когда ударился, скатившись с горки. На него посыпалась какая-то пыль и мелкие камни. Громкий грохот и резкий скрежет гулко зазвучали в голове. Не понимая что происходит, Витя щурясь приоткрыл глаза и от неожиданности попятился на пятой точке, быстро перебирая ногами и руками. Перед ним прямо возле ступней рухнула огромная доска. Он разглядел торчащие из неё длинные гвозди. Внезапно кто-то схватил его за подмышки и потащил назад. В ту же секунду на то место, где Виктор был мгновение назад, посыпались кирпичи. Он попробовал встать, но услышав громкое «не шевелись!», замер и остался сидеть. Его стремительно потащили дальше, а он, перебирая ногами и помогая своему спасителю выбираться, с ужасом глядел на то, что происходит – за его домом, который был уже почти полностью разрушен, возвышался огромный ствол дере-

ва, как в сказке «Джек и бобовый стебель». И это дерево на глазах продолжало расти. Оно становилось всё выше, появлялись новые стволы, росли вширь, сплетаясь друг с другом. Пару минут грохот продолжался, но потом вмиг затих. Исполинское растение замерло. Его огромные листья, размером с письменный стол, плавно шевелились на ветру. Витя оглянулся. В желтой рубашке, весь в грязи, нагнувшись и упершись руками в колени стоит Геннадий и тяжело дышит.

– Скоро замёрзнем, – сказал инженер, глядя на ошарашенного Виктора, – надо залезть и найти одежду.

Открыв рот, Витя несколько минут посидел на земле, потом встал и потёр ладонями плечи – да, в одной футболке в октябре точно жарко не будет. Пощупал поясницу и копчик, вроде не сильно ушибся, немного ноет. Гена, почесывая бороду с небольшой щетиной, глядел на развалины дома.

– А жаль, уютненько было, – сказал он и легонько потрогал открывшиеся заново раны на руках, – сигареты мои найти надо.

– Что, – начал Витя, поглядывая то на Гену, то на дом, то на исполинское растение, – происходит?

– Ну что, пришелец из другого мира, – невозмутимо ответил инженер, – в гости к тебе зашёл. Оно ж разумное, – он усмехнулся, помахав растению рукой и оно, к удивлению Виктора, ответило одновременным колебанием всех листьев.

На углу здания городского вокзала, где аккуратный кованный заборчик ограждал когда-то бывшие зелёными лужайки, Витя с Геннадием извлекли из бумажного пакета горяченькие хот-доги, которые купили сразу же, как выбрались из пригорода. Стресс способствует появлению аппетита, порой даже нездорового. Оба были в куртках с белыми пыльными разводами. С трудом извлеченная из-под завалов теплая одежда оказалась не в лучшем состоянии... Хорошо что тряпки не приходят в негодность как телевизор или мебель. Урони на них кусок стены и вещи останутся целёхонькими, только выпачкаются. Они присели на забор и оба подались чуть вперёд, раздвинув ноги, чтобы хотя бы брюки оставались чистыми, не измазанными майонезом или горчицей. Не успел Гена откусить от своего завтрака, как сосиска стремительно вылетела на асфальтированную дорожку. Он громко выругался, невозмутимо поднял её, слегка струсил грязь салфеткой и закинул обратно в булку, сжимая намного крепче, чем сначала.

– Может другой купим? – настороженно спросил Витя, который внимательно следил за каждым движением инженера.

– Не, – ответил Геннадий, пережёвывая сосиску с хлебом, – не в мочу ж упала, – он попытался улыбнуться, но стремительно поднёс салфетку ко рту, стараясь поймать по-

что выпавший солёный огурец.

Некоторые прохожие, погрузившись на ходу в свои смартфоны, не сразу их замечали, но увидев, разворачивались или проходили быстро, почти бегом. Другие же и вовсе выбирали длинный путь к вокзалу, буквой «Г», а не срезали наискосок, лишь бы не проходить мимо бомжеватого вида подозрительных личностей. Витя внимательно следил за каждым человеком, попадавшим в поле его зрения. Это было приятнее, чем наблюдать как ест до невозможного неряшливый Геннадий. Он скомкал бумажку в которую был упакован хот-дог и сделал глоток растворимого черного кофе, зацепившись взглядом за медленно бредущего сгорбленного старика с тростью.

– А Учитель? – без деталей спросил Витя, переваривая собственные мысли о дедушке.

– Что Учитель? – с набитым ртом уточнил Геннадий.

«Лучше не отвечать сразу, а выждать паузу и продолжить когда инженер доест, – с опаской подумал Виктор – иначе есть огромный риск получить пережёванную сосиску прямо в лицо». Он допил кофе, засунул бумажку в картонный стаканчик и медленно двинулся к урне на углу. Гена вытирая измазанные майонезом, кетчупом и горчицей пальцы парочкой салфеток, тоже встал и закончив на ходу, выбросил мусор.

– Сектанты сожгли себя, а Учитель тоже? – спросил Виктор, поставив одну ногу на нижнюю планку забора.

– Учитель, – ответил Гена, ошупывая языком зубы, – не, –

он достал кусочек еды ногтем и шелбаном отправил на землю, – жив. Он же энергия, его можно только переместить, перенаправить, распределить по-другому, а убить нельзя.

Витя усмехнулся, снова присел на забор.

– А он этого типа не знал?

– Знать можно одно, а верить в другое, – инженер пожал плечами, – пойдем отсюда, – добавил он, махнув в сторону, где стояли два человека в форме. Один что-то говорил, кивая в их сторону, а другой с недовольным выражением лица отвечал. Виктор вздохнул, встал, потянулся и направился в противоположную от полицейских сторону. Геннадий пару минут постоял, громко щёлкая пальцами и догнал его.

На маршрутке, номер которой Витя не запомнил, они доехали до центра, зашли в двор-колодец и постояли возле подъезда минут сорок. На все вопросы о пункте назначения, Гена отмалчивался, а потом отрезал одним словом «Идём». Вышла старушка с маленькой собачкой, инженер проскользнул на лестничную площадку, поздоровавшись с ней. На третьем этаже Гена открыл широкую деревянную дверь ключом, разулся и быстро прошел по темному коридору в комнату. Витя долго вертел замок, чтоб прикрыть дверь. Когда тот наконец-то поддался, прошел за инженером. Это была огромная трехкомнатная квартира с высокими потолками, старинной мебелью и фортепиано. В зале, где Гена присел на позолоченный стул, обитый узорчатым шелком, стояли высокие деревянные стеллажи с ажурными узорами, заполнен-

ные фарфоровой посудой с гжелью. Двери в другие комнаты были закрыты, Витя решил не задавать лишних вопросов и присел на миниатюрный диванчик чуть поодаль от Гены.

– Что ты задумал? – спросил инженер, надев откуда-то появившиеся очки с розовыми стёклами.

– Учителя найти, – Витя решил ничего не скрывать. Неизвестно насколько широки возможности человека, умеющего работать с энергией.

Геннадий прищурился, снял очки, покрутил их за дужку, потом протянул Вите и предложил глянуть на мир сквозь розовые стёкла. «Почему бы нет?» – подумал Виктор, схватившись за черный пластик. Он аккуратно закрепил дужки очков на ушах и замер. Во-первых, чтобы очки не слетели и не разбились, они были чересчур широкими, а во-вторых, он опешил от увиденного. Вокруг каждого предмета появились пульсирующие разноцветные волны. Вокруг Гены вообще появилось живое радужное свечение, от красного до фиолетового, радостно переливающееся. Стены же комнаты изрешечены серыми полосами вдоль и поперёк, обрывая тянущиеся к ним желто-белые лучи от мебели, посуды и другой комнатной утвари. Витя придержал дужки на ушах, повернул голову, с восторгом разглядывая этот удивительный яркий мир. Растения на подоконнике имели более четкое свечение, повторяющее очертания каждого листика. Такое ощущение, что цветы дышали, заставляя красные, желтые, оранжевые и зелёные волны колыхаться и перехлестываться

друг друга. Виктор наклонил голову и посмотрел поверх очков – теперь мир стал тусклым, не насыщенным, хотя до этого обивка стульев, позолота и витиеватый узор деревянных стеллажей казались удивительно роскошными.

– Ну всё, хватит, – усмехнулся Геннадий, глядя на по-детски удивлённое лицо Вити и протянул руку.

– Это как? – Виктор глянул через стёкла с другой стороны, но увидел лишь мир с розовым оттенком, как за стеклом мира Учителя при обратном отсчете.

– Очки для тех, кто плохо видит, – Гена забрал очки, аккуратно сложил их в черный чехол и снова задал вопрос, – Что ты задумал?

Доверия к инженеру всё ещё не было, хоть тот и спас Витю от исполинского дерева, вытащив вовремя из рушившегося дома. Но всё же они заключили соглашение и судя по всему, Геннадий зависит от Виктора. «Если сотрудничать, так уж по-честному» – подумал Витя, но прежде, чем ответить на вопрос, рассказал предысторию – что он видел в последний раз, про знакомство с Иваном из центра управления, про библиотеку своей жизни с дверью в Хроники Вечности. Оставил в тайне только информацию о том, что можно создать новый пароль к хранилищу данных, уничтожив дедушкин мир. Витя не мог допустить, чтобы память о любимом дедуле полностью стёрлась во всех мирах. Слушая обновленную версию событий, Гена не мог сдерживать хохот, особенно когда Витя сказал, что вместо пароля написал «ЖОПА».

Пришлось одёргивать инженера от излишне эмоциональной реакции, напоминая о двуличии и лицемерии, которое чуть не свело его самого в могилу.

– Сиди и не двигайся, – резко сказал Гена, глядя в сторону коридора, где послышался звук проворачивающегося в замке ключа. – Что бы ты не увидел, не пророни ни звука, – добавил он, резко вскакивая с кресла.

Послышались голоса. Из разговора Витя понял, что кого-то привели с прогулки. В комнату Геннадий зашёл, держа хрупкую женщину под руку. Она была в шляпке с вуалью, целиком закрывающей лицо, в белой водолазке и черной юбке в пол. Инженер усадил её на стул и снял головной убор. Витя еле сдержался, чтоб не издать ни единого звука. Её лицо было полностью обезображено – рот разрезан с одной стороны до уха так, что видна вся челюсть, а вместо глаз он увидел красное мясо с белыми прожилками и ни единого волоса на голове. То, что это женское лицо, можно было догадаться только по аккуратному носу. Она смиренно села, положив руки на колени, а Геннадий, чуть приподняв её, снял юбку. Витя увидел, что одна её нога – это металлический протез со сгибом в колене, присоединенный прямо к тазовым костям. Он сидел, почти не моргая разглядывал уродливое лицо, когда женщина издала сопящий звук и изо рта, пузырясь, потекла слюна.

– Здесь никого нет, дорогая, – мягко ответил Геннадий, поднимая её руки вверх, чтоб снять водолазку.

На шее у женщины была дыра, за которой виднелись белые пластиковые трубки. «Похоже на систему дыхания» – подумал Витя, разглядывая отверстие. Такого человека он никогда не видел. Что же с ней случилось? Разве могут люди жить с такими увечьями? А вообще, медицина неплохо развивается, может быть, это всё когда-нибудь можно будет исправить? Гена открыл деревянный узкий шкаф возле балкона и достал шелковый халат. Надел халат сначала на одну руку, потом на другую, свел концы воедино и, завязав пояс бантиком, повёл её в соседнюю комнату. Какое-то время были слышны шорохи, а потом раздалась классическая музыка. Инженер вышел, плотно закрыл дверь и совершил пару пассов руками.

– Я ничего объяснять не буду, – резко сказал он, глядя на шокированного Виктора и подошёл к балконному окну, – можешь шевелиться.

Витя выдохнул. Ещё минут пятнадцать видел перед собой пустые глазницы лысой женщины с протезом. Кто она Геннадия? Назвал «дорогая». Жена? Виктор одёрнул себя и решил вернуть разговор в былое русло:

– Двести тысяч секунд – это сколько?

Геннадий помолчал пару минут, глядя на улицу и, не поворачиваясь, ответил:

– Пятьдесят пять часов.

Загибая пальцы, Витя пытался сосчитать сколько же есть времени, чтоб всё исправить и, вскочив, испуганно восклик-

нул:

– У нас же осталось времени до вечера! – но увидел, что Геннадий не реагирует и сел обратно на маленький диванчик. Витя умышленно громко дышал, чтоб обратить на себя внимание инженера, но тот стоял практически не шевелясь. Через десять минут, хлопнул в ладоши и серьезно сказал:

– Нашёл.

Недовольный поведением Геннадия бородатый таксист, высадил их возле высокого сплошного оранжевого забора. Витя поскорее вышел из машины и огляделся. Справа ухоженный канал, через который чуть дальше проложен зеленый мост, а вдали виднеются большие строительные краны. Да, ездить с инженером куда-либо и особенно наблюдать за его манерами в обществе – зрелище не из приятных. Виктор начал свыкаться с мыслью, что Геннадий очень раздражающий человек. Минут сорок Гена, активно жестикулируя тонкими пальцами, показывал таксисту дорогу. Порой, когда водитель уже перестраивался в нужный ряд для поворота, Гена начинал кричать, размахивая руками, что нужно ехать прямо, а в некоторых местах настаивал продолжить движение даже если стоял знак кирпича. Виктор же старательно не обращал внимания на их споры. Он внимательно разглядывал мир через окно заднего сиденья и сквозь стёкла розовых очков, которые Геннадий молча протянул ему пока они ждали такси во дворе-колодце. Каждый человек в городе имел «шерсть», как обозначил для себя Витя множество разной толщины белых светящихся линий-волосков. Между некоторыми ворсинками оставались промежутки, сквозь которые виднелись радужные волны. У других ничего разноцветного не было, сплошные белые коконы из плотно сбившихся воз-

ле туловища и тянущихся дальше в разные стороны, нитей. Эти «шерстяные» волоски устремлялись вверх, в стороны, даже в землю. При этом, и всё остальное – здания, деревья, даже каждая плиточка на тротуарах, испускало разноцветные волны словно на испорченном фотоснимке. Только волны не были статичными, а мерцали, дышали.

С той стороны вдоль забора были посажены высокие клёны, которые роняли листву на узенький тротуар. Здесь, в отличие от центра города, мир более насыщен разными цветами – людей меньше, а их белое «оперение» почти не затмевает радугу. Геннадий всё ещё сидел в машине, что-то выясняя с таксистом. Витя проводил взглядом человека с белым «ёжиком» вокруг него и заметил, что когда тот проходил мимо женщины, идущей навстречу, между ними появилась толстенькая, плотная, белая мерцающая полоса. Чем дальше они отходили друг от друга, тем тоньше она становилась. Ах, вот он, секрет «шерсти» – это взаимосвязь с другими. Хорошо это или плохо, что она перекрывает разноцветное свечение? Витя решил не углубляться в технико-философские размышления, обогнул машину спереди, наклонился и легонько постучал в стекло. Гена повернулся с раздраженным взглядом, потом достал из внутреннего кармана куртки тысячу рублей и протянул водителю. Тот, судя по всему полез за сдачей, но инженер вышел, крайне громко хлопнув дверью. Ещё чуть-чуть приложенной силы и окошки бы старенькой «Лады» не выдержали. Витя снял очки и аккуратно

держа их в руках, вернулся на тротуар к забору, наблюдая как время от времени с деревьев падают желтые листья. На заборе установлена металлическая решетка с коваными пиками, а в глубине виднеется здание с зарешеченными окнами.

– Смотри через розу, – сказал Гена, глядя в упор на забор.

Судя по всему, инженер так назвал очки, Витя достал их из черного твердого чехла и тоже глянул в стену, сквозь которую резко пульсировали острые разноцветные иголки.

– На себя смотри. – инженер развернулся, облокотившись на забор, – толстая белая верёвка, видишь?

Наклонив голову, Витя увидел белую нить, тянущуюся за забор прямо из его сердца. Он проследовал за ней взглядом, но та затерялась в других белых линиях, наполняющих пространство улицы.

– Ищи небольшую черную дыру, – добавил он и медленно пошел вдоль забора, ведя по шероховатой поверхности рукой.

И правда, в глубине здания среди искрящейся радуги и белых пушистых силуэтов, Витя увидел небольшой черный овал, к которому тянулись переливающиеся верёвки. Он снял очки и, посмотрев в спину уже отделившегося Геннадия, побежал за ним. Они обогнули стену и подошли к широкой калитке, закрепленной на кирпичных столбах. По обе стороны от входа расположились небольшие домики того же цвета, что и забор, со слегка потрескавшейся краской возле

крыши. Витя остановился, прочитал на табличке, висевшей на стене одного из домиков, «Психиатрическая больница Св. Николая Чудотворца» и вопросительно глянул на Геннадия.

– Он перевоплощался в тысячи людей, устроил самосожжение и всё равно не попал в свой мир, – пожал плечами инженер, – как думаешь, где может оказаться такой недочеловек? – он достал кнопочный телефон, который чудом уцелел при крушении дома в отличие от смартфона Виктора и добавил, – без двадцати три. Как раз вовремя.

Пропустили их без дополнительных вопросов, даже не спросили документы. Наверное, Гена постарался своим умением работать с энергетическими потоками. Витя не снимал чудо-очки и наблюдал как толстая белая нить тянется то в одну, то в другую сторону в зависимости от того, в какую сторону он поворачивается. Как навигатор в смартфоне, ей-богу! Округлый коридор первого этажа был похож на туннели центра по наблюдению за мирами, только вместо иллюминаторов, по обе стороны располагались новенькие деревянные двери. Кафельный пол, белый посередине и синий по бокам, полосы пластика, тянущиеся вглубь коридора, лампы дневного освещения – всё выглядело современным, будто совсем недавно тут сделали ремонт. Их аккуратно обыскали, спросили нет ли острых предметов, забрали у Гены телефон. Вежливо попросили сдать верхнюю одежду в гардероб, снять обувь. Учитывая, что сменки у них не имелось, пришлось надеть бахилы на носки и идти босиком по холодному

полу. По лестничной площадке, окрашенной наполовину в тот же цвет, что и всё здание, они поднялись на второй этаж. Витя так увлёкся следованием за белой нитью, исходящей из сердца, что даже не заметил номер палаты, к которой они пришли. Их встретил санитар, который открыл дверь ключом и, впустив внутрь, закрыл её снаружи. Две койки пустовали, а на третьей, под зарешеченным окном было овальное, горизонтально расположенное чёрное пятно, в котором исчезала путеводная нить Виктора, ставшая к этому времени уже плотным канатом. Он снял очки и увидел седую голову с проплешиной на затылке. В остальном мужчина был полностью укутан в белое одеяло.

– Де... – начал было Витя, но опомнился и сказал, – Добрый день.

Мужчина повернулся. Лицо его полностью было исчерчено морщинами. Он приподнялся, повернул голову и расфокусировано пустыми глазами глянул на посетителей:

– Здесь так много сосланцев, мы так несчастны. – произнёс он и снова отвернулся к стене.

Геннадий подошел ближе и стал трясти Учителя за плечо, эмоционально причитая:

– Ты меня чуть не убил! Чуть не убил! – но мужчина не реагировал, только вяло потряхивал всем телом, то и дело немного приподнимая ноги.

Витя остановил руку инженера, присел рядом с больным, тихонько похлопывая его по плечу. Даже с учетом того, что

сотворило это существо, сложно остаться равнодушным к столь апатичному поведению и не почувствовать ни капли жалости. Виктор вздохнул, коря себя за излишне доброжелательный настрой, но оправдал себя тем, что расчувствовался, увидев дедушку.

– Ну, ну, – приговаривал Витя, – ты можешь сделать хороший поступок, – но ничего не получив в ответ, продолжил уговаривать старика выйти на контакт, – ты же рассказывал мне много полезных историй. – Тот немного зашевелился и Виктор продолжил, – я вырос хорошим человеком благодаря тому, что мы гуляли по коридорам с мирами.

– Здесь так много странников, а мы могли бы бороздить просторы Вселенной, – вяло произнес тот, кто выглядел как любимый дедуля Виктора, – Вечно.

– Помоги нам, – всё так же успокаивающим тоном сказал Витя, – иначе все миры, которые мы с тобой видели, умрут, – сейчас он говорил с ним, как с ребёнком, подбирая самые простые формулировки.

Мужчина резко вскочил, оттолкнув Виктора, скинул с себя одеяло, замер в позе военачальника и громко сказал:

– «Учитель, снизойди к нам, неси слово своё!» – кричали они! Ты забыл деда и был я звездой, бороздящей темное пространство вашего мира! Но вам! Вам нужно всё назвать какими-то именами! Вы убийцы настоящего! Вы предатели истины! Вы! – он расправил руки в стороны, запрокинул голову и начал вертеться на одном месте, блаженно пригова-

ривая, – но я кружу, я – энергия! Я буду кружить, бороздить пространство, даже если ваши миры погибнут.

– Сделай что-то, ты же умеешь, – прошептал Витя Гене, попятившись к двери.

– Я не могу, он – энергия, – развел Гена руками, – у него нет потоков как у людей.

– Скажи пароль! – крикнул Витя кружащемся безумцу с лицом и телом дедушки, – Пожалуйста! – в сердцах добавил он, надеясь, что хоть что-то человеческое в этом существе осталось.

Странник остановился и прямо посмотрел на Виктора. Потом подошел вплотную, всё так же пристально глядя в глаза.

– От твоего деда, – холодно сказал он, – осталась только оболочка. Я растерзал его на мелкие частицы, как хищник разрывает добычу, – он наклонял голову то в одну сторону, то в другую и с ненавистью говорил. – Я разрушил остатки его личности как ты уничтожаешь миры один за другим, его нет и больше никогда не будет. – Он ткнул пальцем Вите в плечо, – ты же носишь верхнюю одежду. Твой дед теперь моя верхняя одежда! – крикнул он и, отойдя пару шагов назад безумно расхохотался, – Нет пароля, глупый ты человек, не умеющий построить свою жизнь, а если бы и был, я бы не сказаааал, – ехидно протянул он, – миры должны умереть скорее! – он вознёс руки к небу, – Скорее! Я – странник вселенной! Я – совершенная сущность! Вечность ждёт меня!

На улице моросил противный дождь. Он наполнял и без того мрачную атмосферу, незримо окутавшую пространство, тоской и предчувствием чего-то ужасного. После визита к безумному учителю, выйдя с территории клиники, Витя с Геннадием перешли канал и недалеко от перекрестка забрели в уютное кафе с тёплым ламповым освещением. Они пару минут постояли у витрины с выпечкой, ягодными тортами, всякого рода пирожными и сделали заказ.

– Мне кажется, это не справедливо, – произнёс Виктор, задумчиво разглядывая окрашенные в белый цвет стены из кирпича.

Геннадий заканчивая есть бисквитный торт, чавкал, облизывая пальцы.

– Почему у меня нет выбора? – продолжил он, сжал кулак и легонько постучал по деревянным доскам стола, – почему я должен быть администратором миров, может, я не хочу этого?

– А ты не хочешь? – спросил инженер, внимательно посмотрел на липкие руки и вытер их салфетками.

– Я не знаю..., – ответил Витя, пожав плечами, – а почему здесь нет посетителей? – он посмотрел через проход, ведущий в другой зал и оглядел разноцветные деревянные пустующие столики.

Гена с улыбкой развёл руками:

– Пока мы сюда шли, у всех возникли неотложные дела.

– Волшебник на голубом вертолёте, блин, – буркнул себе под нос Витя. Облокотился на стул, запрокинул голову и продолжил рассуждения вслух, – я ведь был счастлив в неведении... Теперь же оказывается, что это был фальшивый мир, неполноценный, ущербный, а что делать в настоящей реальности я и не знаю. Как здесь жить? – он открыл чехол, достал розовые очки. Повертел их в руках и, придерживая за дужки, надел, разглядывая тонкие паутинки, тянущиеся через помещение, и пульсирующую радугу от предметов.

– Ты хоть представляешь, что я чувствую? – он устало глянул на Геннадия не снимая очков, но тот молчал, – из дедушки сделали костюм, бездушную оболочку, а я сижу тут и попиваю кофе с воздушной белой пенкой, – он усмехнулся и приподнял белую чашку. – Нет, – помотал он головой, – это не я виноват в том, что происходит. Если бы, допустим, в игре интерфейс начал сыпаться, никто бы не винил одного локального бота.

– А ты бот? – сёрбая чай из кружки, спросил Гена.

Витя посмотрел в окно, разглядывая суетливых прохожих.

– Я точно не хуже и не лучше, чем они все, – кивнул он на улицу, грустно улыбнувшись. – Я такой же. – Выдержал паузу и добавил, – Если память о дедушке исчезнет совсем, наверное, Учитель перестанет порочить его имя и использо-

вать внешность. Ты можешь отправить меня в центр управления мирами?

Геннадий отрицательно помотал головой и ответил:

– Ты сам придёшь туда, куда ты идёшь. Я просто помогаю тебе освободиться от лишнего, чтобы быть наедине с самим собой. – он достал кнопочный телефон и добавил, – тебе бы поторопиться. Уже, пожалуй, половина мира исчезла.

Витя глянул в окно. Уличное освещение уже включили, люди спокойно идут по своим делам, совершенно не подозревая, что скоро всё перестанет существовать. Заслуживают ли они такой безвестной, внезапной гибели?

– Начнём. – сказал Виктор, закрывая глаза в ожидании резкого удара в лоб. Он услышал скрежетание деревянного стула о пол и подумал о новом знакомом, Иване, в коричневом пиджаке.

Не почувствовав никаких хлопков или ударов, Витя спросил «Гена, начинаем?», но не получил ответа. Открыл глаза и увидел, что всё так же сидит за деревянным дощатым столом, но уже не в кафе, а в огромной библиотеке с зелёной дорожкой, ведущей к исполинской металлической двери. Только он оглядел пространство, раздался механический женский голос:

– Добро пожаловать в хроники Виктора Лимова, пятьдесят девять, точка, двадцать один, точка, десять, точка, десять, точка, тысяча девятьсот девяносто, сценарий Д.

«Это мы уже слышали» – подумал он, встав из-за сто-

ла. Справа на торце стеллажа написана заглавная «Е», а слева «Ц». Соблазн закопаться в историях собственной жизни и трактовках значения слов был велик, но Витя спокойно пошел по зеленому ковру вперёд. Если Иван говорил, что как-то отловил сигналы, значит он может наблюдать за этим местом? А этот женский голос? Может быть, интерактив? Табличка с текстом о вводе пароля, стилус на месте, Витя оглядел дверь вширь и ввысь – полная рекурсия. Возле копии поменьше – миниатюрный белый квадратик и маленькая палочка. Он присел – в самой маленькой двери есть микро-дверь, точно такая же как те, что крупнее. Дальше глаз видит только точку, но скорее всего, они всё повторяются и повторяются... Он отошел подальше и, рассматривая диковинные символы по краям, крикнул в потолок:

– Девушка!

Нет ответа. Может быть, сразу давать какие-то команды?

– Связать меня с Иваном Кравцовым.

Тишина, никаких изменений. Так, надо понять в чём дело. В том, что с ней нельзя взаимодействовать или с тем, что запрос неверный. Надо придумать что-то простое.

– Кто я? – спросил Виктор, запрокинув голову и разглядывая позолоченные узоры на потолке.

– Никнейм отсутствует, – раздался женский голос, – не инициализированный администратор миров.

Ура! Реагирует-таки, шельма! Так... никнейм отсутствует. Значит ли это, что здесь нет имён, а только прозвища?

Как же говорил этот Иван... Перун? Не, вспомнил, не Перун он.

– Связать меня с Велесом, – крикнул Витя наверх, где по его мнению располагался голосовой помощник, и замер. Среагировала? Или опять мимо? На всё помещение раздался звук будто кто-то включил динамики и транслирует как набирает текст на клавиатуре.

– Иван? Иван, вы здесь? – спросил Витя, стараясь перекричать стук.

– Ааа, – рывкнул кто-то и звучно выдохнул, будто в микрофон, – Виктор?

– Да, это я! – он приоткрыл рот от удивления, что технология всё-таки сработала. – А где вы? – спросил Витя, озираясь по сторонам, он не мог определить источник звука.

– В Хрониках, работаю. – недовольно ответил Иван, – а ты что? Напугал меня.

– Извините, я не хотел, – ответил Витя и подошел к двери. Всё же приятнее понимать где находится твой собеседник, – давайте воспользуемся процедурой восстановления пароля, – оправдываясь, продолжил, – мой дедушка хотел сказать мне слово перед смертью, но не смог. А Учитель, который сосланец, который был дедушкой, не знает его, – пытаюсь уместить все детали в несколько фраз протараторил он, неуверенно спросив, – а я буду помнить дедулю?

Иван несколько секунд помолчал и ответил:

– Я не знаю. Удалить мир я могу без админа. Удалять?

Витя засомневался правильно ли он поступает, но потом вспомнил дедушку, безумно кружащегося по палате, вспомнил его на сцене во время кровавого семинара, и задал ещё вопрос:

– А Учитель перестанет выглядеть как дед?

– Слушай, – раздраженно ответил Иван, – либо удаляем, либо нет. Я в отличие от тебя, работаю, а не фигнёй страдаю. Не знаю я что будет, ни разу не удалял. Ну?

– Удаляем. – ответил Виктор, сцепив кулаки. В прошлые встречи мужчина был более приветлив. Если действительно придётся с ним работать, может быть непросто найти общий язык, ведь Вите важно понять все детали, изучить вопрос во всех подробностях, а только потом принимать окончательное решение.

– Ну, помнишь дедушку? – спросил Иван после минутной паузы.

«Деда» – с теплом подумал Виктор, перебрал все воспоминания и с детской радостью ответил:

– Ничего не изменилось, всё помню.

– Лад... – хотел что-то добавить Иван, но его голос прервался ритмичным треском. Сквозь шум Витя услышал за спиной детский смех и крик «не поймал!»». Он повернулся, увидел мальчика лет пяти-семи в вязаном полосатом свитере и синих брюках. Волосы взъерошены, а на одной щеке большая царапина. Он внимательно смотрит на Виктора, улыбаясь во весь рот. «Это... – я?» – изумлённо взгляделся

в лицо малыша Виктор, а мальчик снова кричит «Не поймаешь!» и убегает за один из стеллажей. Треск прекратился, Витя услышал короткие быстрые шаги и медленно пошел по зеленому ковролину до стеллажа с буквой «Т», за которым скрылся мальчишка. Глянул вдаль – никого. За спиной опять послышался детский смех, он резко повернулся – мальчик снова стоял сзади, хохоча и подзывая Виктора пальчиком. «Похоже на сюжет фильма ужасов» – подумал Витя, повернулся, спокойно двигаясь к мальчику. Тот подождал немного, а потом резко развернулся и побежал вдоль длинной книжной полки. Виктор ускорился, но увидел лишь стремительно скрывающиеся с противоположной стороны детские ноги.

– Я тебя поймаю! – крикнул он и сделал пару быстрых шагов к проходу между полками, где должен был появиться мальчик.

И снова сзади раздался детский смех. На этот раз Витя развернулся и сразу помчался за пацаном. Взрослые шаги шире, он почти коснулся плеча ребёнка, но побоявшись резко дёрнуть, в последний момент опустил руку. Мальчик быстро скрылся за дальней стороной стеллажей, а Витя, запыхавшись, уперся ладонями в колени. Да, запас энергии взрослого явно не сравнится с активностью ребёнка. «Не поймаешь!» – слышал он то с одной стороны, то с другой. В очередной раз, когда мальчик появился сзади, Витя из последних сил дёрнулся и побежал что было мочи. Почти срав-

нявшись с ребенком, улепётывающим вдоль фолиантов стеллажа «Г», он схватил его за пояс, поднял на руки, радостно воскликнув «Поймал!». Мальчишка улыбнулся, обнял его за шею, прошептал на ухо «Нарекаю тебя Тритон» и растворился, оставив озадаченного Виктора с округлыми руками, в которых мгновение назад был малыш. В ту же секунду с потолка посыпались искрящиеся блёстки, как мириады мелких звёздочек. Рядом с Витей из воздуха возникли хлопушки и взорвались разноцветным конфетти. Это торжество длилось несколько минут, после исчезло так же резко, как и возникло.

– От себя не убежать, – раздался механический женский голос. – Нулевой урок пройден. Подойдите, пожалуйста, к двери и укажите новый пароль.

После указания пароля, Витя оказался в неосязаемой, молочного цвета, дымке без запаха. Он не понял, попал в новое помещение или это библиотека заполнилась туманом. Звучков почти не было, только отдаленный гул, напоминающий завывание ветра. Стало жарко, лоб щеке капля пота и он смахнул её тыльной стороной ладони. До невозможного захотелось поскорее покинуть это дезориентирующее пространство и он, вытянув руки, чтоб ни во что не врезаться, пошел вперед.

– Законы общей жизнедеятельности, – раздался громкий бас, – едины для всех Миров, Пространств и Галактик.

Когда Витя остановился, голос замолчал. Он огляделся и продолжил идти.

– Каждый субъект действующей системы, – громыхнул снова бас, Витя замер. Тишина.

«Ага, – подумал Витя, – пока я иду, он говорит, – и сделал ещё пару шагов»

– Является создателем собственного мира. – продолжила речь.

«Наверное, это программа, о которой говорил Иван» – вспомнил Виктор и продолжил медленно идти. Голос продолжил рассказ в том же темпе, с которым Витя перемещался в молочном тумане. Медленно, растягивая каждое слово.

– Исключается вмешательство в естественное развитие мира – это первый закон. Нет единого верного пути – это второй закон. Баланс энергии в каждой Галактике должен быть нерушим – это третий закон.

Витя подготовился к длинному перечню, но после третьего пункта мужчина замолчал и вернулся механический женский голос с вопросом:

– Тритон, вы готовы пройти тест на знание законов общей жизнедеятельности?

Он хотел пошутить и спросить будут ли подсказки, но нестерпимое желание поскорее выбраться из тумана, заставило его просто ответить «Да». Пару минут была тишина. Витя прокручивал услышанные фразы в голове, стараясь успокоить внезапно нахлынувшее волнение. После паузы всё тот же женский голос начал задавать вопросы в форме теста. Сначала были простые – на повторение пройденного материала: что такое ЗОЖ, какой первый, второй и третий законы. Виктор заключил, что с ними он справился успешно потому, что молочный туман окрасился в слегка зеленоватый оттенок. Дальше начались задачи посложнее – ситуативные.

– Если на соседней с Землей планетой возникла новая разумная форма жизни, то что произойдет с уровнем энергии миров планеты Земля? – Спросил механический голос и предоставил варианты ответов: А – энергии станет больше, Б – энергии станет меньше, В – уровень энергии останется без изменений.

Боясь ответить неверно, Витя замолчал и девушка уточнила повторить ли вопрос. Он ответил отрицательно, пытаясь увязать услышанное с вопросом. Про энергию – это третий закон, Земля и соседняя планета очевидно находятся в одной Галактике... Он почесал затылок, ответив «Б». С облегчением отметил, что дымка стала более насыщенного зелёного цвета.

– Вы заметили, что один из миров близок к гибели, но знаете, что в другом похожем мире человечество решило проблему путём внедрения новых технологий. Ваши действия? – следующий вопрос с двумя вариантами: А – найти способ помочь, Б – ничего не делать.

«Блин, – подумал Витя, – это так тупо наблюдать как мир гибнет и ничего не сделать» и ответил тоже «А». Туман вокруг него сделался оранжевым, стал покалывать. Механический голос из пространства прокомментировал:

– Ответ неверный. Каждый субъект действующей системы является создателем собственного мира. Если человечество гибнет, значит создатель не желает бороться и решать проблему.

Витя задумался. Наверное, доля истины в этом есть. Если человек сам не хочет справляться с трудностями, то вряд ли ему поможет чья либо помощь со стороны.

– Ваш товарищ узнал об истинном устройстве Вселенной. Он просит вас передать записку в один из миров, ваши действия? – Витя забежал глазами по оранжевому туману,

вспомнив уговор с Геннадием. Откуда они знают об уговоре? Неужели каждое действие под наблюдением? Вариантов ответа тоже было два – передать и ничего не делать. В этот раз он ответил «Б», ведь «Исключается вмешательство в естественное развитие мира». Туман вновь сделался салатovým. Механическая леди задала ещё с десяток вопросов, заставивших Витю серьезно задуматься. Он бурчал под нос услышанные законы и раскручивал логические цепочки причинно-следственных связей прежде, чем дать ответ. Один раз пространство всё же окрасилось оранжевым, но потом уже становилось только всё зеленее и зеленее. Чем больше правильных ответов давал Витя, тем приятнее было находиться в тумане – он становился прохладнее и появилось устойчивое ощущение свежего воздуха.

– Последний вопрос, – произнесла механическая леди, – готовы ли вы вступить в должность администратора миров?

– А я могу потом уволиться? – не рассчитывая на ответ, спросил Витя.

– Если найдете замену, соответствующую 98% требуемых параметров, – вопреки ожиданиям ответила девушка, – вы можете покинуть должность.

Витя поколебался несколько минут, переминаясь с ноги на ногу, спросил о каких параметрах идёт речь, но услышал лишь повторение последнего вопроса. Стало страшно взваливать на себя ответственность за миллиарды жизней. Хотелось уединиться, подумать, принять какое-то взвешенное ре-

шение, но он вспомнил фото черной дыры вместо двадцати четырех миллионов людей в Австралии, исполинское дерево, разрушившее дом матери, Костины безумные глаза, когда Виктор сидел в темнице и последние слова, пусть не всегда любимой им, мамы. Неизвестно сколько времени он пробыл здесь. Может, когда процедура закончится, окажется что все миры уже рассыпались как карточный домик, оставив вместо себя только чёрную пустоту. «Помогу Ивану, – подумал он, – а потом найду себе замену» и ответил.

– Да, готов.

Туман растворился и он вновь увидел огромную металлическую рекурсивную дверь. На той, что в его рост, с треском закрутился круг в центре, раскрываясь будто объектив фотоаппарата. Не решаясь войти, Витя старался разглядеть, что внутри, но никаких силуэтов, очертаний или света не увидел. «Ладно» – собрался он с силами, сделав первый шаг в темноту.

Влево, вправо и прямо тянутся коридоры, настолько длинные, что сходятся в точку, а вдоль них устройства с мигающими разными цветами, лампочками. «Да это ж просто огромная ферма» – усмехнулся Витя, вспомнив прошлогодний ажиотаж вокруг криптовалюты. Он поднял голову, надеясь увидеть потолок, но этажерки с мигающими лампами тянулись так же далеко ввысь, как и в сторону, а вдоль коридора виднелось лазурное небо с белыми, быстро плывущими кучевыми облаками.

– Инициация завершена. Никнейм – Тритон. – вновь появилась механическая девушка. Добро пожаловать в Хроники Вечности.

Витя не стал отвечать на услышанное приветствие и задумался как найти в этом бесконечном пространстве Ивана. Что он там говорил? Собрать логи об ошибках и передать ему? Разве не должна быть какая-то инструкция для администратора или правила поведения в этих Хрониках?

– Эй, девушка, – крикнул он, забыв, что на такие команды голосовой помощник не реагирует. Он воспринимал механическую леди как живую, не хотелось осознавать, что ты совершенно один в этом бесконечном незнакомом пространстве.

– Где мой рабочий стол? – спросил Витя и ту же секунду перед ним возник шупленький, но широкий коричневый письменный стол с ноутбуком. Перед столом было балконное окно, за которым виднеется жилой дом. Он оглянулся – дверь исчезла, вместо неё теперь за ним были такие же бесконечные коридоры с мерцающими аппаратами. А кресло-то! В точности такое же, как в его квартире было! Кажется, стол немного другой и ноутбук серый, а не черный. Но рабочее место очень похоже на домашнее. Вот так, пара предметов способна заставить тебя испытывать смешанные чувства. Родная обстановка в неизвестном месте.

– Я смоделировала более привычную вам окружающую обстановку, – прокомментировала невидимая девушка, – но

ограничения вашего мира могут снизить эффективность работы.

– Связать меня с Велесом, – сказал Витя, осваиваясь на своём новом рабочем месте.

– Велес не найден, – ответила голосовая помощница.

– Это как? – не понял Витя и зачем-то повторил, – Связать меня с Велесом, – но, получив тот же ответ, решил пообщаться с девушкой на отвлеченные темы, а с Иваном попробовать связаться позже.

– Ты кто? – спросил он.

– Голосовой помощник, модель два миллиона тридцать пять.

– Общая сводка состояния миров.

– Три миллиарда двести тысяч четыреста сорок восемь миров прекратят существование через четырнадцать тысяч четыреста секунд. Пять миллиардов сто тысяч девятьсот восемьдесят четыре мира прекратят существование через один миллион двести девять тысяч шестьсот секунд. Семь миллиардов... – механически отрапортовала она, обозначив ещё несколько немислимо огромных величин по разным параметрам. Витя прикинул, что на текущий момент есть около двухсот миллиардов миров. Это что, он за всеми должен следить? Сотня миров – уже много, а тут даже не миллионы, а миллиарды! Срочно нужен Иван, чтоб всё объяснить. Или...

– Предоставь логи об ошибках для миров, у которых осталось меньше всего времени до прекращения существова-

ния, – обратился он к помощнице.

– Вывести информацию в пространство или на экран? – уточнила она.

Витя пожал плечами и ответил:

– Ну, давай в пространство.

Вокруг него появились миллиарды нитей от желтого до насыщенно-красного цвета и оплели его вокруг, на расстоянии вытянутой руки, образовав плотный непроницаемый цилиндр, уходящий светящимися стенками в высоту. Яр-ко мерцающие дорожки стремительно кружились, отчего Вите стало дурно и он глянул вверх, где остался кусочек неподвижного голубого неба. Подавляя рвотный рефлекс, он уточнил у девушки:

– Это что?

– Логи об ошибках. – ответила она, – вы можете группировать их, отправлять, изучать подробнее, удалять, сохранять.

– Отправить Велесу, – ощущая неприятный привкус во рту, сдавленно ответил он.

Нити расплелись и плотным потоком, как огромная радужная змея, устремились в глубину коридора, по мере удаления уменьшаясь в размерах.

Судя по внутренним ощущениям Виктора, Иван появился через пару часов. Неизвестно, конечно, сколько времени прошло на самом деле. Витя был занят интересным делом и не замечал пролетающих мгновений. Не очень надеясь найти Велеса, он попытался выбраться из Хроник, но на все команды вроде «выйти», «выход», «разлогиниться», механическая девушка отвечала одним словом «отказано» и отмалчивалась на вопрос о причинах. «Черт побери эту голосовую помощницу, – думал Витя, – работает, как хочет». Чтобы скоротать время в ожидании того-непонятно-чего, он пошел по одному из длинных коридоров вдоль равнодушно мигающих лампочек. Не исключено, что бесконечность помещения – иллюзия, обман зрения, созданный системой. Но сколько бы Витя не продвигался вперёд, коридор всё так же сходил в точку вдалеке. Пусть механическая леди и не выпустила его, но зато помогла скоротать время, внезапно предложив:

– Желаете вручную настроить интерфейс?

Виктор пожал плечами, не понимая, что именно ему придётся настраивать, но ответил «Да». В тот же миг перед ним в воздухе появилась слегка просвечивающаяся голограмма. В большом квадрате, обведённом светящейся зелёной рамкой, схематичное изображение того самого помещения с бесконечными коридорами, в котором он находился, а чуть выше,

в узком прямоугольнике плавнодвигающиеся облака на фоне голубого неба. Справа виднелись фрагменты других изображений. Витя занёс палец, чтобы раскрыть и посмотреть их, но девушка спросила:

– Развернуть настройки на триста шестьдесят градусов?

– Да, – неуверенно, с вопросительной интонацией ответил он.

Квадрат тут же преобразовался в невысокий цилиндр вокруг него, где появились другие картинки в раскрытом виде.

– Хм, – в голос произнёс Витя, почесывая бороду, и кликнул на одно из изображений, где увидел огромную библиотеку с толстыми фолиантами на полках. В ту же секунду в пространстве пронеслась волна с ярко-голубым контуром, после которой вместо неживых мигающих лампочек и электроники, появились живые, пропитанные древностью, книги на устремившихся в синее небо, полках. Витя воспринял изменение интерфейса как увлекательную игру – поочередно клал то на один внешний вид, то на другой. Он побывал в темной пещере с факелами и аккуратно разложенными в каменных нишах свитками, в древнем зале с колоннами и настенными фресками, увидел ночное небо с миллиардами звёзд и чудовищно огромные коконы с какой-то жидкостью внутри. Включал северное сияние, закат, рассвет, небо с разной формой облаков, даже менял помещение на нескончаемый лес с исполинскими деревьями, похожими на то, что разрушило дом его матери. При изменении внешнего вида, меня-

лась не только картинка, но и запахи, температура воздуха, звуки. От ярко-голубой полосы волны, обновляющей интерфейс, заболели глаза. Витя выбрал картинку с библиотекой, изменил лазурное небо на ночное и устало сказал «всё, надоело». Голосовая помощница верно трактовала его слова и цилиндр с вариантами внешнего вида помещения растворился за долю секунды. Он вернулся к письменному столу и хотел было изменить его внешний облик, чтобы соответствовал новому окружению, но потом махнул рукой, расслабившись в кресле. Ноги гудели от длительной прогулки, он откинулся назад, разглядывая легонько мерцающие звёзды в поисках созвездия Большой Медведицы.

– Велес запрашивает разрешение на коммуникацию, – внезапно произнесла девушка.

– Разрешаю, – настороженно, но с облегчением ответил Витя, озираясь по сторонам. В реальном мире они общались через телевизор, а тут как?

Пока он глядел вперёд и по сторонам, его похлопали по плечу сзади. От неожиданности Витя вскочил и развернулся. Перед ним стоял невысокий мужчина в коричневом пиджаке и светлых джинсах. Он добродушно рассмеялся и протянул руку:

– Велес. Приятно познакомиться. А ты, стало быть, теперь Тритон?

Витя неловко улыбнулся, почесал затылок и ответил на приветствие:

– Стало быть, да.

Велес осмотрел помещение и поднял голову, вглядываясь в звёздное небо.

– Когда я начинал, установил пещеры, – произнёс мужчина, – видел в списке?

Витя кивнул, а потом попросил провести ликбез по Хроникам Вечности. Иван глянул в сторону и произнёс:

– Вывести в пространство памятку администратора в текстовом формате. – В его руках появилась пара листов А4. Он мельком глянул их, протянул Виктору и добавил, – до тебя админом было живое дерево, не разговаривающее на человеческом языке. Тебе повезло, что мы похожи.

Небольшая инструкция поясняла значение основных аббревиатур и кратко описывала устройство Центра Управления Мирами. Витя остановил взгляд на блоке с командами и Велес объяснил, что это для работы через терминал, но в общем-то все задачи можно выполнять с голосовым помощником или даже с помощью мысли, однако этому ещё научиться нужно. Иван сказал, что памятка переместится вместе с Виктором в его мир, так что можно будет изучить её внимательно позже. Потом он особенно остановился на работе над ошибками и рассказал, что можно выводить логи не кружащимся потоком разноцветных нитей, а линейно в форме текста. Строк будет много, но нужно создать группы по разным показателям и только тогда отправлять ему в работу. Например, деление по цветам – это критичность ошибки. Желтые

не влияют на жизнедеятельность мира, лишь немного мешают владельцам развивать его в соответствии со своими убеждениями, красный – нечто, противоречащее основным принципам ЗОЖ, например, перемещение какого-то предмета из одного мира в другой. После группировки по цвету, стоит разделить их по длине – тут всё просто, чем длиннее ошибка – тем дольше она в мире, а значит успела нанести больше ущерба. Для каждой группы есть свой набор команд, которые Велес запускает и после исправления ошибок, отправляет миры на внеплановую пересборку. С первым блоком они кое-как справились, теперь Виктору необходимо обработать ошибки для следующей порции миров на обратном отсчете.

– А как выйти отсюда? – спросил Витя, – Я говорил «Выход», но эта дама, – он кивнул вверх, – говорила, что отказано.

– А, – махнул рукой Иван, – это просто внештатная ситуация, твой мир пересобирается. Уже всё в норме, можешь идти. Так и говори, она табличку даст, пароль напишешь и вернешься в реальность.

– А как мне... – неуверенно уточнил Виктор, – найти нового админа?

– В смысле? – вскинулся Иван, глядя на него как на врага, – никакого нового админа!

Сцепив зубы, Витя промолчал.

– А ты что? – Недоумевающе развел руками Велес и добавил, – если ты из-за ошибок переживаешь, так не парься,

изучишь правила и вольёшься потихоньку, это не сложно.

– Нет, не в том дело. – Скривился Виктор. – Не гожусь я для такой работы, не справлюсь, а цена ошибки огромная. – Продолжил он после паузы.

Иван отвернулся, не комментируя ответ, походил взад-вперёд, исподлобья поглядывая на Витю, опустившего глаза в пол. Судя по всему, такой вариант в его планы не входил. Ну а что поделатъ? Лучше найти более подходящего человека или существо, чем рисковать миллиардами миров.

– Это невозможно, – остановился и сказал Велес, потирая глаза.

– Но когда я проходил ЗОЖ, сказали, что возможно! – в сердцах крикнул Витя.

Иван улыбнулся, сделав длинный выдох:

– Значит ты до сих пор не понимаешь насколько уникален.

Больше ни на какие вопросы он не ответил, сославшись на то, что ему пора идти, но не сказал куда. Витя пожал Ивану руку и остался в пустынной библиотеке в полном одиночестве и тишине. Он ещё раз мельком просмотрел текст и произнёс «Выход». Возник белый планшет под углом сорок пять градусов, зависший на уровне груди. Справа будто на магните прикреплен стилус, а внутри два прямоугольника пунктиром.

– Для выхода в персональный мир, введите никнейм и пароль, – бездушно произнесла девушка.

Разборчивыми печатными буквами Витя написал «Три-

тон», указал пароль и прикрыл веки.

Голова откинулась назад от резкого удара по лбу. Витя открыл глаза. Над ним склонился Геннадий, разглядывая свою ладонь и снова занёс её над Витиной головой.

– Эй! – крикнул Виктор, – Ты чего?! – он отклонился влево, избегая удара.

Инженер ничего не ответил. Звучно выдохнул, надувая щёки, и иступлённо присел на своё место, всё так же глядя на руку. Потом поджал губы и посмотрел на Витю:

– Я не понял. – Он насупил брови, неестественно вращая глазами, – Я не понял. – Повторил Гена, громко хлопнул в ладоши, а потом резко вскочил и крикнул на всё помещение:

– Ты что натворил? – почему-то он начала шепелявить. Слюна разлеталась во все стороны, – Что ты сделал? – он ссутулил плечи, сжал кулаки глядя с ненавистью.

Витя быстро поднялся, попятился, зацепив стол, с которого упали и плавно приземлились на пол два альбомных листка. Он с удивлением переводил взгляд то на яростно настроенного Гену, то на упавшие бумаги и резко подавшись вперёд попытался схватить листки с памяткой из Хроник, только инженер оказался быстрее.

– Отдай! – крикнул Витя, но Гена уже ломанулся к выходу, оставив куртку на вешалке. Он с грохотом распахнул дверь на улицу и стремительно рванул по пешеходной дорожке вдоль домов. Виктор дернулся за ним, зацепился о

стул и впечатался в резко захлопывающуюся дверь на пружине, из-за чего Геннадий вырвался вперёд метров на пять. Витя не уступал инженеру в скорости, но расстояние между ними постепенно увеличивалось. Инженер резко свернул в арку. Когда Витя забежал во двор, его уже нигде не было. Он разочарованно постоял, оглядывая подъездные окна в надежде увидеть хоть какое-то движение, но с досадой пришлось признать, что Витя критично недооценил физическую подготовку щуплого инженера.

Витя ощупал карманы в поисках денег. Нашёл пятьдесят рублей бумажкой, тридцать мелочью. Чтобы хватило на электричку до дома матери, на вокзал придётся идти пешком. Он с ужасом представил что родные вернулись и обнаружили разрушенный дом. Как им объяснить происходящее? Телефон покоится в развалинах, а номер матери наизусть не помнит, придётся терпеть и надеяться, что когда доберется до станции, поезда ещё будут ходить. Несмотря на игру музыкантов, шум машин и разговоры людей, этот город пронизывала тишина – настолько Витя погрузился в собственные мысли. Он миновал два моста через реку, которая делит город на две части. Если правильно помнит, то через ещё один мост уже будет вокзал. Ветер пронизывал насквозь, Витя старался идти быстрее, чтобы хоть как-то согреться. Он сочувственно оглядывал атлантов, водрузивших на свои плечи балконы. Годами, десятилетиями и, может быть, даже веками приходится им выполнять одну и ту же работу. Но с другой стороны, чем бы ещё могли бы заняться эти каменные глыбы, будь они свободны?

Мост слегка шатается от потока машин, снующих туда-обратно. Всегда страшновато идти по разводным массивным сооружениям. Если едешь в транспорте – иное дело, вжих и ты на другой стороне, но пешком... Ты видишь все ли-

нии соединения, ступнями чувствуешь как шевелится конструкция, будто делает вдох-выдох, а потом нервно трясётся, поняв, что пришло время пропустить крупногабаритные корабли. Ветер, будто проходил сквозь Витю, замораживая даже руки в карманах. Лучше не мешкать, не озираться по сторонам, а поспешить на вокзал. Если он правильно оценил время, должно быть около десяти, а значит скоро будет невозможно добраться до матери. Где ночевать если дом разрушен, а родных так и нет? Никаких планов. Для начала надо разобраться с настоящим. Попросится к соседке, в конце концов. Тётя Валя добродушная, сопереживающая женщина.

К счастью, до последнего поезда оставалось ещё тридцать минут и Витя расположился на удобных стульях в зале ожидания. Парочка полицейских вальяжно бродила по помещению, внимательно оглядывая каждого путешественника. Все вели себя тихо, старались отгородиться от навязанного обстоятельствами общества и сесть так, чтобы вокруг было как можно больше пространства и меньше людей. Кто-то жевал бургер, кто-то читал книгу, но большинство уткнулись в смартфоны, изучая виртуальный мир или играя в примитивную игру. Витя сделал бы также, будь у него телефон. Но сейчас, вынужденно обратив внимание на людей вокруг, он понял насколько же каждый из них одинок. Они прячутся каждый в свою пещеру, робко поглядывая на реальный мир как бы одним глазком. А увидев нечто непривычное, отво-

дят взгляд, смотрят в пол и ждут пока это самое непривычное пройдёт само по себе или кто-то другой устранил случившийся перекося. «Это твой мир» – вспомнил он слова то ли Гены, то ли Ивана и усмехнулся. Скорее всего, Вселенная ошиблась в выборе администратора, ведь он точно такой же как эти, запуганные реальностью, люди. Но всё, чего он всей душой хочет, это вернуть мир в исходное состояние. Витя опёрся на колени локтями, твердый предмет во внутреннем кармане сдвинулся, надавив в грудь. Он выпрямился, достал чехол с розовыми очками. Совсем забыл про них! «Всё состоит из энергии» – подумал и надел очки, придерживая за дужки. Никакого радужного свечения от предметов и никакой энергетической шерсти вокруг людей. Всё, нет энергии? Никто ни с кем не связан? Вряд ли. Наверное, очки просто поломались. Может, теперь надо не розовые стёкла, а жёлтые, например. Или зелёные. Он представил мир в другом цвете и улыбнулся. Вернул чехол с очками во внутренний карман, оглядел томящихся в ожидании чего-то людей и пошел на перрон.

Виктор ехал, глядя в окно на мерцающие огни уличных фонарей и думал, нужна ли ему вообще украденная Геннадием памятка администратора. Зачем она если всё встанет на свои места, я найду замену и уйду? Но потом одёрнул себя от эгоистичных мыслей – надо сделать минимум, обработать ошибки для других миров. А то нехорошо получается – свой мир починил и слинял. А там, может быть, когда выпол-

нит задачи и замена найдётся... Витя выскочил на станции, укутываясь в капюшон и пряча голову поглубже в воротник. Засунул руки в карманы и пошел знакомой дорогой не глядя по сторонам. Он чувствовал себя маленьким мальчиком, ожидающим подарок на Новый Год – с замиранием сердца миновал один дом, другой. Уже издалека заметил, что никакого исполинского дерева нет. Витя ускорился, перешел на бег. Маленький кирпичный домик, яблонька во дворе, калитка с потрескавшейся краской – всё на месте, как и было раньше. Даже неубранные яблоки валяются. В окнах горит свет. Свет! Он дернул за веревочку, крича «Ма!», подбежал к порогу не захлопнув ворота и принялся громко стучать в дверь. «Бабуля! Мама!» – услышал шарканье с той стороны и замер в ожидании, тяжело дыша. Дверь открылась, на пороге возникла темноволосая женщина с мелкими морщинками вокруг глаз и на лбу. Она глянула и резко захлопнула дверь, стремительно закрывая замок.

– Извините, нам ничего не нужно! – испуганно крикнула она.

– Где моя мама? Где бабушка? – спросил он, продолжая стучать в дверь, – они живут здесь! Вы кто?

– Мам? – позвала женщина. С той стороны слышались медленные тяжёлые шаги и старушечье ворчание. Они о чем-то перешептывались, но Витя не мог разобрать слова.

– Молодой человек, – проскрипела пожилая женщина, – что вам нужно?

– Здесь живут мои мама и бабушка, – сдерживая высказывающееся из груди сердце, уже более спокойно ответил он. – Валентина Степановна и Елена Андреевна Лимовы.

– Я Валентина Степановна Лимова, а Елены Андреевны нет такой, дочь моя Елена, но Владимировна, тоже Лимова, – не открывая дверь ответила старушка.

– Там должны быть мои вещи, – вспомнил он. Если дом в целости, может и вещи сохранились.

– Мы вызываем полицию! – Истерично воскликнула женщина помоложе, – Вы только что подтвердили, что незаконно проникли в наш дом!

– Тише, Лена, – одёрнула её старушка, – Может молодой человек просто город перепутал. Ты что, фильм не смотрела? Бывает такое. – И обратившись к Виктору, спросила, – какие вещи?

Он, поджав губы, выдохнул и, стараясь сдержать всхлипы и нахлынувшие слёзы разочарования, сдавленным голосом просипел:

– Наверное, телефон, с треснувшим экраном. – перебрал воспоминания, – рюкзак точно. С документами, – прикусил губу, – и стопка бумажек возле телевизора. Вроде всё. – а пока не получил ответа, спросил, – Елена Владимировна, а у вас сын есть? – Витя начал понимать, что мир исправился, но совершенно не так, как он ожидал.

– Не твоё собачье дело! – рявкнула она в ответ.

– Лена! – Одёрнула её Валентина Степановна и ответи-

ла, – есть и скоро приедет, так что вам, молодой человек, лучше не задерживаться.

Витя встал вплотную к двери, нервно откусывая кусочки кожи возле ногтей, и прислонил ухо к деревянной поверхности. Судя по всему, женщина помоложе пошла в комнату. Он глянул в окно – ничего не видно через кухню. «Интересно, а я смог бы открыть замок?» – подумал он, вспомнив, что его ключ от дома лежал в рюкзаке.

– Отойдите от двери за калитку, – спокойно сказал пожилая женщина. Витя пытался было сказать, что не причинит им вреда, но поставив себя на их место понял, что у женщин есть все основания его бояться. Женщина помоложе стояла у кухонного окна и наблюдала. Как только он вышел за калитку, дверь открылась. Витя не удержался, резко подался к дому но не успел – она громко захлопнулась и лязгнул замок. На пороге лежала стопка листов А4, черный рюкзак и разряженный мобильный. Он собрал бумаги и положил в большое отделение, где осталась папка с документами. В портмоне три тысячи рублей, банковские карточки, пара визиток – всё, как было. К счастью, зарядка на смартфон тоже была в рюкзаке, а вот ключей от дома не было, зато были от квартиры. Он натянул рюкзак на плечи и замер на пороге в раздумьях.

– Валентина Степановна, – крикнул он, – а как зовут вашего внука?

– Извините, молодой человек, слишком много вопросов, –

наравоучительным тоном ответила она, – мы пошли вам навстречу, так что, пожалуйста, уходите.

«Узнаю свою бабулю. – С сожалением подумал Витя, – Будет вежливой даже с подозрительным незнакомцем». Он немного потоптался на пороге и вышел за калитку. Зайти к тёте Вале? Может, она узнает? Нет. Теперь, судя по всему, это не его семья, не его дом и, чего уж там, не его реальность. Ни к чему пугать ещё и соседку. Он отошел на несколько метров, остановился глядя то в одну сторону, то в другую. Электрички не ходят. Денег на посуточное жильё не хватит. Первым делом нужно что? Зарядить телефон и позвонить Косте. «Блин!» – со злостью произнёс Витя махнув руками и решил пойти на уже спасавшую его один раз, заправку. Там хотя бы тепло, электричество есть, а сотню рублей на кофе можно выделить.

Зрение привыкло к темноте. Он неторопливо продвигался по дороге, с легкостью различая где лужи или грязь. Не хотелось окончательно измазать единственный комплект одежды. «А вот одеваться нужно было теплее» – с досадой думал Витя, размеренно шагая и пытаясь согреть руки паром изо рта. По освещенной яркими фонарями трассе стремительно проносились машины. Он приближался к заправке и, матерно ругаясь про себя, прокручивал причины возникшей ситуации. Вот что значит уничтожить чей-то мир. У бабушки и дедушки родилась мама, у мамы – Витя. Иван мир деда удалил и стер всю информацию о нём во всех мирах. Теперь

дедуля живёт только в его памяти. А если деда не было, значит бабуля родила ребенка от другого. Оттого и отчество у её дочери другое и выглядит женщина иначе, не так как его мать. Не ясно тогда несколько моментов. И самый важный из них – кто же теперь он сам? Витя взял кофе, попросил закинуть телефон на зарядку, и, достав папку с документами, внимательно изучил бумаги. Всё так же, как было – Виктор Лимов, десятого октября девяностого года рождения, родители – Елена и Павел Лимовы. Дарственная от бабули на квартиру на месте, а вот доверенности на квартиру на имя Оксаны нет. Хотя, он её не видел, может такой бумаги и не было? Наконец-то включился изголодавшийся по питанию телефон. Витя набрал Костю.

– Алё, – раздался знакомый голос.

– Костя! Ты как? Всё в порядке? – радостно воскликнул Виктор, услышав знакомый голос.

– Да, – настороженно ответил тот, – а вы кто?

– Витя, – напрягся Виктор, – Лимов.

– Кто? Вы ошиблись номером. – ответил Костя и сбросил.

«Да блин, – усмехнулся Витя, вызывая такси с заправки на Соболева 14, – все дороги ведут к Геннадию». Машина приехала через пятнадцать минут и он, попрощавшись с доброжелательным продавцом, поехал к сумасшедшему инженеру. Не в лучших отношениях они, конечно, расстались, но, может быть, тот выслушает и пустит в свою душную прокуренную каморку переночевать. Отдав больше тысячи рублей из имеющихся, Витя вышел из такси. Красное трёхэтажное здание с темными окнами смотрелось зловеще, рядом не было ни единого фонаря. Витя поднялся по уже знакомым ступенькам к парадному входу, дернул дверь за ручку, но она оказалась заперта. Может быть крикнуть Гене чтобы открыл дверь? Виктор обошел здание и с трудом нашёл маленькие окошки под самой крышей, которые видел только изнутри. С улицы, снизу они казались ещё меньше, будто узкие щели. Все были закрыты, никаких теней или света за ними рассмотреть не удалось. Он нашёл камушек и попробовал докинуть до окошка, но после трех неудачных попыток, одна из которых увенчалась броском в стекло на нижнем этаже, решил не рисковать. Витя чертыхнулся, коря себя за неудачную идею ехать на такси в город. Представил как вместо того, чтобы кружить вокруг здания и бросать камни в окна, сидел бы в тепле зала ожидания вокзала. Покемарил бы, вы-

пил кофе, к тому же потратил бы намного меньше. Он достал стопку листов из рюкзака, положил на ступени, сел на них и принялся ждать. Чего – непонятно. Наверное, пока всё само собой уладится.

Потирая руки друг о друга, он заметил шатающийся из стороны в сторону худощавый силуэт. Мужчина двигался от одного бордюра к другому, махал руками и громко восклицал, будто что-то кому-то доказывая. Витя вскочил, вглядываясь внимательнее. Ну вот, дождался. В серой куртке нараспашку подошел Геннадий и, поднявшись по ступеням, ткнул в плечо Виктору пальцем:

– Ты, – пошатываясь сказал он, – мне всё поломал. – подошел к двери и упёрся в неё лбом, ощупывая карманы.

Витя собрал листы и быстро сунул в рюкзак.

– Гена, ты пьян, – заключил он, придерживая инженера, чтоб тот не рухнул назад.

– Я? – спросил Геннадий, повернулся к Виктору лицом и громко ударившись спиной, сполз по двери на корточки, – Я. – утвердительно сказал он, закрывая глаза ладонями, – Пьян.

– Давай ключи, я открою.

Геннадий глянул на Витю, рассмеялся, вжал голову в плечи и пьяным голосом повторил:

– Ты мне всё поломал. – Вскочил и с выражением лица, будто совершил великое открытие, сказал, – Но ты всё ещё мне должен! – Гена расплылся в хитрой улыбке, эмоцио-

нально погрозил указательным пальцем, потом икнул и снова развернулся к двери. Похлопывания по карманам штанов, дали плоды и инженер нашел ключи. Не попав несколько раз в замочную скважину, протянул большую связку Вите с объяснением «ничерта не видно».

В вестибюле было темно, Витя включил фонарик на телефоне и, придерживая Геннадия под локоть, повёл его к лестнице. Пару раз инженер упал, споткнувшись о ступени, но благодаря Виктору не покатился кубарем вниз. Возле металлической двери, Гена перестал издавать какие-либо звуки и отвечать на вопросы. Пришлось перебрать десятка полтора ключей, чтоб открыть все пять замков. Беспощадно наступая на платы, микросхемы и какие-то доски на полу Геннадий, ударившись о кинескоп старого телевизора, рухнул на диван лицом вниз. Витя огляделся, нашел выключатель и включил свет. На столе валялись пустые бутылки из-под крепкого спиртного, там же гора недокуренных сигарет, которые Гена, судя по черным пятнам на крышке и ножках, тушил прямо о своё рабочее место. Похоже, только чудом не случился пожар. На стеллажах меньше хлама, половина вещей разбросана на полу и несколько полок изменили свое положение с горизонтального на вид нисходящего графика. Виктор открыл половину окошек, забравшись на табурет, нашел пакет с деревяшками разного размера и непонятного назначения, вынул их, чтобы сгрести в кулёк мусор со стола. В углу за парой полупустых бутылок лежали несильно скомканные

бумажки. Он аккуратно, стараясь не создавать шума, развернул их и улыбнулся. Вот и украденные Геннадием подсказки для администратора миров. Выровнял листы, прогладив рукой, сложил вчетверо и засунул в карман джинсов – позже изучит подробнее.

От лязганья бутылок в пакете, инженер проснулся. Он перевернулся на спину и медленно, аккуратно сел, поглаживая голову и потирая глаза. Витя неловко помахал рукой, налил в пластиковый стаканчик воды из электрического чайника и протянул Гене. Тот надул щёки, будто его сейчас стошнит, громко сглотнул, выдохнул ртом. А затем, буркнув «спасибо», двумя глотками опустошил стакан.

– Ещё? – заботливо спросил Виктор.

Инженер не отреагировал, встал и подошел к столу. Витя напрягся – небось он ищет украденные листы. Сейчас заметит, что их нет и снова станет невменяемым. Но Гена осмотрел поверхность, провёл по ней рукой, будто смахивая пыль, и сказал с непонятной интонацией:

– Забрал?

Обмануть или сказать правду? Пока Витя решал, инженер добавил:

– Хорошо, что забрал. – он налил себе ещё воды, – все мы люди, – почесал щёку, – и не всегда реагируем разумно. Но меня можно понять! – оправдываясь он развёл руками, – я больше двадцати лет учился с энергией работать, видеть потоки, а ты бах! – Гена сделал взрыв руками, а затем схватил-

ся за голову, выдержав небольшую паузу – и всё поломал. А что теперь? – он пнул гору плат, судя по всему, скинутых с одной из полок, – опять только техникой заниматься?

Витя вздохнул поджав губы. Не одному Геннадию он что-то поломал. У него, например, теперь нет ни родителей, ни друзей, ни бабушки с дедулей. И даже неясно как он вообще существует в таком случае. И лучший друг, судя по всему, теперь совсем не друг...

– Ладно, – продолжил Гена, опустошая третий стакан воды. – Записка и номер мира у тебя?

Да, он нашел слегка мятые небольшие листки бумаги в одном из небольших карманов рюкзака когда проводил ревизию содержимого. Витя кивнул.

– Значит выполняй уговор, – Гена презрительно посмотрел на него, – я свою часть выполнил. – он сплюнул на пол, – даже двадцать лет трудов отправил в топку.

– Но... – начал было Витя, вспомнив один из вопросов при прохождении теста, но глядя на полное ненависти и гнева выражение лица инженера, решил не усугублять, – я постараюсь.

– Расскажи хоть что ты вообще сделал? Будешь платить за мои лишения информацией об устройстве миров.

– А можно переночевать тут? Я давно не спал, мне бы отдохнуть. – Удрученно ответил Витя, понимая, что уже еле стоит на ногах и даже в положении стоя голова то и дело резко сваливается на грудь.

– Спи. – После краткого анализа состояния Виктора ответил Гена, махнув головой на диван, сел за стол и, опустив голову на руки, тут же издал несколько гулких храпов.

Витя кинул рюкзак под подушку, лёг на бок, положив одну руку под низ, чтоб почувствовать если инженер вдруг захочет отобрать у него что-то. Мышцы расслабились моментально, несмотря на впивающиеся в спину пружины и проваливающийся зад. Слабость была настолько велика, что как только он принял горизонтальное положение и закрыл глаза, ощутил как стремительно проваливается в непроглядную бездну сна. Никаких звёздочек, тумана или дымки, только темная пустота.

Пружины безжалостно впивались в разные части тела, Витя беспокойно ворочался, дергал руками, ногами, вертел головой. Кошмарные сновидения не давали покоя. Он видел себя маленького, стоящего на одном на месте, а вокруг него, ехидно посмеиваясь, кружат люди. Сначала дети, потом они становятся взрослыми, а Витя остаётся мальчиком. Они кричат обидные слова, оскорбляют. Он понимает, что вокруг все, с кем он когда-либо общался, дружил, кого любил. Мама сильно толкает его, из-за чего он отлетает к противоположной стороне плотного круга из людей. Она брызжет слюной и кричит:

– Лучше бы я сделала аборт!

Несколько пар рук касаются его, а потом резко одновременно толкают. Витя спотыкается, падает, оборачивается и

видит среди них отца:

– Ничего у тебя не получится. – уверенным голосом говорит он.

Маленького Витю кто-то поднимает, он с надеждой хватается за руки, но когда встаёт, его снова сильно толкают, поцарапав ногтями:

– Ты ненормальный, – со злобной ухмылкой говорит Оксана.

Он видит одноклассников, одноклассников, девушек, которые ему нравились, учителей и преподавателей, коллег с работы и даже бабушку, нет только дедушки да Кости. Он падает, плачет, старается утереть слёзы, но они поднимают его, снова и снова толкают, он бьется коленями, локтями, даже пару раз головой о серый пол.

Люди не замолкают: ты не сможешь; у тебя нет талантов; никто тебя не любит; ты сопьёшься; ты никому не нужен; даже Сережа из неблагополучной семьи лучше тебя; бестолочь, дурак; тебя никто не спрашивает; нечем тебе гордиться; ты должен делать как скажут; у тебя нет личного мнения; видеть тебя не хочу; надо отдать тебя в приют пока ты маленький; – одновременно говорят они, но Витя слышит всё. Каждое слово впивается в сознание. Он может разобрать каждую фразу от каждого человека. Потом в очередной раз спотыкается и растягивается на полу, но больше не плачет. Витя больше не позволит, чтобы его толкали. Сжимает зубы, крепко упирается головой в колени, закрывает её руками, при-

жимает ноги как можно крепче к тазу, чтобы его не смогли разжать. Ему страшно. Он испуганно всхлипывает и кричит «Нет! Нет! Нет!». Его голос всё громче, взрослее, увереннее. Витя не отпускает руки, на которые приходится большинство ушибов. Он представляет себя большим, нет, огромным камнем, который невозможно пнуть не ударившись об него. Голоса понемногу отдаляются, но он не поднимает голову. Он – скала. Витя старается не потерять отвоёванное достижение, и во весь голос кричит «Прочь! Все прочь!».

Кто-то хлопает его по плечу, но он не поднимает головы.
– Эй, – слышит он усталый голос Геннадия, – не ори.

Памятка администратора миров

ЦУМ12 – центр управления мирами, 12 Галактика. Самодостаточная распределенная в пространстве вселенной система для поддержания жизнеспособности действующей структуры взаимодействия миров. Включает в себя обзорные площадки, базу данных и панель управления, сопутствующие механизмы для автоматического строительства и ремонта межпространственных помещений.

МИР12 – модифицирование исходной реальности. Программное обеспечение для автоматизации создания и управления мирами. Возможно три режима работы – голосовое управление, управление мыслью и через интерфейс командной строки.

ЗОЖ – законы общей жизнедеятельности. Принципы, согласно которым должен действовать администратор при отсутствии конкретных инструкций. Являются едиными для каждой Галактики.

ПС – пункт связи с действующими ЦУМ других галактик.

ХВ – Хроники Вечности, действующая автоматически обновляемая база данных с консолью и панелью управления. Доступ для уровня «Администратор» на редактирование и для «Создатель» на просмотр.

Уровни доступа

Создатель – при получении сертификатов «Знаток Миров» и «Во благо Вселенной» имеет полный доступ к исходному коду МИР.

Администратор – при прохождении верификации имеет доступ к интерфейсу командной строки. Не имеет доступа к исходному коду МИР. Может использовать ограниченный набор команд. Подчиняется существу с уровнем доступа «Создатель».

Гость – имеет доступ только к обзорным площадкам.

Минимальный набор команд для изучения администратору МИР

START – Создать образ персональной реальности для новорожденного на основе базовой комплектации установленной для его рода, которая модифицируется в зависимости от дальнейшего развития его личности.

MERGE – Объединить персональные реальности одновременно рожденных. Конфликты решаются в пользу последователя более древнего рода.

PUSH – Загрузить отлаженную версию мира.

RUN – Запустить мир.

BACKUP – Создать точку восстановления.

RESET – Перезагрузить мир с точки восстановления.

PAUSE – Приостановить деятельность мира. Максимальное время паузы мира – 15 минут. Возможно один раз за 172 800 секунд.

MOVE – Переместить объект.

GET – Получить информацию об объекте.

GET.NEWBORN – Получить список новорожденных.

GET.GENERATION – Получить массив миров рода.

GET.ERRORS – Получить массив ошибок.

Принципы формирования и жизнедеятельности миров:

ID мира – дата рождения до секунд по общемировому летоисчислению.

Прим.1: в отдельно взятых мирах летоисчисление может отличаться от общемирового.

Прим.2: один мир на одну Галактику.

Персональный мир – мир, созданный вокруг новорожденных, в т.ч. не гуманоидных существей.

Базовый персональный мир формируется на основе последней точки восстановления мира его рода.

Все миры во всех Галактиках параллельны. В каждом ми-

ре в базовой конфигурации одинаковое количество существ, но при этом личность меняется только в персональном мире. В остальных мирах автоматически появляется его двойник-проекция, наследующая личность, но живущая по чужим законам. Изменение личности в мирах кроме персональных исключено.

Окружающие новорожденного существа – проекции из других миров.

Любой мир существует до того момента пока в той или иной форме существует собственник хотя бы в одном из миров. Прим.: воспоминания о собственнике эквивалентны его существованию.

В мире невозможно одновременное присутствие нескольких существ, родившихся в разное время.

Каждые сутки в 00:27 все миры модифицируются на основе изменений, произошедших в персональных мирах.

Закон сохранения энергии во Вселенной подразумевает равное количество созидательной и разрушительной энергии в каждой Галактике.

Закон сохранения энергии в конкретном мире подчиняется ограничениям сформированной истинной личности.

Физическая смерть личности в персональном мире подразумевает физическую смерть во всех остальных при условии, что это не нарушит баланс мира. Смерть в любом из неперсональных миров никак не влияет на личность в персональном мире.

При столкновении сущностей из разных Галактик, миры объединяются в один посредством взаимодействия обслуживающего персонала ЦУМов и отдаются в управление одному доминирующему ЦУМ. Доминант определяется на основе древности цивилизации.

Пример:

При рождении ребенка в каком-либо из миров, формируется новый мир. Ещё не сформировавшаяся личность перемещается в новосозданный на основе его ближайшего родственника мир и наполняется проекциями. То есть, родители, друзья и прочее окружение маленького существа – это двойники из их персональных миров. По мере взросления, у существа появляется самоосознание и формируется личность. Он становится способен менять окружающий мир. Если он свято убежден в существовании драконов и не теряет веры – рано или поздно, они появятся. Когда личность меняется, информация об изменениях каждые сутки транслируется в другие миры, тем самым корректируя личность проекций в персональных мирах других существ.

Основные ЗОЖ

Исключается вмешательство в естественное развитие мира.

Нет единого верного пути.

Баланс энергии в Галактике должен быть нерушим.

Прим.: При нарушении баланса в Галактике, все вариации миров свёртываются в один и действующий ЦУМ уходит в подчинение ЦУМ другой Галактики.

Во рту отвратительный привкус. Такое ощущение, что пока Витя спал, какое-то животное таинственным образом пробралось туда умирать и уже разложилось, оставив едкий вкус недогнившей плоти. Он, чувствуя себя как дома, подошел к столу и налил воды. В пластиковом стакане кружились молочные частицы накипи, плавно оседая на дно. Геннадий, не обращая на Виктора внимание, широкими жестами собирал мусор с пола и складывал на полки стеллажей, которые судя по всему, починил ночью. Витя со стаканом воды подошел к стене с окошками, разглядывая сквозь мутное стекло серое небо и изредка рассекающих его ворон. Он старался оправиться от ужаса, пережитого во сне. Кажется, что приснился ему убийства, перестрелки или любые другие картины из триллеров, он не настолько бы впал в панику. «Хватит! – Подумал он, делая глоток воды и сплёвывая белые частицы накипи, – прошлое прошло, его нет».

– Садись, – Витя повернулся и увидел, что Геннадий показывает на табурет поставленный напротив дивана. Сам он, сложив ногу на ногу, сильно ссутулившись, расположился на стуле, – будем беседовать, – добавил он, провожая Витю взглядом до места.

После минутной игры в гляделки, инженер продолжил:

– Мне тоже ведомы человеческие чувства, – впервые он не

курил во время разговора, – просто я... – он отвёл взгляд, – немного другой.

Геннадий выглядел совершенно не так, как всегда. Он, причмокивая, сглатывал, поглядывал в разные стороны, наклонял голову и говорил уважительно, объясняя, а не осуждая. И, казалось, эти простые откровения давались ему с большим трудом. Инженер не суетился, медленно произносил каждое слово, выдерживая долгие паузы между фразами и Вите отчего-то стало его жаль. Он, «мальчик, который хочет понимания», как выразился Гена при первой их встрече, внезапно понял, что этого хочет каждый. А некоторым, таким как чудаковатый инженер, этого самого понимания может катастрофически не хватать. Ведь для того, чтобы разделить с ним принципы его понимания действительности, нужно быть таким же безумным гением. И, может быть, Геннадий увидел в Викторе такого же изгнанника общества, как он сам. Лучше бы так, чем жалость из-за ночного кошмара. Совсем не хочется в свой День Рождения, осознавать, что тебя жалеют. Витя внимательно разглядывал за превращением Геннадия в человека и не перебивал.

– Лизонька, – инженер поджал губы, немного кивая головой в сторону, – Лизонька – моя жена. – Каждое слово давалось ему с трудом, но он продолжал, – изуродованная женщина, которую ты видел. – Гена прокашлялся, – она такая с десяти лет. Мы дружили. – Он слегка затрясся всем телом, – её родители мешали строительству крупнейшего развлека-

тельного комплекса, а у власти в то время были отъявленные бандиты. У них забрали Лизоньку, шантажировали, – он говорил отрывисто, – те выполнили все условия, но её... – инженер налил стакан воды и пригубил, – её изуродовали и выкинули в овраг. Маленькую девочку. – Гена нервно усмехнулся. – А обвинили моих родителей. Без доказательств, суда и следствия.

Не зная что сказать, Виктор уткнулся в пол.

– Правильно было бы отомстить. – Гена продолжил, сжав кулаки, – но во мне нет таких чувств, потому что их нет в нём. Я не хочу, – он выпучил глаза, чуть подался вперёд, – потому, что он, – показал указательным пальцем куда-то в сторону, – не знает правды. Я, настоящий я, должен узнать правду и измениться. Тогда тут я тоже смогу постоять за то, что мне ценно – за Лизоньку и родителей. Ты понимаешь? – он снова сделался безумным и улыбался, – понимаешь, Виктор? Понимаешь?

Но Витя не понимал. Он не решился задавать вопросы, которые могут спровоцировать Геннадия на резкие эмоции или неадекватное поведение, а потому, поджав губы, закивал головой. Ужасная, конечно, жизненная история. Не удивительно, что у него с головой не в порядке. «Ему бы, – подумал Витя, – к психологу походить, проработать детские травмы».

– А у меня сегодня День Рождения, – непонятно зачем сказал Виктор.

– Так тебе сегодня можно всё! – вскочил Гена со стула, –

иди в центр! – он резко схватил Витю за локти и потянул к дивану, – Садись поудобнее, расслабляйся! – инженер был болезненно оживлён, – тебе понравится мой мир, я видел его во сне.

– Нет, – прищелкнув ответил Витя, доставая из-под подушки рюкзак. – Я, конечно, ценю твою искренность, – он встал и плавно пошел к выходу, – но сначала я закончу со своими делами. – Замки оказались заперты, – а твои дела сделаем вечером, – глянул на по-детски расстроенного Геннадия вышел, добавив, – Обещаю.

Инженер растерянно постоял несколько секунд, но когда Витя уже почти прошел пролёт, крикнул вдогонку:

– Ты администратор миров! Чего ты ждёшь? Следующей жизни?

Витя вышел, вдыхая всей грудью запах праздника. Может быть, хотя бы сегодня произойдет чтонибудь хорошее? Например, окажется что его квартира свободна и принадлежит ему? Жутко хотелось есть, казалось, что в животе идет ядерная война – то тишина, то резкое громкое урчание с непонятными перекатами. М-да, имея чуть больше полуторы тысяч рублей в кармане на неизвестно-какое-время, сильно не разгуляешься. Витя зашел в небольшой магазинчик, в котором по соседству с продуктовыми прилавками была дешевая наливайка – запах перегара с легкими оттенками чьей-то недопереваренной еды, ударил в нос. Вот заходишь в та-

кое помещение и всем нутром ощущаешь абсолютное дно человеческого существования. Он представил как ночью рядом с заведением спят бомжи, испражняясь себе в штаны, а молодая продавщица теряет не только веру в своё будущее, но и в человечество в общем. Витя поглядел на витрину не в силах себя заставить что-либо купить в таком магазине. Решив не рисковать здоровьем, он поспешно вышел и прошел дальше по улице, свернув в первый переулок, где по приятному запаху выпечки нашел маленькую булочную. Купил домашнюю пиццу за пятьдесят рублей – небольшой кусок теста с солёными огурцами, капелькой колбасы, условным сыром и приличным слоем майонеза. На растворимый кофе пришлось потратить столько же, что показалось Виктору несправедливым, будто тебя обделили едой или всучили подделку по цене оригинала. В любом случае после еды настроение значительно улучшилось.

Внимательно разглядывая торопящихся по каким-то своим делам людей, он думал об их жизни. Представил как стремительно проходящий мимо мужчина просыпается, чистит зубы, бежит в душный офис, а потом приходит домой и, глядя в телевизор, думает как его всё достало. Вообразил как женщина с ребенком в коляске поднимается на пятый этаж без лифта, переполненная бессилием и ненавистью к себе за неспособность переехать в жильё поудобнее. Как маленькая девочка, разглядывая витрины, мечтает в будущем стать принцессой. А на самом деле квартиры, машины, вкусная

еда, красивая одежда – это всё шелуха. Самое важное внутри, в личности, которая состоит из души и характера. Но почему-то мы всё равно стремимся обладать как можно большим количеством вещей, всю жизнь работая на показуху. Почему? Наверное, стремление обогатиться и чувство обладания создают иллюзию, что в жизни есть смысл. Ну хоть какой-то. «У, занесло» – подумал Витя. Глянул на смартфоне как доехать до своего дома и пошёл на остановку.

Витя остановился возле своего подъезда, поглядывая как одинокие листья покидают отчий дом, поддавшись уговорам ветра, запутавшегося в кроне дерева. Набравшись решительности, поднялся на двадцатый этаж – надежды не оправдались. На двери по-прежнему присутствовала полоска от попытки взломать дверь. Замок, судя по всему, никто не сменил, но Витя решил сначала позвонить. Раздалась противная мелодия и он подумал, что первым делом надо бы сменить его, поставить что-то простое, однозвучное. Никто не открыл и он для верности постучал. С досадой и злостью услышал шаги за дверью. «Ну, почему? – взмолился он, глянув вверх, – Почему хотя бы сегодня не могло случиться что-то хорошее?».

Незнакомый мужчина с щетиной открыл дверь. Он был чуть ниже Вити, но тоже высокий, с темными взъерошенными волосами и неаккуратным, видимо, когда-то сломанным носом.

– Здравствуйте, – вежливо сказал он, ожидая ответа.

«Спросить что-то или сразу всё объяснять?» – судорожно мельтешили в голове мысли. Для начала, он решил просто представиться:

– Добрый день, меня зовут Виктор Лимов...

Мужчина перебил его и, растянувшись в добродушной улыбке, сказал:

– О, полный тёзка, я тоже Виктор, и тоже Лимов, представляете? – он открыл дверь чуть шире, – а отчество как?

– Павлович, – рассеянно ответил Витя.

– И я! – воскликнул мужчина и протянул руку, – Бывает же! А вы по какому поводу? – уточнил он.

«Живет, наверное своей спокойной жизнью, – думал Витя, глядя на доброжелательного мужчину, – и бабушка ему квартиру подарила, а сама уехала к матери». Рассказать про миры, узнать видит ли он их? Но если у него не было дедули, наверное, никто ничего ему и не рассказывал. «Я не такой, – рассматривал Витя озадаченно стоящую в дверях скорректированную копию себя, – я бы вообще не открыл».

– Извините, кажется, я ошибся этажом, – Виктор развернулся и стремительно пошел по коридору не прощаясь. Мужчина крикнул вслед что-то вроде «удачи, тёзка», но реальность уже была полностью окутана туманом. Туманом непонимания, туманом страха, туманом боли и разочарования. Витя свернул к лифту и прислонился к стене. «Наверное, – устало подумал он, – вся куртка будет в побелке».

Он стоял, внимательно разглядывая серые створки лифта

и осуждая себя за излишнюю надежду на чудо. Надежда – сильнейшая отравка. Каждый день делаешь маленький глоточек этого, как ты думаешь, волшебного снадобья. Ничего не меняется и приходится пить чаще, а глотки делать больше. Но однажды, сняв розовые очки, ты понимаешь, что травил себя всю жизнь. Вместо того, чтобы принять вещи как есть, ты надеялся на чудесных единорогов, гуляющих по радуге, которых не существует. Ты знал, что их не бывает, но думал «а вдруг?». Надеялся и сам себя травил.

Через небольшое стекло двери на общий балкон, пробились яркие солнечные лучи. Витя посмотрел на них и улыбнулся.

«Мой мир, – подумал он, – намекает, что я иду в верном направлении».

Распогодилось. Витя не торопясь побрёл к метро, чтобы доехать до центра и несколько часов просто погулять. Беззаботно и без всякой цели. Каждый День Рождения он проводил именно так – брал выходной и с самого утра выезжал из дома, весь день бродил по городу в поисках интересных мест и мероприятий. Иногда звал с собой друзей, угощал их вкусной едой и напитками. Все радовались, веселились, а слегка подвыпив обнимались, сопровождая это словами об уважении друг к другу. Витя всматривался в каждое здание, в каждого человека, пытался угадать что же ещё изменилось. Может, торговый центр у метро стал меньше? Раньше он казался таким огромным, массивным и запутанным, а сейчас – три этажа по шаблону, да стайка небольших магазинчиков. И вход в метро поменялся? Было красивое, аккуратное круглое здание с колоннами и узорчатыми капителями. А теперь? Теперь на ступенях сидят неряшливо одетые люди, просят милостыню, дополняя потрескавшуюся штукатурку карниза над входом. И поезда были современными, несли из подземного туннеля прохладный воздух, а сейчас поскрипывают во время поездки, неуверенно шатаются. Да, его мир сильно поменялся. Он стал фальшивым, выдуманным, будто антураж дешевой киноленты. Поднимаясь на эскалаторе, он равнодушно смотрел на людей. «А ведь ничего нет. – Поду-

мал он с печальной улыбкой. – Всё, что я вижу – отражение меня, а они видят во мне отражение себя. Так просто и так сложно одновременно».

Улица ослепила белым светом, Витя стал в тень ближайшего здания, чтобы дать глазам привыкнуть. Солнце весело играет лучами, отражаясь в окнах жилых домов и торговых центров, а немного поодаль стоит разукрашенный как мим человек на ходулях с диковинным чемоданчиком. Видел он такие раньше: кидаешь в одно отверстие монетку, а из другого достаёшь предсказание. Витя подошёл ближе, нащупал в кармане десюлик. Мужчина, слегка поклонившись, улыбнулся, свысока глядя на него. Аккуратные ухоженные фасады зданий смотрели на Витю с опаской и настороженностью, но он не поддался напряженным взглядам кариатид. Бросил монетку в сокровищницу советов, активно пошевелил рукой, схватил одну из бумажек. Развернул тоненький кусок обои, перевязанный красной верёвкой и, отойдя в сторону, прочитал: «Духовный путь самопознания пропорционален страданиям до восхождения на путь».

Витя рассмеялся. Философская муть с элементами религии. Типа пострадай сейчас побольше, а потом, может быть, когда-то получишь нечто взамен, приблизишься к Богу и всё такое. Он бросил бумажку в урну, зашел в торговый центр и, постояв перед лотком с разноцветным мороженым, решил взять себе пару шариков, праздник всё же. Выбрал лимонное, мятное и клубничное – получился светофор в стакан-

чике. По привычке приложил к терминалу карту для оплаты, но резко одёрнул руку, вспомнив, что там нет денег. Терминал затрещал, выехал чек. Девушка в белой пилотке, жизне-радостно сказала «приятного аппетита!». «Не понял» – подумал Витя и, создав за собой очередь, глянул на чек. Низкорослый мужичок за ним возмутился, что он заставляет детей ждать, мол, двигай отсюда, раз забрал заказ. Витя оглянулся не ответив на агрессию, пошел к скамейке. Оплата прошла успешно, но волшебная арфа на телефоне не сообщала об смс из банка. Он достал телефон – пусто. «Если, – закрутилось у него в голове, – это счет того Виктора Лимова, а не мой, – Витя оглядел магазины, – надо скорее потратить деньги, а то он заблокирует счёт!». Он забыл волшебный мороженый светофор на лавке и побежал в магазин одежды. Быстро выбрал, наугад по внешнему виду пытаюсь определить свой размер джинсов и куртки. Похолодало, вещи не стираны много дней, других нет и взять негде. На кассу! Быстро, быстро, ещё быстрее...

Девушка утомительно долго сворачивает одежду и складывает в пакет. «Картой» – говорит Витя, стремительно прикладывая карту для оплаты – после небольшой паузы, с характерным треском вылезает чек. Он улыбается, незаметно для кассира за стойкой делает рукой «Йесс», хватая пакет и идёт в другой магазин, но потом соображает, что не вещи покупать надо, а деньги снимать. Банкомат на нижнем этаже, он перескакивает через несколько ступеней на эскалато-

ре, толкая людей, подбегает, вставляет карту, вводит пин и замирает. Устройство думает о чём-то своём, электронном. Появляется меню, выбирает «снять наличные», вводит сумму в двести тысяч – отказано, сто – отказано, пятьдесят – отказано, тридцать – отказано, двадцать – отказано. «Ну хотя бы пятнадцать» – уже разочарованно думает Витя. Банкомат гудит, перебирает бумажки и открывает свой волшебный сундучок с тремя красными бумажками. Фух! Хотя что-то. Он забрал деньги, сунул карту обратно в портмоне. Видимо, новый Лимов Виктор менее бережлив, чем он, тратит деньги как только их получит. «А если он зарабатывает меньше?» – только сейчас устыдившись подумал Витя. Вдруг он лишился совершенно незнакомого, но внешне добродушного и дружелюбного человека денег? «Разберется! – огрызнулся Витя сам себе, – у меня День Рождения, мне можно всё!». «Можно всё, можно всё» – закрутилось у Вити в голове. Надо возвращаться к Геннадию. Обещал.

Следуя уже высеченным на подкорке маршрутом, он поднялся по ступеням и громко постучал в металлическую дверь. Витя улыбнулся, услышав привычный грохот пяти открывающихся друг за другом замков. Из каморки резко дуло отравленным табачным воздухом. Геннадий, безмолвно махнув рукой, вернулся за рабочий стол, где судя по всему, что-то мастерил. Виктор прикрыл дверь, закрутил и защелкнул затворы и, кинув рюкзак на диван, включил чайник.

– Кофе пить будем? – спросил он у Гены, склонившегося

над каким-то устройством, похожим на телефон.

– Угу. – промычал инженер, собирая миниатюрные болтики в прозрачную пластиковую коробочку.

Витя спросил где волшебный растворимый напиток, открыл шкафчик стола, нашёл кофе и насыпал по ложке в пластиковые стаканчики. От кипятка они неравномерно деформировались, от чего напиток получился с лёгким привкусом пластика.

– Я постараюсь тебе помочь, – сказал Витя, скинул с табурета вновь появившийся хлам и присел, – но я не знаю, что будет. Так делать нельзя, – он пожал плечами, – судя по всему, я чем-то рискую.

Геннадий не ответил и Витя продолжил:

– У меня был такой вопрос на, – он скривился, подбирая слова, – на этом вселенском экзамене. Короче, видимо, в худшем случае, я просто перестану быть админом.

– Ты был. Ты есть. Кем ты будешь – решать тебе. – Не поворачиваясь, ответил инженер.

– Ну, – Витя слегка наклонил голову, – администратором всех миров я точно не хочу быть когда вырасту.

– Мне больше нечем тебе помочь, – сказал Гена всё так же склонившись над столом, – дальше только твой путь.

– Ммм, – озадаченно промычал Виктор, – странный ты. – Досадно когда обращаешься к человеку, стремишься ему помочь, а он даже головы не поворачивает, неуважением отдаёт.

– Диван твой. Я работаю, – явно не желая продолжать диалог, сказал Геннадий и продолжил, – Поможешь – хорошо. Не сможешь – на твоей совести.

Сев в выемку на диване в позе лотоса, Витя попытался расслабиться. Какое-то незримое напряжение витало в воздухе, мешая сосредоточиться. Будто Гена всеми фибрами души поскорее желал с ним попрощаться. «Может спросить в чём дело? – подумал Витя, но осёкся, – не друзья мы с ним». Он вопрошающе глянул на вставшего из-за стола Геннадия, но тот даже не обратил на него внимания.

– Я домой, – сказал инженер, снял с крючка возле двери дубликат ключей, бросил их на диван и вышел, закрыв дверь.

Вдох.

Выдох.

Витя закрыл глаза.

«Я, Виктор Лимов, хочу попасть в Хроники Вечности» – в ноги упираются диванные пружины. От сквозняка становится зябко, замёрзли руки. Он встал, закрыл поочередно все маленькие окошки под потолком, вернулся на диван, устроился поудобнее и закрыл глаза.

Вдох.

Выдох.

«Я, Виктор Лимов...» – Глубокий вдох. Раз, два, три, четыре. Выдох.

«А я ли Виктор Лимов?» – Он открыл глаза. Если дедушки не было, а у бабушки родилась другая женщина, а не его

мать, то как же появился на свет он? Либо каким-то таинственным образом, у других людей получился именно он, но, где тогда родители? Либо, его не должно существовать... Так. Стоп. Виктор Лимов – имя, данное родителями, но как бы он ни назывался, собой-то быть не перестал! Ну и пусть он теперь морская ящерка, ладно.

«Я» – Вдох. Выдох.

«Тритон» – Вдох. Выдох.

«Хочу попасть в Хроники Вечности»

Тёплый молочный туман окутал Виктора со всех сторон кроме одной. Впереди, устремившись ввысь, грозно стояла нерушимая металлическая дверь с диковинными символами по краям. Витя оглянулся – может быть, где-то за туманом и есть хроники Виктора Лимова, его история, пережитые события, но почему-то он понял, что в библиотеку с огромными стеллажами, лестницами на колёсиках и позолоченными узорами на потолке, он больше не попадёт никогда. Витя подошел к белой табличке и написал печатными буквами пароль в выделенный пунктиром прямоугольник. Зашевелился круг, лепестки задвигались и плавно, с небольшим треском, открылась огромная линза входной двери, он вошёл внутрь и поёжился от увиденного. Вместо аккуратного пространства с книгами и фолиантами, тёплого освещения вдоль полок и ночного звёздного неба над головой, он увидел перекосившиеся заброшенные дома, высоченные тёмные деревья и перелетающих с одного места на другое, противно каркающих

ворон.

В нерешительности сделав несколько шагов, Витя замер перед извилистой тропкой, ведущей в неизвестном направлении. Он оглянулся, хотел вернуться в молочный туман, думая что изначально пошёл не в ту сторону, но дверь уже растворилась в пространстве и за спиной оказалась такая же дорожка. Направо и налево, извиваясь, уходили в бесконечность тропинки, но почему-то они казались более заброшенными и пугающими, чем та, что ведёт вперёд. Как же там было в русских сказках? Если пойти в одну из сторон, там точно что-то критичное, а прямо, кажется, более безопасный вариант. Витя попробовал вызвать голосовую помощницу, но она молчала. Пару раз крикнул «выход» – нет ответа. Остаётся идти вперёд. Определившись с направлением, он, глядя по сторонам, решительно направился вглубь заброшенной деревни. Вдоль дорожки стоят покосившиеся деревянные дома, один страшнее другого. Часть из них обвита диким виноградом, проникнувшем в темные окна как в пустые глазницы чего-то, что было живым, а стало мёртвым. На некоторых, противно скрипя, болтаются створки ставней, украшенные размытыми узорами. Огромные вороны то и дело садятся на крыши, из-за чего дома начинают кряхтеть, стонать, а потом с грохотом, вместе с ветхими досками, стряхивают с себя мрачных птиц. Между домами, за ними и вокруг растут

высокие чёрные деревья без листьев. Голые стволы испещрены глубокими морщинами коры. Нет ни единого ровного дерева. Сгорбленные, сутулые, неестественно изогнутые ветви пересекаются друг с другом, образуя плотную паутину, из которой наверняка невозможно будет выбраться если забредешь далеко. Деревья пошатываются и визжат как тысячи противных старух, разговаривающих одновременно. На небе статично замерла полная луна, слегка прикрытая тёмными облаками. Падающие от света луны тени создают на тропинке чудовищно уродливых созданий, живущих, кажется, своей беспокойной жизнью. Мрачно. Жутко. Холодно. Витя выдохнул, увидев облако пара, поёжился и обречённо, через дыхание огромной покинутой деревни, пошёл вперёд.

– Кха-кха-кха, – почти по-человечески закричал огромный ворон, пролетев прямо над головой Вити.

Он пригнулся, напряженного оглядываясь. Взмахами огромных крыльев птица нагнала затхлого воздуха в котором кружились частички то ли пепла, то ли праха. «Разве бывают такие вороны – подумал Витя, прикинув, что она была примерно как вся его нога от ступни до бедра, – такая и меня бы сожрать смогла». Он ускорился, стараясь не вглядываться в пустые проёмы домов с дырявыми и заваленными крышами. Дорожка виляла то вправо, то влево. Один раз, заглядев-шись на неестественный земляной покров под деревьями, по которому шли волны, словно по воде, он чуть не свалился в полуметровый овраг, не заметив что тропинка свернула и

теперь вела к небольшому поваленному дереву. «Если есть тропинки, значит, по ним кто-то ходит?» – забыв о том, что он находится в Хрониках Вечности, испугался он и побежал трусцой. Очень не хотелось встретиться с тем, кто протоптал эти стежки. А дорога всё не заканчивалась. Деревья скрипели, будто наклоняясь к нему всё ближе и ближе, стараясь захватить и забрать с собой, утащить в паутину веток. А может они хотели превратить его в такое же уродливое, изогнутое растение. Или вдруг это плотоядные деревья, питающиеся живой плотью и кровью... Воображение подбрасывало всё более ужасные картинки, но он не останавливаясь, не так быстро, как хотелось бы, шёл дальше. Витя встречал перекрёстки тропинок, но решил придерживаться одного маршрута, а не плутать среди мёртвых домов. Стало жарко и он сбавил темп. Пролетела стая ворон и расселась на ближайшем доме, издевательски глядя на Виктора черными глазками, отражающими лунный свет.

– Шшш! – крикнул он на птиц, топнув в их направлении.

Они громко по-стариковски заворчали, обмениваясь взглядами и переминаясь с лапы на лапу, но не улетели. Ветки и доски обветшалых домов поддакивали птицам. Витя судорожно оборачивался то на один звук, то на другой. От страха и верчения на одном месте закружилась голова, всё перепуталось, замелькало в глазах, уже не ясно было в какую сторону он шёл и зачем, в любом направлении бесконечная извилистая узенькая тропка. Виктор наклонился, делая

несколько глубоких вдохов, собираясь с силами и успокаивая сердце, поднял голову и увидел в одном из домов вдалеке теплый свет. Он побежал, глядя в светящуюся точку, но через десяток шагов остановился. А что, если там враги? Людоеды, например? Баба-Яга как в детских сказках? Туц по башке и нет больше Вити. Он оглянулся – сзади, примерно на таком же расстоянии, тоже мерцает свет, но какой-то холодный. «Зато выбор есть» – подумал Витя и короткими шагами медленно пошёл вперёд. Домик был таким же кособоким, как и остальные, без створок. Только дикого винограда на нём не было. Левая сторона примерно на полметра уходила в землю. Витя присел и на корточках подполз к окну, из которого слегка мерцая, лился на тёмную землю тёплый свет. Осторожно держась за одно из брёвен стены, он потихоньку поднял голову и, увидев, что внутри, спокойно выпрямился в полный рост. Широкий письменный стол, открытый чёрный ноутбук и большое кожаное компьютерное кресло – аналог его рабочего места. Витя подошёл к косой двери и немного её приподняв открыл.

– Тритон, добро пожаловать в Хроники Вечности, – произнёс уже знакомый женский голос.

Витя недовольно скривился и раздул ноздри.

– Это что за фигня? – крикнул он, кивая в сторону тёмного леса, но не получив ответа, добавил, – я же настраивал библиотеку, мы так не договаривались!

Голосовая помощница не реагирует на фразы без призыва

к действию – пора бы к этому привыкнуть. Витя попробовал закрыть входную дверь, но из-за резкого перекоса влево, не смог. Придётся смириться со звуками потрескивающих деревьев, разрушающихся домов и по-человечески кричащих ворон. Он оглядел ещё раз комнату. К счастью, стол и кресло ровно стоят на земляном полу. Справа деревянная лавка, на её краях стоят две подозрительно ровно горящие, блестящих керосинки.

Витя сел в кресло, удобно облокотившись на спинку и спросил:

– Почему изменился интерфейс?

– Обновление системы, – сразу же ответила девушка.

– Изменить интерфейс вручную. Открой настройки – командовал Витя. Не хочется ещё раз идти по этой брошенной гигантской деревне.

– Невозможно. – безэмоционально ответила леди, – Он напрямую синхронизирован с этапом развития вашей личности.

– Не понял, – скривился Витя, – расшифруй.

– Интерфейс подстраивается под ваше восприятие мира.

Витя закатил глаза. То есть, он воспринимает мир как страшное брошенное поселение с огромными деревьями и хищными воронами? Или как? Он решил уточнить у помощницы и та ответила утвердительно. На вопрос о том как всё же изменить путь по Хроникам к своему рабочему пространству, девушка, сказала просто «Работать над собой». Витя

чертыхнулся и решил озаботиться этим вопросом позже. В конце концов, он не собирается вечно приходить сюда, а планирует найти себе замену. А сейчас... Не для этого он сейчас сюда пришёл. Обновление, блин. Как во всём человеческом ПО, ей богу. Обновилась система и ты материшься на это событие, перелопачивая весь интернет вопросом как откатиться обратно, к привычному виду.

«Итак, пора заняться делами раз ничего изменить нельзя» – подумал Витя и запросил состояние миров. Сначала нужно обработать ошибки, отправить их Велесу – занять его работой, чтоб тот не обращал внимания на то, что делает Виктор. А потом..., потом можно и обещание Геннадию выполнить. От голосовой помощницы Витя получил статус, запросил логи в линейном формате и вокруг него развернулся цилиндр с плавно движущимися линиями разного цвета. Он поворачивался вокруг своей оси, разглядывая что получил – полоски красного, желтого и оранжевого цвета, разной длины, некоторые зигзагом, другие – волнистые, но больше прямых. Витя громко произнёс «группировать по цвету» и цилиндр тут же перестроился. Вместо беспорядочных линий, появилось три вертикальных деления. Начало линий в одном месте, но дальше полоски шли внахлёст на небольшом расстоянии друг от друга, отчего цилиндр стал чуть шире, но остался таким же бесконечным в высоту. Витя какое-то время смотрел на изменения и отдал команду «объединить по размеру внутри группы». Полоски суетливо задвигались

по вертикали, перестраиваясь в другом порядке. Если где-то возникало несколько линий одной длины, они «схлопывались» и на старте объединённой полоски добавлялся маленький черный кружочек. Когда процесс завершился, наконец-то стал виден край цилиндра по высоте. «Ну, наверное, всё» – подумал Витя и попросил помощницу отправить логи Велесу.

– Как открыть терминал? – спросил он у девушки.

Она ответила, что так же как в любом компьютере его мира. Витя глянул на монитор и понял, что забыл команды, рекомендованные для изучения админу. Но, наверное, переместить предмет получится и с помощью голосовой помощницы? Витя задал ей вопрос и получил подтверждение своим мыслям но столкнулся со сложностью – надо знать не только идентификатор мира, но и точные координаты местоположения, номер предмета и объем энергии. Он порадовался ответу, ведь это означало, что противоречие законам не исключает возможности перемещения предметов, а значит, риска намного меньше.

– Для определения точных координат вы можете использовать интерфейс наблюдательных окон в голосовом или мыслительном режиме.

Витя уточнил как попасть в наблюдательный центр, на что получил ответ «закройте и откройте дверь». Ну да, перекособоченную деревянную дверь... Закройте. Ха! С недовольным бурчанием Виктор попробовал приподнять её – не

вышло. Вышел наружу, боязливо поглядывая на разрушенные дома вокруг и заметил, что закрытию мешает небольшая земляная горка. Минут десять он вгрызался ногтями во влажные комки почвы и в итоге откопал нужный край. Приподнял дверь, захлопнул снаружи, чтоб проверить – закрылась. Потянул за ручку и, откидывая лишнюю землю ногами, вошел в помещение-осьминог.

«О, снаружи тоже сработало» – обрадовался он и пошел вдоль одной из шести металлических блестящих стен с иллюминаторами на противоположной стороне.

Лампы дневного света отражаются в металлическом одеянии коридоров, то и дело ослепляя яркими бликами. Часть окон со стёклами красного цвета и с циферблатом, отсчитывающем время в обратную сторону. Витя поджав губы и успокаивая себя, что Велес скоро спасёт миры от гибели, медленно пошел по коридору, всматриваясь в номера на металлическом, золотисто-серебрянном ободке. Никакого явного порядка в номерах он не заметил. Рядом с мирами, оканчивающимися двузначными числами, были миры с четырёхзначными и даже один мир с пятизначной. Витя задумался как возможен год из пяти цифр если текущий век – это двухтысячные и списал на баг. «М-да, – озадачился он, – так я не скоро нужный мир найду» и обратился к голосовой помощнице:

– Как найти конкретный мир?

– Назовите идентификатор и оставайтесь перед текущим окном, – холодно ответила та.

– Двадцать один, десять, тринадцать, ноль два, одиннадцать, тысяча девятьсот сорок семь, – медленно произнёс он, стараясь изъять из памяти верные цифры и не ошибиться.

– Сценарий развития?

«Это что ещё такое» – задумался Витя, насупив брови и ответил:

– Не знаю.

– Найдено двадцать восемь миров. Вывести на ближайшие экраны?

– Да, – озадаченно ответил Виктор, глянув вправо и влево по коридору.

Через пару секунд ближайшие иллюминаторы, вместе с круглым ободом, синхронно выехали сантиметров на десять вперёд. В образовавшемся промежутке появились острые серебристые треугольники, медленно разъезжающиеся в стороны вдоль окружности. Витя попятился к стене. Тонкие, изящные уголки росли, превращаясь в огромные изогнутые лепестки диафрагмы вокруг иллюминатора. «Крхг» – раздался скрежет, и действие прекратилось. Секунда – и цветки начали закрываться, плавно вращаясь. Лепестки, как элементы большого объектива, вкручивались, полностью закрывая экраны-линзы. Витя стёр ладонью капельку пота со лба. Если бы не отошел к стене, треугольники, остро заточенные по краям, похоже, вполне могли бы вспороть ему брюхо. В закрытом состоянии иллюминаторы вернулись в исходное состояние, несколько минут потрещали как коростель в поле и синхронно снова выехали вперёд, плавно раскрывая металлические лепестки. Обнажив экран полностью, они втянулись в промежуток между стеной и ободом иллюминатора так же мягко, как и появились. «Крхг» – объявили они о своей готовности и окна в параллельные миры вернулись на места. В коридоре снова воцарила тишина. Витя подо-

шел к ближайшему экрану и прочитал надпись на окантовке: «21.10.13.02.11.1947К». Прошёл по коридору, изучая надписи на других окнах – цифры были одинаковыми, а буквы в конце отличались. Он с досадой подумал, что сразу говорил Гене про неполную информацию. «И в какой мир теперь записку отправлять? Под какой буквой нужный ему мир?» – озадачился Витя, прогуливаясь вдоль окон с мирами и стараясь найти отличия. Внутри, за стёклами расположились разные реальности, где-то окутанная белой паутиной планета, где-то черные континенты без растительности, но большая часть миров были похожи друг на друга – обычная планета, как в школьных учебниках географии.

– А можно, – робко поинтересовался Виктор у электронной девушки, – сфокусировать изображение на собственнике мира?

– Выполняется, – ответила она.

Окошки запестрели разноцветными смазанными изображениями, и через секунду на каждом из экранов Витя увидел немолодого седовласого мужчину. Где-то он был чуть полнее, где-то совсем как Кощей Бессмертный – кожа да кости, но везде был в одежде жёлтых оттенков. Витя усмехнулся, вспомнив Геннадия из своего мира и остановился перед одним из экранов, внимательно разглядывая мужчину в белом халате, из-под которого виднелся солнечный воротник рубашки. Он находился в удивительной лаборатории, будто из будущего, с раскиданными механическими частями

ми тела, огромными стойками с пробирками разного цвета и объёмной капсулой, похожей на аппарат для МРТ. Мужчина нервничал, суетливо открывал и закрывал крышку огромного устройства, то и дело заглядывая в него и под него, потом снял халат и, скомкав, бросил на пол, начав по нему топтаться и что-то бормотать под нос. Потом вышел из помещения, прошёл по тёмному коридору в другую комнату и сел за круглый стол, положив на него ноги. Ткнул пальцем в устройство на руке, похожее на толстый браслет, и через пару секунд на столе появилась маленькая белая собачка с человеческой рыжей бородой. Витя прыснул от смеха, глядя на такое диковинное сочетание. «Нет, ну бывает же!» – подумал он и решил посмотреть что ещё интересного есть в других окошках.

– Вызывает Велес, – сказала девушка из пространства.

– Принять, – ответил Виктор, оглядываясь в поисках Ивана.

Вопреки ожиданиям, Велес не появился, а Витя боковым зрением заметил изменение интерфейса. Сзади синей светящейся волной шло преобразование пространства и вместо коридора с мирами появлялась древнерусская деревня с небольшими домиками на пригорке. Пока он смотрел в одну сторону, за спиной картина изменилась, и Виктор оказался посередине огромной поляны с сочной травой в пояс. Солнце приятно пекло кожу, спокойный ветерок колыхал ярко-зеленое море травы, пчёлки и шмели летали в поисках цветов

для опыления, а метрах в пятидесяти, возле одного из домиков на окраине поселения, из трубы которого шёл густой серый дым, стоял Иван в простой хлопковой рубаше и призывно махал рукой. Витя большими шагами пошел по траве, полной грудью вдыхая ароматный воздух, поднялся на холм и здороваясь протянул ему руку.

– Это что? – спросил он, оглядывая бескрайние просторы, где вдали виднелась ещё и парочка голубых озёр.

– Это мой новый интерфейс Хроник, – с довольной улыбкой ответил тот, – Хорошее обновление, – он потянулся, раскинув руки в стороны, – Смотрю на это всё, – Иван глянул вдаль, – и понимаю, что в нужном направлении двигаюсь.

Виктор насупился.

– Ну а ты? – обратился Иван к Вите, – как тебе апдейт?

Не хотелось признавать, что его новый интерфейс – мрачная заброшенная деревня с чёрным лесом и огромными воронами.

– А, – махнул он рукой, – сойдёт.

Велес позвал Витю в дом, где на печи стоял котелок с родниковой водой и посудина с жареными пирожками, источающими приятнейший аромат. Он указал на деревянную лавку возле стола, а сам присел с противоположной стороны. Как только они устроились на скамье, из пространства возникли блюда, чашки и миска с выпечкой, оказавшись прямо между ними. «Скатерть самобранка, блин» – с досадой подумал Виктор, вспомнив незакрывающуюся косую дверь

в его домике.

– Вкус как в реальности, – сказал Иван, взял пирожок и надкусил, запивая чаем.

Витя попробовал – и правда, не отличишь. «И как это всё работает?» – подумал он, разглядывая избу. Будто в прошлое попал, ей-богу. Даже иконка в углу стоит на деревянном треугольнике, вбитом гвоздями в бревно стены.

– Дивлюсь как это работает, – жуя пирожок сказал Велес, будто прочитав мысли Виктора, – и прикинь, – он почесал висок, – похоже, система сама собой управляет. Ну да ладно, о делах...

Отложив еду, Иван стал серьезным и внимательноглянул, сложив руки на столе. Будто и не было этого добродушного гостеприимного хозяина древнерусской избы мгновение назад. Сосредоточенный начальник похвалил Виктора за работу с логами ошибок, но оказался недоволен скоростью выполнения задачи. Прочитал лекцию об эффективной трате усилий, об ответственности и укорил в неспособности принимать правильные решения. Витя, слегка закатив глаза, слушал, не перебивал, но закипал, раздражаясь из-за выноса мозга. На работе хотя бы деньги за это платили и жил по-человечески, имея всё, а тут? Зачем ему вообще что-либо делать? Ну, миры. Ну, вселенная. Ну, центр управления. А он причём? Витя не мог принять факт, что им манипулировали, не оставив выбора, а теперь отчитывают за невыполнение обязанностей, на которые он, кстати, не подписывался. Где

соглашение сторон? Где договор хоть в каком-то формате? Нет уж, выполнит минимум и скажет этому интеллигентному Ивану-Велесу, чтоб искал ему замену. В срочном порядке. Хотелось возразить, прокомментировать упрёки, но Витя прикрыл ненадолго глаза и успокоил свою злость, сцепив под столом руки в крепкий замок.

– А вообще, – напряженно добавил Иван, закончив выговор, – кажется, в системе сбой. – и после паузы добавил, – глобальный.

– А как это к нам относится? – Витя нервно мотнул головой.

– Те миры, которые мы починили на днях, снова на обратном отсчёте.

– Починили! – усмехнувшись воскликнул Виктор, – да мой мир стал ещё хуже, чем был. – он положил руки на стол, нервно постукивая пальцами и глядя в сторону, добавил, – раньше у меня хоть жизнь была. Квартира своя, друзья, девушка нравилась... А сегодня я что имею? Ничего! Даже родителей нет. А, может и меня вообще нет? – он ужаснулся собственным мыслями и безумно глянул на Ивана, – а вдруг я умер и не знаю об этом? А это всё, – он вскинул руки, очертив небольшой круг, – жизнь после смерти.

– Э. – Настороженно глянул на него Иван. – Ведёшь себя как фанатик.

Витя взглянул в лицо Велесу. Простой, добродушный мужичок. Старается сделать, чтобы всем было хорошо. Знает

он таких, обычно всем помогают, а сами ничего не имеют. Прозябают в душных однушках изучая науки и не признают материальных ценностей, превознося личность и возводя её в культ святости. И не хочет он ничего дурного, и будет работать на износ, не жалея никаких сил, чтобы в мире воцарился порядок и справедливость. «Интересно, какой его мир?» – подумал Виктор и устыдился собственного эгоизма. «Блин, а руки-то вскинул, – сцепив зубы подумал Витя, – точно как безумный Учитель. И ничем я не лучше его».

– Ладно, Тритон, – тяжело вздохнув сказал Иван, – хочешь ты этого или нет, но нам нужно объединиться и найти глобальную ошибку.

Витя пожал плечами и спросил:

– А свой мир мне как вернуть в норму?

Велес почесал шею, мягко сложил руки на стол и ответил:

– Наверное, ты, как и я всю жизнь искал пути отступления. Мне... – он потер глаза и продолжил, – мне пришлось заново переосмыслить всю свою жизнь, – Велес с досадой прищелкнул, – Всю, блин! – Без прошлого нет настоящего, – Иван глянул в потолок, – Парадоксально, но факт – каждый ходит под своим небом и я про твоё небо ничего не знаю. – Он надул щёки и короткими выдохами сдул, – Могу сказать только, что ты – создатель собственного мира и всё, что видишь там, произошло из твоей личности или, если тебе будет так понятнее, из души.

Они немного помолчали, стараясь не смотреть друг другу

в глаза, каждый по своим причинам, и после паузы Велес произнёс:

– Как можно скорее отправь мне обработанные логи, а когда успокоишься, – он скривил рот на одну сторону, – поговорим про глобальные вещи, – Иван глянул в потолок и добавил, – Арина, конец связи с Тритоном.

Глаза Виктора закрылись сами собой и когда он их открыл, то увидел уже привычную каморку Геннадия. Тёмную комнатку с едва различимыми очертаниями предметов. Руки замёрзли, он пощупал нос – холодный. Включил старенький электрический чайник и оглядел комнату в поисках обогревателя или хотя бы какого-то одеяла.

Холодно и голодно. Витя, немного согревшись растворимым кофе с привкусом пластика, после подробного изучения помещения обнаружил под столом маленький холодильник. Открыл его и с радостью увидел хлеб и банку какого-то паштета. Может и микроволновка где-то спряталась? Он озадаченно оглядел комнату. Нет, её точно не видать. Стеллажи открытые, на них только хлам, а других мест, скрытых от глаз, попросту нет. Витя глянул внимательнее на банку – печёночный паштет и срока годности ещё три месяца в запасе. Вот и ужин. Он достал еду на стол и снова клацнул электрический чайник. Тошнит уже от растворимого горького напитка с кислинкой, но что делать? Ночь, вряд ли какие-то заведения с приличной едой работают, а с доставкой возиться не хочется. Надо перебить аппетит, да лечь спать. Пока закипал чайник, Витя залез на табурет, внимательно оглядел верхние полки и нашёл смотанное в плотный рулон небольшое красное ватное одеяло. Развернул, пощупал – наполнитель превратился в неровные комки. Судя по всему ему уже много лет. Но, в любом случае, это отличная находка, которая не даст окоченеть во время сна. Закипел чайник и Витя, составив пару стаканчиков один в другой, налил кофе, насыпав побольше сахара, чтобы меньше чувствовать противный вкус. «Трльнь» – проиграла арфа на телефоне, сообщая об

смс. Витя глянул на экран и ошарашенно присел.

«Витька, с ДР! Пусть всё будет как ты хочешь!» – прочитал он сообщение от Веры. «Не понял» – подумал он, прокручивая в голове последний разговор с Костей. Друг его не узнал, разве не значило это, что мир поменялся и они больше не друзья? «Трлынь» – ещё одно: «П.С. Костя вчера вернулся, но он какой-то странный, приедь как можно скорее». Вчера, вчера... Вчера было... Витя глянул на экран смартфона, когда он в Хрониках, время в реальности не движется, а оттого внутренние часы напрочь сбились. Девятое октября. А Геннадий без сознания был, кажется, шестого или седьмого. «Блин!» – вскочил Витя, сотрясая воздух руками. «Ну нет!» – взмолился он к потолку, внезапно осознав, что самосожжение сектантов не имеет отношения к исчезновению людей. Он рассерженно плюхнулся на диван и пролистал новости. «Чёрт, чёрт!» – швырнул телефон и ударил несколько раз кулаками в бёдра. Всё так – двенадцать тысяч сектантов в разных странах устроили ритуальное самосожжение шестого октября. А значит, и Оксана, и её полуторагодовалая малышка, и Костя мертвы. Безвозвратно. Его обманули! Все обманули! «Какой я идиот, – подумал Витя, закрыв лицо руками, – кретин». В бешенстве, сопровождая новости громкими ругательствами, он вскочил, принялся сотрясать воздух руками, бить кулаками по ногам, ладонями по лицу, задаваясь вопросами, на которые не знал ответа. «Всё, что я вижу, – пронзили голову слова Велеса, – произошло из мо-

ей личности». От этой мысли истерика мгновенно прекратилась. Он остановился перед закрытыми окошками под потолком. На фоне фиолетового неба плывут зловещие, почти чёрные облака. «Стоп, – подумал он – но если Костя, – Витя всхлипнул, – мёртв, то кто вернулся к Вере?». Он схватил смартфон и написал, что будет через час, но Вера ответила: «вроде не критично, давай утром».

Хлеб и паштет согрелись до комнатной температуры, и Витя решил всё-таки поужинать. Если с Костей разбираться завтра, то сегодня ещё можно сделать что-то хорошее. Например, поспать и наладить психическое самочувствие. «День выдался тяжелый, насыщенный событиями и в реальности, и в хрониках» – уговаривал он себя, пережевывая бутерброды с лёгким запахом плесени, незаметной для глаза, но ощутимой на вкус. Витя решил хотя бы попробовать отдохнуть. Положил красное неравномерно наполненное одеяло на диван, рюкзак под подушку и взял телефон в руки, чтобы сразу же ответить если будет что-то срочное. Закрыв глаза и с испугом резко открыл, вспомнив кошмарное видение когда его, маленького ребёнка, оскорбляли и толкали. «Прошлое прошло» – подумал он и снова прикрыл веки. Под одеялом было тепло и уютно несмотря на неудобный диван. Витя вспомнил, как переехал жить к бабушке лет в пятнадцать, а мать и рада была. Бабуля выделила ему комнату, а сама перебралась в зал. Она никогда не входила без спроса, всегда стучала и Витя чувствовал себя в безопасности. Он

мог спокойно вести дневники, не боясь, что мать заберет тетрадки и разорвет на мелкие кусочки, мог слушать любимую музыку и даже приглашать друзей. Сейчас, несмотря на обстоятельства, было так же тепло и уютно как тогда, когда он первый месяц жил у бабушки.

«Айн, цвай, драй» – с нарастающей громкостью завибрировал телефон. Витя резко дёрнулся и открыл глаза, поднимая красное одеяло в поисках устройства. Неизвестный номер. Он протянул зелёную иконку влево и пару раз зажмурил глаза, настраивая фокусировку зрения. Серый дневной свет проникал через небольшие окошки. Похоже, он всё же вырубился.

– Добрый день, Виктор Лимов. – раздался серьёзный мужской бас.

Витя насторожился и пробурчал ответное приветствие.

– Вас беспокоят из психиатрической больницы святого Николая Чудотворца.

– Да? – вопросительно ответил он.

– Дело в том, – замялся мужчина, – что ваш дедушка, Лимов Василий Андреевич сбежал из палаты. Такого раньше никогда не бывало, – начал оправдываться он, – Мы приложим все усилия, чтобы исправить ситуацию как можно скорее.

– А мой номер у вас откуда? – озадачился Виктор.

– Вы же сами..., – удивился мужчина, – оставляли при

посещении.

Точно! – вспомнил Витя. Когда они с Геннадием посещали Учителя, то в книге посещений записали контакты для связи в случае необходимости. «Блин» – мысленно воскликнул Виктор, сопоставляя факты и быстро ответил:

– Я понял. Держите в курсе, всего доброго, – и не дожидаясь ответа, сбросил.

Неужели Костя – это Учитель? То есть, эта тёмная сущность сначала прикинулась душевнобольным, а потом, когда мир дедули и память о нём стёр Велес, каким-то образом выбралась из психушки? «Но если, – в ужасе разворачивая цепочку дальше, думал Витя, – всё так, то Вера в опасности!». Он схватил телефон и написал девушке, что будет в течение часа. Она ничего не ответила и Витя судорожно схватил рюкзак, в спешке глотнул кипяченой воды и выбежал из каморки инженера, второпях закрывая раздражающие замки. «Лишь бы не опоздать» – думал он, торопливо вызывая такси. За пятнадцать минут добрался до дома друзей, к счастью, Вера была дома и открыла подъездную дверь. Стремительно, перешагивая ступени Витя забежал на пятый этаж и запыхавшись, позвонил в дверь.

– Здравствуй, друг, – расплылся в ехидной улыбке Костя и Витя по этому выражению лица сразу понял, что оказался прав.

Они постояли несколько секунд молча, схлестнувшись взглядами. Изучая друга, Виктор подметил, что даже мелкие

детали, такие как родинка над бровью и слегка опущенный левый глаз совпадают. Не будь они друзьями столько лет, не отличил бы от настоящего Костика, но выражение лица, манера речи... – всё другое. Такое же, как у двойника дедушки – Учителя.

– Ну проходи, – слащаво пригласил Костя, – Верочка тортик испекла, чаю поьем.

Из-за спины друга, вернее, его двойника, выглядывала озадаченная девушка. Она напряженно помахала рукой и ушла на кухню. Витя ступил за порог и прикрыл за собой дверь. Он глянул в сторону комнаты, прислушался и убедился, что ближайшие несколько минут девушка не вернется в прихожую. Витя подошел вплотную к Константину и, наклонившись, так как друг был ниже ростом, сцепив зубы, прошептал:

– Урод, ты что тут делаешь?

Тот ничего не ответил, только улыбался во весь рот, обнажив не очень ровные зубы будто в оскале. Костя никогда так не делал, ему было стыдно выставлять напоказ такой, как он выражался «ужас».

– Вали отсюда! – он жёстко, с отвращением толкнул Учителя в грудь.

– А ты не допускал мысли, – по-детски надув губы тихо ответил тот, – что я могу измениться, стать хорошим? А, ты думал, наверное, – он пожал плечами, – что я сошёл с ума? – Учитель громко расхохотался и, услышав тихие ша-

ги Веры, добавил, – пойдём пить чай, – он наигранно дружелюбно хлопнул Витю по плечу, – дружище. Нам столько нужно обсудить!

Девушка вышла, вытирая мокрые руки о разноцветный фартук и внимательно поглядывая на обоих. Пока Витя раздевался, Костя обнял Веру за талию и плавными движениями стал поправлять её волосы, ласково приговаривая «какая же ты у меня всё-таки хорошая». Вскипая от злости, Виктор сжал один кулак и будто бы случайно зацепив Учителя плечом, прошёл на кухню. Вера уже позаботилась обо всём – разложила по тарелочкам шоколадно-бисквитный торт с белым кремом, налила чаю и поставила сахарницу. Прокручивая в голове возможные сценарии, Витя ковырял чайной ложкой угощение. Сказать Вере, что это не Костя? Тогда надо будет говорить, что друг погиб. Да и какой человек в здравом рассудке поверит, что некто может перевоплощаться в любых людей? Нет. Надо каким-то образом раз и навсегда избавиться от этого подлого сгустка энергии.

– Мне кажется, – философски начал Константин разговор, активно пережевывая торт, – что ты, Витька, просто предпочитаешь видеть удобные объяснения и бездействовать.

Виктор с лязгом бросил ложку на блюдце, отчего Вера слегка подпрыгнула.

– А надо, – как ни в чём не бывало продолжил Учитель, отделив часть бисквита, – надо видеть возможности. Если

ты понимаешь, о чём я, – он подмигнул, нахально усмехнувшись.

Раздув ноздри и вяло пережевывая шоколадный торт, который встал комом в горле, Витя сделал глоток чая. «Возможности? – подумал он, слегка успокоившись, – Ну ладно, будут тебе возможности!». Обида на весь мир вдруг прошла, будто Учитель случайно задел у него в душе какой-то переключатель. На смену бессилию и растерянности пришла решительность.

– Костик, Вера, слушайте, – начал он, – я собственно, что хотел спросить, – он почесал бороду. – Меня мать из дома выгнала, а квартиру Оксана отработала, – он демонстративно-притворно вздохнул, – можно я у вас поживу недельку пока не найду что-то?

Глянув на Веру, он подметил, как она с облегчением улыбнулась и медленно прикрыла глаза, как бы выражая благодарность, и понял, что наконец-то, сделал свой первый правильный шаг.

Сославшись на какие-то чрезвычайно важные дела по работе, Константин ушёл из дома, на прощание сказав Виктору «Вечером поговорим об условиях» и скривился в ехидной улыбке. И о чем он говорил – о совместном проживании или о том, чтоб исчезнуть из жизни Веры, неясно. Закрыв дверь, девушка повернулась со слезами на глазах и, робко присев на кухне на краешек табурета, рассказала о странностях Кости. Когда он появился, Вера, конечно, обрадовалась, бросилась на шею. От него пахло какой-то больницей, но она списала это на реабилитационный центр и отправила его принимать душ. Никакой еды кроме овощей, дома не было и когда Костя искупался, она предложила подождать немного пока приготовит его любимой еды, в морозилке было мясо. Но он отказался и попросил овощи, сопроводив это фразами вроде «ради тебя я согласен есть что угодно». И сначала Вера обрадовалась, расценив это как знак внимания и извинения за отсутствие. Но когда он назвал её «мой баклажанчик», Вера испытала странное чувство. Внезапно показалось, будто к ней вернулся совсем другой человек. Выглядит как Костик, а ведёт себя совершенно иначе, будто душа у него другая. Но самое странное и пугающее, что он не спит. Вера дрожащим голосом рассказала, как проснулась ночью, пошла на кухню попить воды, а он стоит спиной к окну и глаза закатились так,

что только белок видно. Она вскрикнула, Костя судорожно дернулся пару раз, зрачки выкатились и завращались быстро-быстро, а потом остановились на ней. И после этого он лишь просто ей бросил – «Почему не спишь?», будто ничего странного не произошло и всё в порядке. Потом проводил, точнее даже выпроводил, Веру до комнаты и закрыл дверь. Она легла, не могла заснуть, решила почитать книжку, но услышала как Костя ходит по квартире туда-сюда, туда-сюда. Вера привстала на цыпочках, приложила ухо к двери, а он бубнит странные слова на иностранном языке, похожем на мурчание. Единственное, что смогла различить – слово «Хронико», его повторял чаще остальных.

– Витя, – взмолилась она, – скажи что это пройдет, прошу тебя.

– Прости. – он отвёл взгляд и повторил почти шёпотом, – Прости.

Девушка молчала и Виктор просто физически прочувствовал, как из её глаз исчезает надежда. Через мгновение Вера уже смотрела в пол пустым взглядом. Виктор пододвинул стул ближе и взял её за руку.

– Вера, – она подняла голову и Витя серьёзно, уверенно глядя в глаза сказал, – Обещаю тебе, слышишь? – потряс её ладонь, – Нет, я клянусь, что найду способ вернуть всё на свои места. – Он сжал руку крепче и добавил. – Чего бы мне это ни стоило.

Девушка снова промолчала и когда Витя отпустил её ла-

донь, та вяло упала ей на коленку...

Хорошо, что ребята живут в трёшке и обычно одна из комнат свободна. Витя уточнил там ли будет жить и Вера легонько кивнула. Он зашел в новое обиталище и, прикрыв дверь, сел на кровать. По размеру комната напоминает спальню в его квартире, но мебель новее. В небольших комнатах старых домов не так много вариантов расставить мебель с учетом расположения дверных проёмов, окон и труб отопления. Оттого большая часть жилищ похожи друг на друга. Но, наверное, это и хорошо, всегда чувствуешь себя в гостях как дома. Передохнув немного и собравшись с мыслями, Витя достал из рюкзака стопку копий дневников. Впервые он испытывал к этим белым бумажкам приятные чувства, даже некое уважение, а не злость или ненависть. Он подержал листы в руках, легонько поглаживая и стыдливо радуясь, что они всё же сохранились. Что-то его зацепило в последнем разговоре с Велесом. Наверное, намёк на то, что он ищет пути отступления. Нет, не так это! Совсем не так. Просто... просто в какой-то момент его фокус сместился, стали важны более реальные, осязаемые вещи, а не весь этот фантазийный мир. И что же тут постыдного? Каждому ведь хочется, чтоб было «как у людей», по-человечески, по-нормальному. Вот только одного он не учёл, одну маленькую, крохотную деталь. Если ты сам не такой, как все – то нормальная жизнь не для тебя. Витя рассмеялся от внезапно понятой простой истины – то, что мать, бабуля, Оксана, препода-

ватели, учителя в школе, одноклассники и одноклассники, просто знакомые и товарищи называют «нормальным» – не его клетка, не его шаблон жизни, которому он обязан следовать. «Каждый, – вслух, посмеиваясь произнёс он, – ходит под своим небом, – застыл в улыбке и добавил, – но их небо – не моё». Витя положил подушку к стене и, облокотившись на неё, сел в позе лотоса. Теперь он держал стопку листов как нечто святое, как единственную непреложную истину его жизни. Он почувствовал как от страниц повеяло теплом и энергия, словно спокойный поток воды движется из каждого написанного слова, из каждой буковки и поднимается через руки, грудную клетку по позвоночнику прямо в голову. Витя, улыбаясь, прикрыл глаза и представил, что пустая до этого головешка заполняется тёплым белым светом, уничтожая непроглядный мрак его души. Он плавно вдохнул и выдохнул, прокрутил в голове задачи, которые должен решить. Сначала – логи ошибок для Велеса, чтобы починить миры. Дальше – переместить записку в миры Геннадия, во все, которые увидел, раз не знает конкретного. И потом – узнать про точки восстановления миров, о чем мельком говорил инженер.

«Я» – Вдох.

«Тритон» – Выдох.

Вера вышла из кухни и медленными шагами прошла в свою комнату. Легонько хлопнула дверью и закрылась на защёлку.

Вдох.

Выдох.

За окном множество звуков – в детском саду во дворе весело кричат дети, ветер осторожно кружит листья, проходящие по тротуару люди, обсуждают последние новости.

Вдох – раз, два, три, четыре.

Выдох – четыре, три, два, один.

Звуки его не касаются. Он в огромном коконе, которые не пропускает шум. Он на дне океана, сидит на камушке и наблюдает за живым, активным подводным миром. Он – Тритон.

«Хочу попасть в Хроники Вечности» – Вдох...

Витя оказался в уже привычном тумане, но на этот раз слегка розоватого оттенка. Он пристально посмотрел на металлическую дверь и мысленно сказал себе «что бы там ни было, я больше не боюсь» и быстро прописными буквами написал пароль. Лепестки дверного объектива с гулом зашевелились, сегодня вроде бы быстрее, чем обычно. Уже через пару секунд Виктор сделал широкий шаг в темноту и, улыбаясь, остановился. «Уже лучше» – подумал он, щурясь от яркого солнца. Деревянные дома не стали ровнее, высоченные деревья с тёмными стволами не исчезли, да и вороны не перестали по-человечески кричать, но было светло! Голубое глубокое небо время от времени перекрывалось белоснежными пушистыми облаками и дул лёгкий тёплый ветерок. Косые избушки превратились из пугающих монстров с пу-

стыми глазницами в страдальцев с разноцветной потрескавшейся краской. Витя запрокинул голову и с облегчением выдохнул. Наслаждаясь прекрасной погодой и кривляя ворон, Витя дошёл до ровного, в сравнении с остальными, домика. На этот раз, рабочее пространство порадовало его больше. Даже на шаблонное приветствие от голосовой помощницы он ответил «Спасибо» и пожелал ей хорошего дня, ненадолго потом задумавшись, а бывают ли в Хрониках вообще рабочие дни.

– Что такое вечность? – спросил Витя, желая чуть лучше разобраться в системе.

– Вечность – это закольцованное время. – безэмоционально отрапортовала помощница и добавила, – человеческий разум не в силах осознать сути этого понятия. Вам лучше просто выполнять работу.

Витя недовольно хмыкнул. Ну ладно, может электронная леди и права. В конце, концов, задач и правда достаточно. Он запросил состояние миров, потом логи об ошибках. Первый раз выполняешь задачу – учишься, второй – повторяешь, а третий – уже выполняешь привычное действие. Не оказалось во Вселенной ни единого мира, не подлежащего уничтожению в ближайшие месяцы – все на обратном отсчете, одни раньше, другие позже. М-да, пугающая ситуация. Видимо, и правда, какой-то глобальный сбой. Витя запросил сразу все логи об ошибках и ощутил себя в разноцветном нескончаемом тоннеле – миллиарды линий кружили вокруг него. Из-за

деревянной крыши своего рабочего домика, он не видел насколько высоко простирается колодец, а потому мог не расплыть фокус и поочередно обрабатывать полоски для группировки по разным показателям. «А если...» – подумал он и сказал голосовой помощнице:

– Трансформировать линии в буквы.

Замысел удался, но не полностью. Он увидел незнакомые символы, похожие на арабский и скомандовал перевести на русский. «Ооо, – восхитился он, – другое дело» и принялся изучать текст. Красным цветом в большинстве случаев были ошибки вроде «Предмет 124244673623, расположенный в 59.21.10.10.05.1990Д, планета Земля, координаты 55°45'20.9916"N, 37°37'3.6228"E, 23343мм противоречит законам жизнедеятельности мира» или что-то о превышении энергетического баланса. Вариаций для ошибок, окрашенных оранжевым, оказалось больше, например, «Чрезмерное влияние мира 12.20.02.03.01.1892С на сценарий развития 55.34.26.12.10.1963Е, прогнозируется перемещение энергии», «Личность 32.04.06.31.07.1965К развивается нелинейно, прогнозируется нестабильность мира», «В 17.57.01.02.05.1991А прогнозируется физическая травма собственника» – тут он хотя бы нашел несколько схожих ошибок с разными номерами миров, но вот с жёлтым цветом, похоже, каждая ошибка была уникальна. В них он встречал незнакомые слова, например, только из согласных букв, что невозможно прочитать даже мысленно, а уж тем

более, произнести. Мелькали длинные описания каких-то систем с рекомендациями и многие строки были со словосочетанием «энергетические линии». Вскользь проглядывая ошибки с низким приоритетом, Витя вспомнил безумного инженера. «Скорее всего, – он выдвинул смелое предположение, – его способности были просто жёлтой ошибкой». В глазах уже рябило от длительной фокусировки зрения на разноцветных строчках текста, Витя закончил группировать по оставшимся признакам и уставшим голосом сказал «отправить Велесу логи и открыть дверь в наблюдательный центр».

Отойдя к стене, Витя наблюдал как лепестки-ножи закрывают окна миров и открываются снова. Двадцать восемь окошек с одинаковыми номерами, отличающиеся только буквами. Ну и содержимым за ними.

– Отобразить собственника мира, – скомандовал Виктор и все иллюминаторы, слегка помельтешив разными изображениями, показали седовласую полноватую женщину. «А, – вспомнил Витя, – настоящих людей может быть несколько» и добавил, – Следующего, – появился мужчина, похожий на безумного инженера. Виктор прошелся вдоль окон, каждый в одежде имеет что-то желтое, ну точно Геннадий.

Витя уточнил у электронной помощницы как определить идентификатор предмета, оказалось всё крайне просто. Нужно ткнуть пальцем на экране в нужный объект и просто сказать «отобразить айди». Он запросил отображение собственного мира на следующем стекле после иллюминаторов Геннадия и попросил найти владельца.

– Собственники не найдены, – отрапортовала девушка.

– Не понял, – прокомментировал Витя, скорее себе, чем помощнице.

– На текущий момент собственники отсутствуют в текущем мире, – прокомментировала электронная леди.

«Так, ну допустим, – начал размышлять Витя, – меня не

показывает потому, что я в Хрониках, а остальные?». Он передернулся всем телом и с омерзением вспомнил убийства на экранах во время семинара Учителя. Витя закрыл рот рукой, стараясь сдержать нахлынувший приступ тошноты от ярких картинок в воображении. Но, кажется, они говорили, что нашли не всех, оставался ещё один. Где же тогда он, другой настоящий человек? Виктор нервно огляделся, подумав «Он что, тоже... тут?». Одернул себя от излишних фантазий и додумываний, поставил в памяти засечку узнать у Велеса о других людях, имеющих доступ к Хроникам и попросил голосовую помощницу показать квартиру Веры и Кости. Назвал адрес и наконец-то нашёл себя – обездвижено сидит с закрытыми глазами, облокотившись на стену. Под поясницей подушка, а в руках стопка белых бумажек. Он улыбнулся, глядя на собственное умиротворённое лицо и нашел на кровати смятую записку Гены, которую специально положил рядом с собой.

– Отобразить айди, – строго сказал Витя и на экране появилась многозначная цифра. Витя пытался сосчитать количество символов, но сбился после двадцать пятого, когда оставалось ещё примерно столько же, если не больше. Он метнулся к первому экрану мира Геннадия, нашел нечто, похожее на стол – стеклянную поверхность, парящую в воздухе.

– А как переместить предмет, не называя идентификатор? – спросил Витя у помощницы и объяснился, – там

слишком много цифр, велика вероятность ошибки.

– Любым пальцем правой руки, удерживая, нажмите на предмет. – ответила на удивление вежливая сегодня девушка, – Появится текстовое меню. Выберите «Копировать» или «Вырезать». В нужном месте любого мира повторите операцию, но укажите «Вставить».

«А, – обрадовался Витя, – хорошо, что всё так просто» и восторженно побежал к окошку в свой мир. Он один раз скопировал бумажку и поочередно подходил к каждой вариации мира Геннадия, находил рабочую поверхность похожую на стол и нажимал «Вставить». Интересно, что в каждой реальности итоговый предмет, записка Геннадия, выглядел иначе. Где-то как микрочип или маленький планшет, где-то как деревянная дощечка, а в одном мире записка превратилась в переливающийся пурпурный шар, зависший в воздухе. Закончив с перемещением предмета в последнюю реальность Гены, Витя радостно похлопал самому себе в ладоши и попросил девушку связаться с Велесом. Если всё пойдет по плану, то за один визит решатся все проблемы. И почему он раньше этого всего не сделал? Всё ведь так просто и, к тому же, интересно. Через несколько минут Витя услышал «Жди» голосом Ивана. И ничего больше. Сколько жди? Где жди? Зачем жди? Он недовольно скривился. «Будто только у Великого Велеса дела есть, а у других нет. – Мысленно пожурил он начальника, чувствуя себя мальчиком на побегушках и буркнул под нос, – Ладно, жду».

Витя повернулся к блестящей стене и провел по ней пальцем – гладкая и прохладная как сливочное масло. Он глянул по сторонам – ни единого соединения, длинющий лист металла. А вот на полу прямоугольники бронзового цвета, по краям которых кругленькие заклёпки. Витя задумался и спросил у голосовой помощницы:

– Где находятся центр управления мирами и Хроники Вечности?

– Везде, – ответила она, – это распределенная система, не привязанная к какому-либо конкретному положению.

«Ну да, – вспомнил Виктор, – в памятке было что-то такое».

– А, скажи, помощница, у всех существ двадцать восемь миров? – Решил он скоротать время и поиграть с девушкой в вопросы-ответы.

– Нет.

– Почему же тогда у Геннадия, – он осёкся, его ведь могут звать по-другому в иных реальностях, прочитал номер на одном из окон и уточнил, – почему у мира 21.10.13.02.11.1947 столько вариаций?

– Собственник обладает большим запасом энергии и не имеет ограничений воображения или разума.

Витя не понял как одно связано с другим и задумался над формулировкой следующего вопроса, но метрах в трех от него появилась белая пластиковая дверь с большой ручкой, над которой замелькал в воздухе зелёный текст «Три-

тон, входи». Он махнул рукой собственным размышлениям и откликнулся на приглашение. Как и в прошлый раз при визите в интерфейс Хроник Ивана, Виктор оказался в поле с небольшой деревенькой на холме. Только вместо солнечной доброжелательной погоды, моросил противный мелкий дождь. Витя прикрыл голову руками и быстро шагая через траву, побежал к избушке, из трубы которой шел дым.

– Ты извини, – устало поприветствовал его Велес, – хотел сначала все ошибки исправить. И смотри, – он махнул рукой в окно, – пока работал, расстроился, что их так много и погоду испортил.

Виктор глянул на уныло глядящего в окно Ивана и самому сделалось тоскливо.

– Ну, – пожал плечами Витя, сев на лавку, – Зато ты дело хорошее сделал. Миры починил. – Он неловко улыбнулся и добавил, – Скольким людям спокойную жизнь вернул!

Велес скептически промычал, потом выдохнул и глянул на Виктора:

– Что у тебя? Ошибки, кстати, неплохо обработал.

– Я хотел спросить, – неуверенно начал Витя. – Я знаю, – он замялся, – вернее, мне сказали, что у миров есть что-то вроде бекапов.

– Ну и? – Похоже, Велесу эта тема не особо понравилась.

– И, – Витя почесал висок, – я хотел бы откатить изменения в своём мире.

Велес засмеялся и прицокнул.

– Типичный новичок. – Глянул в сторону и спросил, – И почему? Девушка к другому ушла или с кем-то поссорился?

– Нет! – оскорбился Витя, восприняв вопросы как насмешку, – Люди погибли. Много. – И после паузы добавил. – И мой лучший друг.

Велес поднял голову и в задумчивости почесал шею.

– Ты же понимаешь, что они в своих мирах живы? – он развел руки, пожав плечами.

Витя кивнул, ожидая конкретного ответа.

– Много – это сколько? – уточнил Велес.

– Около двенадцати тысяч.

Иван присвистнул и, пощелкивая пальцами, начал рассуждать вслух. Из его монолога Витя понял, что для создания образов в других мирах, используется частица энергии собственника и если это происходит при инициации мира, то расход небольшой. Но когда это неестественное вмешательство, настоящий человек лишается внушительной части, сильно влияющей на его жизненный баланс. Если установленная гармония нарушится, жди волну ошибок по всем мирам.

– Нет, – резюмировал Велес, – я не буду перезапускать твой мир.

Витя крепко сжал челюсть и насупился.

– Ты админ, – глядя на недоброе лицо Вити, решил он объясниться, – Вот смотри, – он громко цокнул, – ты прошел путь, исправил ошибки, откатываемся назад и свою работу,

получается, ты там не делал. И я опять ставлю на паузу твой мир. – он начал загибать пальцы, – ты снова ищешь пароль, проходишь ЗОЖ, познаёшь себя и всё такое, а я, – он сделал взрыв руками, – работаю, работаю, работаю, – Велес три раза хлопнул ладошкой по столу и добавил, – и схожу с ума от этого безумия.

За неимением аргументов в свою пользу, Витя промолчал. В общем-то да, о последствиях он совершенно не думал. Прокрутив слова Ивана ещё раз, в нём затаилось необъяснимое чувство подвоха. Но что может быть не так? Все фразы выглядят логичными. Если он возвращается в прошлое, то совершенные поступки тоже откатываются назад, логично. Но с другой стороны... Ошибки он исправлял в Хрониках Вечности, в которых время должно представлять собой нечто иное, разве нет? Велес внимательно разглядывал линии на ладонях рук. Витя прищурился и хитро улыбнулся.

– А если, – Витя выдержал театральную паузу, – я буду в Хрониках, когда ты запустишь мой мир с бекапа?

Иван наклонил голову и скривился.

– Я не пойму, – он встал и глянул в окно, – тебе совсем плевать на другие миры?

– Нет, – недовольно ответил Виктор.

«Арина, завершить сеанс связи с Тритоном» – скомандовал Иван и Витя, не получив ответа на своё предложение, увидел темноту и ощутил себя сидящим на кровати в позе лотоса. Он чертыхнулся и крепко сжал стопку белых ли-

стов, обещая себе, что не оставит попытки вернуть свой мир в прежнее состояние.

Константин приехал к ужину неестественно жизнерадостный и разговорчивый. Он чмокал аккуратно отворачивающуюся Веру в щёку и крепко обнимал за талию, сопровождая это всё слащавыми комплиментами. Девушка приготовила крем-суп из шампиньонов и позвала всех за стол. Виктор старался разглядеть существо, скрывающееся под личиной друга, а девушка внимательно разглядывала кусочки грибов, мелькающие в тарелке, стараясь не смотреть на Костю, который то и дело отпускал ей воздушные поцелуйчики. Витя закипал всё больше и больше, злясь то на Веру, то на перешедшего все рамки дозволенного, Учителя. Последней каплей стала попытка Константина усадить девушку себе на колени. Витя резко вскочил, зацепив стол, от чего чуть не перевернулись уже стоявшие там чашки с горячим чаем и сжав кулаки посмотрел на якобы друга. Вера испуганно отошла ближе к окну и, всхлипывая, закрыла рот рукой.

– Нам с Костей нужно поговорить, – серьезно сказал Витя, кивая девушке в сторону двери.

Долго уговаривать не пришлось, она метнулась в другую комнату, суетливо добавив «На работу рано вставать. Спать пойду. Закрою дверь». Витя присел на табурет и, услышав, что Вера захлопнула дверь и провернула замок, раздув ноздри, сжал перед лицом Учителя кулак. Тот улыбнулся, при-

щурив глаза.

– Я же могу, – протянул Костя, – сказать, что он умер. – И с насмешкой добавил, – А ты её обманул.

Ничего не ответив, Витя стукнул кулаком по столу.

– Ну а я, например, его брат, – продолжил Учитель, – близнец! – Он безумно расхохотался.

– Чего ты хочешь? – с ненавистью спросил Виктор, глядя в пустые глаза, не выражающие никаких человеческих эмоций.

– Ну, – Костя почесал подбородок, – я уже вошёл во вкус человеческой жизни. – Он глянул в коридор и растянулся в улыбке, больше напоминающей оскал.

– Ты не понимаешь, – шёпотом сказал Витя, стараясь не поддаваться на провокации, – что не можешь вернуться к себе? Твой мир погибнет если я тебя перемещу.

Учитель зашипел, от чего мелкие брызги слюной полетели в разные стороны и ничего не ответил. Витя попытался предложить ему альтернативные варианты вроде перемещения в какой-то другой мир, где его никто не знает и он снова станет звездой, бороздящей космос. Но Учителя уже не устраивали такие решения.

– Я ведь благодаря тебе стал таким, – философски прокомментировало существо в образе друга свою несговорчивость, – мерзким, скользким, неприятным. Таким же как весь твой мир, полный пассивных, ведомых людей, ищущих спасения от неизвестно чего.

На долю секунды Вите показалось, что в глазах Кости мелькнуло сожаление и тоска.

– Они не хотят ничего решать, не хотят признавать правду, им лишь бы за кем-то идти. И я, – он махнул руками вдоль груди, – Великий Учитель собственной персоной, избавил... сколько там? – Он глянул вверх, – А, двенадцать тысяч, около того, – Костя говорил так, будто жизни людей ничего не стоят, – Ну, неважно. Они просто избавились от лишнего – от жизни.

– Да как ты...? – начал было Витя, но Учитель шикнул на него и успокаивающе помахал ладонью.

– Я был столькими людьми... – появились даже нотки боли в его голосе, – узнал столько тайн и секретов, о которых они сами даже думать боялись. Вот ты знал, например, – Он глянул Вите в глаза, – Что твой друг, Константин, – пафосно, по буквам произнес он имя, – рассказал твоей барышне про тайную организацию «Вечность», желая доказать, что ты нормальный?

Витя недоумевающе пожал плечами не видя ничего страшного в таком факте.

– Ой, ну умора, – он слегка подался назад, – думаешь, что ничего страшного? Так она, – улыбаясь сказал Учитель, – пошла разбираться, дурочка. Угощение скушала и финита ля комедия, добро пожаловать в строй. Так что! – он театрально пригрозил пальцем, – смерть Оксаны и её маленькой, ни в чём неповинной девочки, тоже на твоих руках!

Закрыв глаза, Виктор говорил себе успокоиться, не реагировать ни на какие громкие заявления существа из иной реальности. Ну да, может в его мире и правда много ведомых людей, которые не хотят нести ответственность, но это не значит, что их жизнь ничего не стоит. «Так, – одернул он себя, – успокоиться, а не накручивать!». Витя открыл глаза и холодно глянул на Учителя. Интересно как – даже с идентичной Косте внешностью, он не воспринимает это существо как друга. Всё же, главное – какая-то незримая, духовная связь с человеком. И дело не только в манере поведения, жестах или интонации, дело, видимо, в энергии. Витя вспомнил волшебные розовые очки Геннадия и подумал, что с Костей у него, наверное, была толстая соединяющая нить, которая с каждым годом только всё больше укреплялась. «А вот это, – подумал он, с презрением глядя на Учителя, – черная дыра. Я помню».

– Чего ты хочешь? – повторил Витя вопрос.

– Я хочу, – придвинулся Учитель ближе, громко царапнув ножками стула пол, – уничтожить полностью твой гадский мир, до самой последней веточки дерева, – он снова оскалится, – до последнего человечка, – безумно выпучил глаза, – чтоб ты остался совершенно один в этом пустом бессмысленном пространстве, – резко отодвинулся и с жизне-радостной улыбкой закончил, – и раствориться в Хрониках, не имея больше никаких названий.

«Снова сошёл с ума» – резюмировал Витя, но всё же спро-

сил:

– Чем я тебе так насолил? Почему я?

Учитель встал, повернулся к окну и не глядя на Витю ровно произнёс:

– И мы бежим от того, чтобы вспомнить о потерянной возможности вечной жизни, мы лелеем боль и страдания, мы убегаем от самих себя, каждый день, каждый час... Мы ищем смысл этого бытия и совсем не понимаем, что нам нужно стремиться к осознанию, к осознанию самих себя, иначе – окончательная смерть. Мы были мыслью, энергией, нам нужно делать все, чтоб не убивать в себе это. Забыть о названиях и понятиях, стать ничем и всем одновременно.

Витя хмыкнул и странник повернулся:

– Из-за тебя я стал человеком. – Он прикусил губу, – В нашем мире это равнозначно вашей смертной казни. Ты не осознаешь, как живёшь и не ведаешь, что творишь. Ты наказал безвинного, а теперь, – он пожал плечами и развел руки, – теперь я вершу возмездие.

Сделав долгий выдох, Витя ещё несколько раз попытался договориться с Учителем на каких-то взаимовыгодных условиях, но тот лишь несколько меняя формулировки, отвечал одно и то же. Потирая глаза, Виктор пытался найти хоть какой-то возможный вариант заступиться за Веру, ведь она единственная, кто у него остался. Они вместе с Костиком и Оксаной частенько прогуливали пары даже учась в разных университетах, бродили по паркам. Нерушимая четвер-

ка. Вера уходила раньше всех домой и тогда они прозвали её «невидимая леди». Бывает в парке кто-то из знакомых спросит где она, а они отвечают «да вот же, рядом стоит» и смеются, обращаясь к якобы присутствующей девушке. Витя устыдился, вспомнив, что был негативен по отношению к Вере, лицемерил даже, за спиной уговаривая Костика не сходитьсь с ней. Глупый, предвзятый мальчишка, не видящий правды. И сейчас Вера – единственный близкий человек, жизнь которого пока ещё не пошла под откос по вине Вити. Смелое заявление, конечно. Её вторая половинка, будущий муж, с которым они несколько раз пытались спланировать свадьбу и не договорившись, откладывали на следующий год, её любимый человек... мёртв. А вместо него пришелец из другого мира. Хотелось бы, чтоб это был сюжет из кино или романа, но это, черт подери, реальность. М-да. Тогда скорее так – единственный близкий человек, жизнь которого ещё можно спасти. Родной, понимающий, светлый человек, который помогает не погаснуть желанию всё починить.

– Другие люди, – сказал Витя, громко сглотнув, – не должны отвечать за мои ошибки.

– Ааа, – воскликнул Учитель, подняв палец вверх, – мысль хорошая. Но нет. Разговор окончен.

Несколько минут, сёрбая уже холодный чай, Витя посидел на кухне и точно осознав, что больше диалога не получится, ушел в свою комнату. Прикрыл дверь, но не плотно – чтобы если что быстро среагировать. Мало ли что Учителю захо-

чется сделать с Верой. Нужно быть наготове. Он прилег на кровать и раскинул руки в стороны, внимательно глядя в белый потолок. «Думай, – мысленно повторял, – думай!». Бокowym зрением, Витя заметил, что экран телефона засветился. Он приподнялся на локтях и глянул на смартфон. Иван? Шевелит губами, но ничего не слышно. «А!» – понял Витя, и прибавил громкости. Велес выглядел отдохнувшим и бодрым. Когда он в таком настроении – намного приятнее общаться. Пока Витя думал в чём же причина внештатного звонка, Иван успел рассказать об изменениях внешнего вида в его Хрониках – появились маленькие плодовые деревья, а значит, скоро будет не только поле, а ещё сад и лес. Учитывая ограниченное время ставить мир на паузу, через пару минут Велес перешел к сути звонка. Он извинился за резкий отказ на перезапуск мира и объяснил, что любое действие в Хрониках требует ресурсов. Например, исправление ошибок – это не просто перемещение предметов, а четко выверенная работа с энергетическим балансом. Все миры должны находиться в гармонии, что в свою очередь создаёт порядок во всей Галактике. Любое незначительное действие может критично повлиять на всю систему. Велес признался, что ни разу не пользовался точками восстановления миров потому, что для этого грубо говоря, нужно кого-то принести в жертву – использовать настоящую сущность как источник энергии. Витя, выслушивая монолог Велеса, начинал улыбаться всё шире и шире.

– Иван, – зачарованно сказал он, выслушав до конца, – у меня есть на примете тот, кто очень хочет стать энергией.

Только Виктор восторженно начал рассказывать про Учителя и его желание стать энергией, как связь прервалась и мир запустился снова. Тишина сменилась клокотанием холодильника на кухне и шумом за окном. Витя бросил телефон и замер на кровати, стараясь расслабиться и попасть в Хроники Вечности. Сколько бы он ни старался выровнять дыхание и избавиться от лишних мыслей, ничего не выходило. То и дело, в голову лезли мерзкие картины интимной близости Учителя и Веры, по незнанию предающей настоящего Костю. Витя приоткрыл дверь, в коридоре темно, а в комнате, куда ушла девушка, виднеется тоненькая полоска света. Он подошел к двери и прислушался, легонько скрипнул диван, и в ту же секунду освещение погасло. Витя на цыпочках отошел и уверенно устремился на кухню, сделать чаю. Согревающие напитки всегда помогают организму расслабиться. Он включил свет и хмыкнув замер. Возле стола стоял Костя с белыми слегка подёргивающимися глазницами. Он не дышал, не двигался и если бы не бормотание губами и движения глаз, можно было бы подумать, что это и вовсе манекен. Жуткое зрелище для неподготовленных, но Витя предполагал, что придется с таким столкнуться, а потому выбрал позицию любознательного – тихонечко подошел как можно ближе и стал внимательно разглядывать странни-

ка, прислушиваясь к словам.

«Центр управления перенаправляет энергию и трансформирует в материю – разобрал Витя быстрое бормотание, – Вечность есть зацикленное время. Хроники – это пространство возможных вариаций преобразования энергии». Дальше Учитель перешел на другой язык с ярко выраженными ударениями, который и правда походил временами на мяу-канье. А через несколько минут он вовсе зациклился, повторяя одну и ту же фразу со словом «Хроника». Витя поднёс руки к лицу странника и громко хлопнул в ладоши, отчего раздалось эхо во всей маленькой кухоньке. Зрачки в глазах Учителя вернулись на место, он в упор глянул на Виктора и сделал звучный вдох, но ничего не сказал. Жадно глотая воздух ртом, странник начал шевелить пальцами на вяло болтающихся руках, отклонился, став на пятки, потом запрокинул голову и резко наклонился, чуть не ударив Витю лбом. Постояв несколько секунд в согнутом положении, Учитель выпрямился, неестественно изгибая руки и спросил:

– Зачем разбудил?

– Ааа, – шепотом ответил Витя, – так ты так спишь. – Набрал воды в чайник и поставил на плиту и презрительно добавил, – шёл бы куда. Ладно я тебя таким увидел, Вера пугается.

Ничего не ответив, Учитель вышел из кухни и громко топая, скрылся в ванной, заперев дверь на защёлку.

«Блин, – подумал Виктор, – совсем невменяемый». Ти-

хонько посапывая, закипал чайник. У Веры всегда был идеальный порядок, а сейчас на одном столе неубранные тарелки с уже засохшими кусками торта, а на другом хлебные крошки и грязный нож. Витя собрал посуду и поставил в раковину, нашел какое-то полотенце и аккуратно смёл мусор. Вода в чайнике активно забурлила и из носика напористо вырывался горячий пар. Кинув пару плотных шариков зеленого чая, Виктор потихонечку налил кипятка в чашку, подождал пока листья развернутся, добавил холодной воды из фильтра и вернулся в комнату. Он подтащил к кровати тумбочку на колёсиках и положил на неё копии дневников. Прихлёбывая чай, Витя разглядывал неаккуратные рисунки диких животных и растений, сделанные им в детстве. Большая часть сопровождалась текстовыми комментариями, без которых, на самом деле, было бы не разобрать сути. Например, собака с головой рептилии и птичьим оперением больше походила на лошадь с неправильной головой и кожным заболеванием, а толстая палка с крыльями и бородой оказалась летучим растением с корнями. На одном из листов красовалась почёрканная схема.

Судя по всему, он пытался составить карту центра наблюдения за мирами, но ничего не вышло. «И не удивительно!» – усмехнулся Витя, чуть не подавившись чаем. Он вспомнил одно из своих видений, в котором сверху разглядывал бесконечное множество коридоров. «Невозможно» – прочитал Виктор и незаметно для себя закивал. Трёхмерная

система не поддается такому примитивному схематическому описанию. К тому же, как он уже знает, любой мир может появиться в любом месте. Он передернулся, вспомнив острые лепестки, поглощающие иллюминаторы и вдруг ощутил себя таким ничтожным и беспомощным перед этой глобальной, продуманной до мелочей, структурой. Да и как он, простой человек, может администрировать миллиарды миров? Нельзя просто сказать «я админ» и вуаля, ты управляешь Вселенной. Это ведь ответственность. Не просто большая, огромная! И как её нести? Не заметишь, как спину надорвёшь и кости переломаешь, стараясь всем реальностям угодить.

«И всё-таки, – подумал Витя, – интересно, где эта система находится». Он большим глотком допил чай, сплёвывая кусочки листьев в чашку, потянулся и лёг на кровать, положил руки под голову и тихонько начал напевать какой-то выдуманный мотив. «Познай себя и ты познаешь мир» – вспомнил Витя чье-то изречение и схватил телефон, чтоб узнать побольше о тритонах. Оказывается, так называется не только морская ящерка, но и спутник Нептуна. Тритон – имя древнегреческого бога глубин. И даже есть бронемашина с усиленной противоминной защитой, которой дали это имя. «Вот так, – нравоучительно сказал самому себе Витя, – а ты “ящерка, ящерка”, очень неплохая компания, – и с насмешкой подметил, – если бог глубин, так значит я на дне?». Он рассмеялся и отбросил телефон. От чтения на электронном устройстве устали глаза и он прикрыл веки.

«Я» – Вдох.

«Тритон» – Выдох.

За окном тихонько завывает ветер, вдалеке несколько мужиков горланят песни, что удивительно среди недели. Соседи снизу ссорятся и хлопают дверями.

Вдох – раз, два, три, четыре.

Выдох – четыре, три, два, один.

Звуки его не касаются. Он в огромном коконе, которые не пропускает шум. Он на дне океана, сидит на камушке и наблюдает за живым, активным подводным миром. Он – Тритон.

«Хочу попасть в Хроники Вечности» – Вдох.

Вокруг плавно двигается красноватый туман, он насыщеннее, чем в прошлый раз, но не такой яркий как цветная дымовая шашка. Витя привычно подошел к металлической двери, с теплом вспомнив полуразрушенные домики и солнечную погоду. «В этот раз будет ещё лучше» – решил он и указал пароль. «Вжих» – быстрее прежнего закрутились лепестки огромного объектива двери. Витя сделал уверенный шаг в темноту и сразу закашлялся. В нос ударил едкий дым пожара. Ближайший деревянный домик горел неистовым пламенем, планируя переброситься на весь ряд неровных деревянных сооружений. Закрыв рот и нос рукой, Витя, щурясь, пробежал мимо огня как можно быстрее и дальше, пока не почувствовал, что едкий дым перестал щипать глаза. Выдохнув, он остановился и наклонился. Закружилась

голова. Витя глянул вперёд – по правой стороне метрах в двухстах, тоже горел дом. Он осмотрелся – на небе ни единого облачка, солнце подозрительно близко, такое огромное, неистово пекучее. Тропинка от невыносимой жары расплывается, а бывший когда-то зелёным дикий виноград на домиках, засох до равномерно-коричневого цвета. Отдышаться оказалось невозможно – горячий воздух обжигал носоглотку, лёгкие и выходил таким же. «Да блин!» – крикнул Витя, грозя огромному солнцу кулаком, сцепил зубы и изо всех сил побежал дальше. Когда он едва миновал второй горящий дом, сзади с гулким грохотом обвалилась крыша, перекрыв тропинку назад. Языки пламени стремительно понеслись за ним, перескакивая по высушенным растениям. Не оглядываясь Витя стремительно помчался дальше, наклонив голову, но так, чтобы не снизить видимость пути. Зато с рабочим местом на этот раз повезло больше – дом оказался кирпичным. Дернув за ручку, Витя резко одёрнул ладонь, на которой остался широкий ожог от раскаленного как сковорода, металла. Он начал инстинктивно дуть на рану, но от горячего воздуха жгло ещё сильнее. Витя сделал пару шагов назад и со всей силы, плечом врезался в дверь. В помещение не попал, но теперь вдобавок к обожженной руке, заныла от ушиба лопатка. Он остановился, нервно поглядывая в стороны, где всё большую часть неба заслонял черный дым и, глянув ещё раз на дверь, понял, что она открывается наружу. Витя приподнял футболку, обнажив торс и через ткань потянул за

ручку. Оказавшись в доме, он быстро захлопнул дверь и в ужасе облокотился на прохладную стену рядом.

– Добро пожаловать в Хроники Вечности, – будто издевательским тоном произнесла девушка.

– Связаться с Велесом, срочно! – закричал Витя, – или открой дверь в центр наблюдения!

Он прислушивался к громкому треску снаружи и то и дело щупал деревянную входную дверь. Панически хотелось убедиться, что она не настолько горячая, чтобы внезапно загореться.

– Велес ожидает, – ответила голосовая помощница и Витя, открыв дверь, стремительно понёсся по полю вдоль плодовых деревьев к домику на холме.

– Арина, материализовать в пространстве лёд, – суетливо сказал Иван, глядя на активно дующего на руку, Виктора.

На столе появился аккуратный куб льда размером с ладонь и Витя, тяжело дыша, положил на него обожжённую руку. На печке в небольшой миске стоял пирог с ягодами и симпатичными цветочками из теста. Обеспокоенный Велес, осторожно спросил:

– Нормально?

Слегка пошевелив рукой, Виктор утвердительно кивнул и робко сказал «Спасибо». Перед глазами до сих пор стояло жадное пламя и палящее солнце, а в голове треск горящих деревяшек и рушащихся домов. Стараясь выровнять дыхание, Витя закрыл глаза. Запах гари плавно сменился ароматом выпечки и он взглянул на ошарашенного Ивана, у которого судя по выражению лица, было много вопросов. На поле за окном опустилась тень от появившихся кучевых облаков. Глядя на этот спокойный сбалансированный мир Велеса, Витя обиженно поджал губы. Ну чем он хуже? Почему у него то тёмный лес, то пожар? Из крайности в крайность! Он помотал головой и решил рассказать Ивану всё так, как есть на самом деле. Сев на лавку и не убирая руку со льда, Витя начал:

– Я, – он тяжело вздохнул, – что-то делаю не так. – Ска-

зав умозаключение вслух, он понял, что окончательно и безвозвратно запутался, а Велес, судя по всему, единственный здравомыслящий человек, пусть из другого мира, но способный ему помочь.

Начал Витя с того самого дня, когда исчезли люди, рассказал про Учителя, про исчезновение родителей, про темницу и самосожжение сектантов. Иногда он прикусывал щёку, чтоб не расплакаться – когда рассказываешь все события сразу, становится ещё труднее, невыносимее. Велес то и дело прикрывал рот рукой, выпучивая глаза. Матерясь, Витя в красках описал последний интерфейс Хроник и замолчал, стыдливо глядя на Ивана.

– И что, – прищурившись спросил Иван, – людей не было, а предметы были, получается?

Ответив кивком, Витя добавил:

– И дня вообще будто не было. Это я ещё под гипнозом был, значит точно не путешествовал по Хроникам.

– Под каким гипнозом? – Удивился Иван.

Виктор понял, что некоторые детали он опустил, а нужно было всё же рассказать. Задумался, стараясь подобрать слова и дополнил историю некоторыми своими психологическими травмами из детства и, как закономерность, стремлением к нормальности.

– Ладно, – махнул Велес рукой, – это пока не важно.

Витя опешил. Откровенничаешь, выкладываешь всё самое ценное, а тебе говорят «не важно»? Похоже, он слыш-

ком испугался пожара и на адреналине преувеличил отзывчивость и способности Ивана.

– Тритон, – серьезно сказал Велес, – послушай внимательно.

Витя хотел было что-то спросить, но Иван жестом попросил молчать. Он проговорил ещё раз всю историю Виктора, уточняя верно ли понял те или иные моменты. Витя где-то кивал, где-то давал дополнения, а где-то и вовсе рассказывал заново с деталями. После этого Велес на минуту замолчал, посмотрел в окно, где уже накрапывал мелкий дождь и, стуча пальцами, сказал:

– Похоже, мир не пересобрался полностью когда у тебя исчезли люди. Я не видел таких ошибок. – и после паузы добавил, – Никогда. Даже в истории.

Витя внимательно смотрел на икону женщины с мечами, которая грустно взирала на них сверху.

– Это значит, – он легонько хлопнул, – что в нашем ЦУМе какая-то большая ошибка.

– Но сейчас ведь всё окей? – начав замерзать, Витя снял руку со льда.

Велес засомневался, но всё же ответил утвердительно и сменил тему на вопрос Виктора о перезапуске персонального мира. Он рассказал, что проанализировал статус его мира и выяснил, что уже кто-то пользовался бекапом. Он не помнил точные даты, но судя по всему, Вите было около шести-семи лет. Не глядя на Виктора, Велес добавил, что тогда действу-

ющий администратор использовал собственную жизнь в качестве источника энергии для перезапуска.

– Но ведь, – перебил Ивана Витя, – ты говорил, что прошлым админом было то ли дерево, то ли ещё кто? – поспешно задал он вопрос.

– Нет, Тритон, – он всё так же не смотрел на Виктора, – это был твой дед.

– Но зачем? – начал Витя с дрожью в сердце.

– Не знаю, – отрезал Иван, не желая продолжать тему, – Захочешь, сам поищешь в Хрониках, там все варианты, не только действительные. Вернемся.

Витя отвлечённо слушал, не задавая больше вопросов. Зачем дедуля пожертвовал собой для перезапуска его мира? Вот так поступают благородные, честные люди, а он что? Разве он достоин такого дедушки? Он ведь хочет принести в жертву невиновную звезду, странника из другого мира! Но с другой стороны, Учитель сам хочет снова стать «энергией, бороздящей просторы вселенной». Так что, это не жертва, а помощь нуждающимся! И ничего постыдного в желании вернуть свой мир в нормальное состояние, нет.

– Так что, делаем? – спросил Велес и Витя неловко улыбнулся, признавшись, что прослушал всё с момента новости о дедушке.

Иван недовольно вздохнул и с интонацией родителя, который объясняет ребенку в десятый раз сложение или вычитание, повторил. Он рассказал, что в истории перезагрузок ми-

ров нет примера когда настоящий человек будет находиться в Хрониках пока мир перезапускается, а значит, результат непредсказуем. Вернее, он просчитал возможные варианты и с равной долей вероятности Витя вернется в мир, либо останется навечно в Хрониках. Далее – выбранные даты. Энергии странника хватит, чтоб перезапустить мир не дольше, чем до двадцать третьего сентября – слишком уж много перевоплощений было у Учителя и почти весь свой запас он растерял. Хорошая новость, что так или иначе в ближайшие дни странник сам, без помощи Виктора, станет частью энергии жизнеобеспечения Вселенной и растворится из его мира естественным путём. Так что сейчас, без зазрения совести можно использовать его для перезапуска мира. Велес несколько раз подчеркнул, что Вите повезло, что это не нарушает профессиональную этику и ЗОЖ, иначе бы учиться ему жить со всеми утратами. Но, как и многие задачи, перезапуск мира Иван не в силах выполнить полностью самостоятельно. Виктору необходимо предоставить список настоящих людей с идентификаторами, айди Учителя и номера энергетических путей взаимодействия странника с другими жителями мира. Всё это нужно для того, чтоб аккуратно изъять источник энергии из жизнедеятельности мира и запустить другие ветви развития проекций.

– А я могу работать отсюда? – спросил Витя, нервно поглаживая обожжённую руку.

– Неа, – отрицательно кивнул Велес, – и из наблюдатель-

ного тоже не можешь, только из своего рабочего пространства.

– Блин, – выругался Виктор и раздул ноздри, не желая возвращаться к горящим домам.

Велес поставил на стол пирог. Аккуратно сложенные клубнички укутаны красивыми цветами и листочками из теста. Витя пошевелил носом, принялся – приятнее, чем в самой изящной кондитерской, а он их много повидал. Велес отрезал кусочек, положил на блюдце и пододвинул Виктору.

– Интерфейс Хроник – твоя личность. Очисти мозг, избавься от сомнений и страхов. – Он встал и взял с печки заварник, который Витя раньше не видел и, наливая чай, продолжил, – Забудь всё, что ты знал раньше, кем был раньше и к чему привык. Твой душевный баланс, – он поставил чайник на стол и приложил руку к груди, – только тут.

«Ага, как же, – недовольно скривился Витя, – легко со стороны говорить умные фразы». Велес показал рукой на дверь и попросил связаться сразу же как закончит с задачами. Эта дверь открывается внутрь. После инцидента с ожогом, Витя стал внимательнее к деталям. Может, посттравматический синдром, а может, понимание, что всё большое и важное состоит из мелкого и на первый взгляд, незначительного. Он пальцем прикоснулся к изящной ковanej ручке, быстро одернув руку и переваривая ощущения. Вроде не горячая. Обхватил ладонью и потянул на себя. Шаг – и оказался в привычных рядах покосившихся заброшенных доми-

ков. Пожара нет. Солнце спряталось за непроницаемым слоем серых облаков, то и дело выдающих порции воды, будто из ручной лейки. Половина домов, если не больше, покрыты копотью. Некоторые, обгорели частично, огонь, судя по всему, погас благодаря дождю и отсутствию солнца. Витя минут пять простоял на дороге, запрокинув голову под крупными каплями, растекающимися по лицу. Тёплый летний дождь, не горячий и не холодный, приятный, освежающий, доброжелательный. Он, закрыв глаза, представил как засохший виноград пускает молодые зелёные побеги, а на высоких деревьях с тёмными стволами, появляются светленькие робкие листочки. Напор природного душа стал меньше, превратившись в мелкие морозящие брызги и Витя открыл глаза. «Кажется, – подумал он, – я понял как нужно жить». Он с наслаждением и благодарностью поглядывал в небо, спокойно думая о жизни и смерти. Смелая мысль проникла в его голову: «А что, если жизнь и смерть – лишь названия определенной трансформации энергии?». Витя ощутил, что весь мир – это он, а он – это весь мир. Незаметно для себя, он подошел к красному кирпичному домику с аккуратной черной крышей и улыбнулся, открыв дверь. Из широких окон проникает дневной спокойный свет, а на подоконниках стоят цветы. Никогда не любил цветы, считая это прихотью женщин, а сейчас прям радуют, воспринимаются как нечто неотъемлемое от счастливой жизни.

– Вывести в линейном буквенном формате список соб-

ственников мира 59.21.10.10.05.1990Д, – уверенно произнёс он, обращаясь к голосовой помощнице.

Внимательно разглядывая портреты на слегка просвечивающейся проекции, Витя вспоминал семинар сектантов. Учитель действительно уничтожил всех собственников его мира кроме одного – Андрея Владимировича Кузнецова – щуплого бородатого мужчины с уставшим взглядом из ближнего пригорода. Витя ткнул пальцем в плечо изображению и сказал:

– Отобразить положение в пространстве.

– Собственник не найден, – отрапортовала девушка холодным голосом.

Задумавшись на долю секунды, Виктор решил не углубляться в подробности, Велес ведь не требовал деталей, а запрашивал список. Он запросил у голосовой помощницы оставшиеся данные, мельком глянул и отправил Ивану для дальнейшей работы. Нахлынувшая усталость, не давала покоя, но время поджимает. Сначала восстановить мир, потом отдыхать. Витя подошел к окну, чтобы внимательнее разглядеть растения. Ни единого цветущего, всё небольшие деревца с прочными стволами, но невысокого роста, да стайка кактусов разной ширины и высоты. На улице продолжал моросить дождь и Витя, увидев что-то нежно-зелёенькое рядом с домом, резко подался вперёд. Да это же дикий виноград! Ожил! Он улыбнулся и почувствовал прилив энергии. Один

важный вопрос не давал ему покоя – зачем дедушка перезапускал мир? Витя обратился к электронной девушке и запросил информацию о предыдущих восстановлениях мира, но она ответила:

– Такая информация не предоставляется собственнику.

– А кому предоставляется? – не успокоился Витя.

– Пользователю с уровнем доступа «Создатель».

«Ага, – мысленно резюмировал Витя, – Значит Велес знает...». Он запросил связь с Иваном, но услышал холодное «Жди» без объяснений. Надо бы одернуть его от такой манеры общения, а то, кажется, это начинает входить в привычку. Витя сел в компьютерное кресло и погладил подлокотники – идеальный цвет, идеальный размер, как говорится. Он запрокинул голову и прикрыл глаза, стараясь понять в какой день вернётся. Мать с бабушкой пропали в какое-то воскресенье. Представив календарик, он отсчитал от одиннадцатого октября дни и определил, что двадцать третье было субботой. События, слова людей перемешались в голове и Витя, стараясь навести порядок в воспоминаниях, незаметно для себя, заснул. Его снова мучили кошмары. Снилось, будто он маленький, бродит с дедушкой по лесу. Они слышат громкий треск ломающихся веток и видят выбежавшего из кустов ужасно испуганного мальчишку лет десяти. Тот замирает и с ужасом пару секунд смотрит то на Витю, то на дедулю, оборачивается назад, а оттуда громкие мужские крики. Кто-то гонится за ним и явно не с добрыми намерениями. Дедуш-

ка машет мальчугану рукой и обоим, вместе с Витей, прячет у себя за спиной, крепко схватив за руки. Они ждут, смотрят вперед, но никто не появляется, становится тихо. Кто-то кричит сзади и в ту же секунду раздается свист и Витя чувствует, что не может стоять на ногах. Больно, страшно и из глаз катятся слёзы. Он падает на землю, не в силах шевельнуть ни руками, ни ногами. Мальчик из леса лежит рядом в таком же состоянии. «Нет! – Громко кричит дед. – Вы должны жить!» и хлопает их поочередно по щекам. Витя хочет взять дедушку за руку, но только слегка сжимает пальцы. Он прикрывает веки, чтоб моргнуть, но глаза больше не открываются. «Кажется, я умер» – проносится в его голове и он больше не чувствует прикосновений дедушки, не слышит звуков и не ощущает елового запаха леса. Он растворяется в темноте.

Витя резко открыл глаза, ещё не видя ничего перед собой, а просто желая осознать, что смерть была во сне. Он уперся взглядом в потолок, делая глубокие вдохи и ощутил, что лежит горизонтально на чем-то мягком. Возникло необъяснимое ощущение, что что-то не так, неправильно. Аккуратно осмотрелся – похоже на зал его квартиры. Та же стенка со шкафчиками на всю стену, та же люстра с цветками-плафонами, но обои другие – в серую полоску, телевизор другой, поменьше и приставки нет. Виктор приподнялся на локтях, плавно присаживаясь. Вместо письменного стола висит боксёрская груша, а на полу коричневый палас. Он прокрутил

последние события – память, похоже, в отличие от квартиры, не изменилась. Заснул в Хрониках пока Велес должен был перезапустить мир. Витя глянул на свои босые ноги и ужаснулся – ногти больших пальцев были больше, чем наполовину синими, а щиколотка левой ноги перевязана бинтом. Он встал, проверяя ощущения – похоже, ничего не болит. Нашел тапочки и настороженно вышел из комнаты. Такая же планировка, как в его квартире, но совершенно иной интерьер. Спальня в красных тонах с огромной кроватью. «Комната маньяка» – подумал Витя и пошел на кухню. Верхние шкафчики приятного салатového цвета, а нижние черного и все глянцевые, со множеством отпечатков пальцев. «Нет, – напрягся Витя, – это не моя квартира», проверил ванную и туалет – никого. Он подошёл к входной двери и закрыл на защёлку, чтоб никто не мог незаметно проникнуть в квартиру. Витя поискал свои вещи и нашел какой-то старенький тормозящий смартфон, к счастью, без пароля. «Да как так-то!» – крикнул он, посмотрел на главный экран. Одиннадцатое октября, а не двадцать третье сентября как должно быть! «Ну какого, – громко выругался Витя, – чёрта?». Он сел на диван, сильно массируя лицо и потирая глаза. Выйти в Хроники и запросить список изменений? Вряд ли сейчас получится расслабиться. Найти свои вещи и поехать к Геннадию? До сих пор ведь не рассказал ему, что передал записку. Придумать как срочно вызвать Велеса? Позвонить матери, Косте или Оксане? Нет, сначала нужно умыться, прийти в себя.

Витя пошел в ванную и вскрикнул, увидев себя в зеркале. Он громко выругался и застонал. Вместо собственного лица на него глядело отражение другого Виктора Лимова, того, которого он увидел, зайдя по собственному адресу.

«Блин! – едва не плача, подумал он, – пришёл, но не совсем в себя! Деньги у мужика украл, а теперь и вовсе – жизнь! И за что мне это? – он облокотился на раковину, глядя в отражение, – а ему за что?». Паника сменилась злостью. Велес что-то напортачил. Как можно ошибиться когда речь идёт о человеческих жизнях! И как всё теперь будет? Почему каждый раз одно и то же? Наперекосяк. Почему нельзя «Оп» и всё встало на свои места? Как. Это. Всё. Достало! Ходишь по кругу и накапливаешь проблемы одну за другой. И почему? Потому, что разные люди то и дело, что-то делают неправильно? И почему ты, твои близкие должны страдать из-за ошибок других? Витя снова и снова задавал себе множество вопросов, не находя ответов. Он смотрел на непривычное лицо и не мог осознать себя в новом облике. Куда идти? Куда бежать? Кого звать на помощь? Виктор вспомнил дедушку во сне. Он-то, наверняка, что-нибудь придумал бы. «Но я – не он» – подумал Витя и сполоснул холодной водой чужое лицо. Усмехнулся, подумав, что сейчас ничем не отличается от мерзкого Учителя, принимающего образы других людей. Витя истерически расхохотался, облокотившись руками на раковину и запрокинув голову. «Безумие, – прошептал он, – бе-зу-ми-е!».

В зале противно зазвенел телефон, и Витя вытер руки о белое махровое полотенце. На экране высветилось «Мама». Он хотел поставить на беззвучный, но немного послушав писклявую мелодию, решил ответить – ни к чему плодить напряжённое беспокойство, чего доброго ещё зайвится чужая мать к нему в гости. Женщина, ядовито сладким голосом спросила как у Витеньки дела и когда он привезёт банки от консервации. Максимально спокойным тоном он ответил, что на выходных и с извинениями сказал, что не может разговаривать, у него тренировка. Глядя на боксёрскую грушу, Витя был уверен, что этот вариант ответа будет похож на привычный. Но женщина разразилась криками и впала в истерику.

– Ты обещал, что будешь жить нормально, – кричала она, перейдя на ультразвук, – и бросишь это дурацкое занятие!

Витя прикрыл рот, стараясь сдержать смех. Нет, ну посмотрите, другой мужик, живет своей жизнью, пытается, небось, развиваться как-то, а мать ну точно такая же как его. «Дааа, – мысленно протянул Виктор, – вот тебе и шанс посмотреть на свою жизнь со стороны».

– Мать, – желая поставить женщину на место ответил он, – чем хочу, тем и занимаюсь.

Манёвр не удался и она разозлилась пуще прежнего, приправляя свои крики словами о неуважении и нелюбви к той, которая дала ему жизнь. Витя уже пожалел о сказанных словах. В конце концов, это не его мама и не его жизнь. Вдруг и

этому Виктору сейчас всё испортит, а потом, как всегда, не сможет вернуть на свои места? Он выдохнул и стараясь не поддаваться на провокации незнакомой женщины, вежливо попрощался.

– Вы посмотрели юмористическую сценку, – сказал он, театрально кланяясь невидимым зрителям, – «Витя и мать», – и от души расхохотался.

Злость на Велеса сменилась тревогой и беспокойством. Как с ним связаться? Вариант один – выйти в Хроники и запросить связь через голосовую помощницу. Витя проверил закрыта ли входная дверь от нежданных гостей – защёлка на том же месте, снаружи не открыта. Он прикрыл дверь в спальню, уж очень раздражали пошлые красные тона, и вернулся в зал. Присел на разложенный диван и, улыбнувшись, глянул на простынь – желтенькие цветочки, какая прелесть. Витя взял огромную мягкую подушку, сложил вдвое и, облокотившись, на стену, положил под поясницу.

«Я» – Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

«Тритон» – Выдох.

За окном тихонько гудят машины, сверху быстрыми шагами бегают маленький ребёнок и радостно кричит.

Вдох.

Выдох.

Звуки плавно растворяются в пространстве, которое плавно заполняется водой. Он погружается всё глубже и глубже. Достигает дна всемирного океана, где темно и тихо.

Вокруг плавно проплывают огромные существа. Водоросли бесшумно и спокойно колышутся.

Вдох.

Выдох.

«Хочу попасть в Хроники Вечности» – Вдох.

На этот раз прелюдий в виде заброшенной деревни или библиотеки не было и Витя сразу очутился внутри кирпичного домика. Привычно поприветствовала голосовая помощница ровным механическим голосом, Витя запросил связь с Велесом и девушка рапортовала, что Иван ожидает. За деревянной дверью была непроглядная тьма – никакого колышущегося поля и зеленых плодовых деревьев. Даже не видно на что ступать, очертаний какой-никакой поверхности тоже нет. «Ладно, – подумал Виктор, – не впервой идти в пустоту» и сделал уверенный шаг. Вдали он увидел несколько желтых прямоугольников с полосками – видимо, окна дома Ивана. Во мраке почти невозможно сориентироваться в расстоянии, но Витя предположил, что обычное место его появления особо не изменилось в сравнении с прошлыми визитами. Он тревожно кусал щёки, предчувствуя что-то плохое. Стараясь отогнать мрачные мысли и беспокойство за Ивана, заставлял себя идти спокойно. По внутренним ощущениям, к дому он подошел минут через пятнадцать. Двери видно не было – всё чёрное кроме окон. Витя подошел к светящемуся оранжевому прямоугольнику и попытался постучать – никакого звука, рука будто погрузилась в свет, не изменив ничего. Он отошел немного, стараясь найти хоть какой-то признак входа. «Велес» – крикнул Витя, но не услышал собственно-

го голоса, будто просто пошевелил губами, а звук не выдал. «Отобразить дверь в пространстве» – попробовал обратиться к голосовой помощнице, но связки напряглись, а команда не была произнесена.

Прямо перед Витей появился тонкий вертикальный прямоугольник желтого цвета, такого же как окна. Он медленно становился шире, шире и замер, сделавшись примерно в полметра шириной. Виктор подошел к нему, внимательно вглядываясь вглубь. Протянул руку, думая рассеять странное видение, но, как и с окнами – рука погрузилась внутрь, ничего не изменив. Витя просунул голову в желтый прямоугольник и ещё раз окликнул Велеса – никаких звуков. Он оглянулся. Сзади бескрайняя кромешная тьма, по бокам тоже самое. Обошел все светящиеся прямоугольники, будто расположенные с четырех сторон дома. С каждой стороны виден только один. Вернулся к самому большому, похожему на дверь и, закрыв глаза, сделал несколько шагов вперед. Остановился и открыл глаза и прищурился – он будто внутри ослепляющих солнечных лучей. Снова зажмурился и сделал еще два шага, выставив вперед руки.

– Теперь, наверное, всегда так будет, – внезапно услышал хриплый голос, испуганно вскрикнул от неожиданности и открыл глаза.

– Ёёёлки-палки, – в ужасе протянул Витя, увидев говорящего.

Да, это ещё был Велес, но... Его руки от самых плеч сви-

сали как кожаные тряпочки без костей, левый глаз сполз ближе к носу, а кончики губ опустились к подбородку, будто выражая самые страшные страдания, которые только могут быть во Вселенной. Изуродованный Иван сидел, облокотившись на коричневую вертикальную поверхность и вытянув ноги. Ровный однотонный прямоугольник, ничем не напоминающий реальные стены. Будто они находятся в двухмерной игре, созданной человеком без понимания примитивных правил изобразительного искусства. Витя подошел ближе и присел на корточки перед Велесом, не решаясь спросить что случилось.

– Ты дурак, а я вдвойне, – произнес Иван сдавленным голосом.

Витя прорычал, ударив себя по ноге.

– Помочь захотел, блин, – Велес кашлянул, брызнув слюной, – Даже рот теперь прикрыть не могу.

– Да как? – возмущенно развел Витя руками и отвернулся, заметив, что глаз Ивана всё больше сползает вниз.

Велес покряхтел пару минут, громко сглотнул и с большими паузами между словами объяснил, что перезапуск мира с точки восстановления не удался. Энергия странника должна была пойти внутрь системы управления мирами, стать источником для запуска процедуры, но по какой-то причине произошёл выброс. То есть, Вселенная не приняла и отразила энергию, отправив её прямо в Велеса. А человеческая сущность не рассчитана на такие перегрузки. Его тело, как

ментальное, так и физическое, начало плавиться. И, судя по всему, остаётся не больше пары-тройки дней до его полного растворения. Он кричал, описывая в подробностях ощущения когда руки превратились в безжизненные куски кожи. Как сначала кости внутри издали громкий треск, вывернулись, а потом рассыпались осколками внутри. Каждая крупца бывшей косточки, невыносимо колола в мышцы, иногда раздирая кожу и выскакивая наружу. А потом появились небольшие отверстия, через которые пошел пар. Стало невыносимо горячо, наверное, именно так чувствовали себя еретики, которых сжигали на костре. Велес то и дело замолкал, прикрывая глаза, а Витя не мог смотреть на него без сострадания и чувства вины. Он будто сам ощутил ту невыносимую боль, которую пришлось пережить Ивану. Почувствовал как заныли его суставы и мышцы, начали дрожать руки. Крепко сплетя пальцы в замок, он не мог произнести ни слова, ни звука, ведь это всё произошло из-за него, из-за его желания вернуть свой мир в то время, когда там всё было хорошо. «Ну почему?» – уже рыдал он мысленно.

– Ты хотел спасти тени своего прошлого, – Велес качался из стороны в сторону как это обычно делают душевнобольные, – А уничтожил настоящее и будущее.

– Я всё исправлю, – сквозь зубы прошептал Витя, стараясь не моргать из-за стоящих в глазах слёз. – Клянусь.

Он встал, растирая отсиженные ноги и украдкой стирая всё таки сорвавшуюся слезу. Выпрямился, глянул на Ивана,

уголки рта у которого становились всё ниже и будто бы уже начали сползать на шею. Подошёл и сел рядом с Велесом, облокотившись на неестественную стену. Стараясь не смотреть на изуродованного напарника, прижал ладони к вискам.

– Ты не дурак. – сказал Виктор, качая головой, – Просто ты хороший человек.

Велес хмыкнул. «Наверное, будь у него нормальный рот, он бы улыбнулся» – подумал Витя.

Несколько минут они посидели молча, думая каждый о своём.

– Почему мой дед перезапускал мир? – Спросил Виктор, слегка толкнув Велеса плечом. Если погибать, так хотя бы со знанием правды.

– Я тогда опыта набирался у своего наставника, – просипел Иван, – они в паре работали. Деда твоего Нептуном звали, а меня учила Мокошь. – Велес кашлянул, – Он мальчика пожалел, Лесника, хотел спасти. А умерли вы оба. То есть и ты, и мальчик тот.

Витя вспомнил свой недавний кошмар. Так это был не сон, а... воспоминания? Память из прошлой жизни? Значит, дед хотел помочь мальчишке из другого мира.

– Исключается вмешательство в естественное развитие мира, – с большими паузами добавил Велес.

Витя задумался, вспоминая дедулю, на которого так хотел быть похожим в детстве. Мечтал, что обязательно станет таким, чтобы дедушка гордился. Что будет честным, спра-

ведливым, никогда не поставит жизнь других людей ниже собственной, а сам... даже в шахматы за всю жизнь играть не научился. Куда испарилась та правда? Те детские чистые стремления? «Оглянись, Витя – мысленно сказал он сам себе, – ты эгоистичный ублюдок, уничтожаешь всё, к чему прикасаешься». И что делать? Вернуться в мир, остаться альтернативным Виктором Лимовым и спокойно спиться? Нет... Алкоголь освобождает эмоции, но притупляет разум, так есть ли смысл заставлять страдать себя недостатком интеллекта? Нужно работать. Работать. Работать. «Точно!» – подумал Витя и спросил у Велеса:

– Ты говорил про какие-то глобальные изменения?

Иван отрицательно качнул головой, словно говоря какой же он дурак, что отмахнулся, не придав этому значения и пошел на уговоры о перезапуске мира. Виктор попросил рассказать все наблюдения и подозрения относительно работоспособности центра управления мирами и системы модифицирования реальностей. Ошибку нужно найти. Вдруг это именно то, из-за чего пострадал Велес. К сожалению, сведений оказалось не так много и в логах, которые обрабатывал Велес отсутствовало нечто крайне серьезное, были только обычные шаблонные ошибки. Витя вспомнил, что не смог найти ещё одного собственника в своём мире, хотя тот не погиб и, вероятно, это как-то связано с искажением работоспособности системы. Он спросил, сможет ли сам дописать какие-то дополнительные проверки, чтоб попробо-

вать найти возможные ошибки по другим параметрам, но редактировать код мог только пользователь с доступом «Создатель». Они снова помолчали, пытаясь каждый по-своему найти выход из безнадёжного тупика, и вскоре Велес сообщил о безумной усталости и потребности в отдыхе. Организм всё хуже справляется с жизнеобеспечением и если Витя не хочет, чтобы Иван окочился сегодня же, придется отложить их общение.

– Тритон, найди мне ученика, – попросил Иван на прощание, – Я должен сказать ему пароль.

Витя, глядя на мучающегося от боли Велеса, прикрыл глаза и легонько кивнул, стараясь пообещать себе, что выполнять просьбу не понадобится. Но любые обещания и клятвы выглядели как насмешка над текущим положением вещей. Он уже обещал и клялся вернуть всё на свои места и к чему это привело? Витя представил своё рабочее пространство в Хрониках и махнув Велесу рукой, шагнул в чёрный прямоугольник.

«Только бы не выйти из Хроник случайно» – подумал Витя, и откусил мешающий кусочек кожи с большого пальца. Он глянул за окно – чарующая кромешная тьма, никаких очертаний или намёков на предметы. Витя замер на какое-то мгновение, подумав, что никогда на самом деле не видел настоящую темноту – перед глазами всегда небольшие разноцветные точки, отражающие ограниченность восприятия мира с помощью зрения. Даже если закрываешь веки в тёмной комнате без света. Но этот мрак – иное дело. Он ровный и мягкий. Кажется, так и норовит окутать и поглотить. Виктор сел в кресло и отвернулся от окна, мягко положив руки на подлокотники. Мозг неистово требовал отдыха, отказывался активно работать и видеть возможности исправить ситуацию. Так ли выглядит отчаяние? Когда пассивно сидишь разглядывая собственные ладони, подмечая интересные сочетания линий, а вокруг всё рушится. И ты не можешь заставить себя поднять голову, нейроны мозга напрочь отказываются посылать телу импульсы действовать. Они будто спрятались каждый в свой маленький кокон и свернули лапки, не желая дружить друг с другом. Витя заметил на руке пересечение полосок звездой и провел по ней указательным пальцем.

– Эй, девушка, – окликнул он голосовую помощницу, же-

лая хоть с кем-то обсудить сложившиеся обстоятельства, – почему Вселенная так несправедлива ко мне?

– Вселенная не несет ответственности за формирование личности, – отрапортовала девушка.

Вите показалось, будто тон её был издевательским, с насмешкой и он вскочил, заорав «А кто несет? Думаешь, я виноват в этом безумии?!». Холодная леди ответила и на этот вопрос, не видя подвоха:

– При инициации мира за основу берется последний мир рода родившейся сущности, – монотонно начала она краткий курс обучения, – которая в свою очередь впитывает внешнюю информацию и формирует персональные жизненные установки. Этот набор умозаключений и называется впоследствии личностью.

«Мда, – подумал Витя, закатив глаза, – не дожидаться от железаки человечности». Он подошел к стене, упёрся лбом в неровную кирпичную кладку, покачивая руками. А у Велеса теперь руки-тряпочки, он больше не сможет мне помахать рукой, стоя у входа в свою деревянную хижину. Виктор развернулся и сполз на корточки, царапая спину о выпуклые крошки бетона. Он крепко сжал руки в замок, до боли в суставах пальцев и запросил состояние миров. «Потом себя пожалею» – подумал он и начал ходить из угла в угол, задавая голосовой помощнице вопросы один за другим. Сейчас все реальности были в норме, но это может измениться в любую секунду, поэтому он запросил уведомить если что-

то изменится. Некоторые пункты остались под завесой тайны. Например, местоположение центра управления мирами и Хроник Вечности, но зато он узнал, что при гибели любого из собственников мира, энергия перетекает оставшимся владельцем, то есть, они становятся более влиятельными в своей реальности. А значит... Учитель, который уничтожил других людей, родившихся в ту же секунду, что и Виктор, сделал его сильнее. Ещё помощница сообщила, что собственник может создать двадцать восемь параллельных реальностей – существует именно такое количество возможных сценариев развития любой личности. Витя бродил по комнате, меряя её шагами и пытаясь понять как использовать полученные знания во благо. Что-то подсказывало ему, что загадочно исчезнувший земляк имеет отношение к трагедии, случившейся с Велесом. Он уточнил у электронной леди возможно ли перемещение между мирами, но та ответила, что максимальное время нахождения в другом мире девятьсот секунд – то есть, пятнадцать минут. Витя снова запросил вывод информации о настоящих людях собственного мира и, стараясь не испытывать чувство вины глядя на подсвеченных красным иностранцев, внимательно рассмотрел Андрея Владимировича Кузнецова. Усмехнувшись, он подумал, что тому больше подошла бы фамилия «Шрёдингер».

– Как узнать, жив кот или мёртв? – вслух пробормотал он и сам ответил, – Открыть коробку. А коробка у нас что? – Витя прикусил щёку, – Все миры?

– Мир 17.57.01.02.05.1991А будет утилизирован через сто семьдесят две тысячи восемьсот секунд, Мир 21.10.13.02.11.1947Р будет утилизирован через сто восемьдесят две тысячи семьсот восемьдесят секунд, – прервала помощница его размышления.

Витя подметил, что в этот раз интонация была несколько испуганной. Кажется, электронная девушка всё больше становится человеком. Он стоял, сильно прикусив губу и слушая нескончаемый список, а секунд становилось всё меньше и меньше. Он сел в кресло и нервно затряс ногой, понимая, что времени на философствование у него нет.

– Стоп! – крикнул он, выслушав информацию об утилизации очередного мира с нарастающей паникой, – в прошлый раз в списке на утилизацию какой мир был первым?

– 17.57.01.02.05.1991А – озадачилась леди.

– А в позапрошлый?

– 17.57.01.02.05.1991А...

– Так вот оно! – Воскликнул Витя и, вспомнив древнегреческого ученого, добавил, – Эврика!

– Продолжить рапорт о состоянии миров? – осторожно спросила помощница, Витя ответил отрицательно и попросил вывести в пространство дважды озвученный мир.

Заискрились разноцветные полосы, окружая Виктора. Он замер, всматриваясь в плавно появляющиеся очертания параллельной реальности. Над головой раздался громкий треск и Витя, испугавшись, резко отпрыгнул к стене. В ту же

секунду туда, где он только что стоял, с оглушающим грохотом рухнуло несколько толстых досок. Поднялось облако пыли и Витя глянул вверх сквозь уже появившееся изображение неизвестного мира. На потолке зияла неведомо откуда взявшаяся огромная дыра, будто ударили огромным металлическим шаром. Окружность стремительно становилась шире – доски неестественно ломались и падали на пол вместе с трухой. Шум и треск заполнили уютный до этого домик, а снаружи только всепоглощающая непроглядная тьма, которая пугающе быстро опускалась всё ниже. Витя крикнул голосовой помощнице, но она молчала. Доски уже падали в полуметре, он присел и закрыл голову руками, зажмурив глаза. На руки посыпалась пыль и мелкие деревяшки, Витя пошевелился, стряхивая мусор и стараясь с прищуром посмотреть, что же творится в его рабочем пространстве. Глаза заслезились и он снова их закрыл, тяжело дыша от страха. Вмиг треск прекратился. Он посидел несколько секунд, прислушиваясь, и сквозь броню из рук посмотрел вверх. Белый потолок.

«Блин! – выругался он, – Нет! Ну, пожалуйста!». Витя на корточках сидел на диване старой новой квартиры, упершись в стену. Он пошатнулся и уперся руками в мягкое покрытие. Глянул вниз – простыня с идиотскими цветочками. Витя сел, вытянув ноги. В суставах скопилось напряжение. Он презрительно глянул на покрывшиеся пылью колокольчики люстры и несколько раз ударил по дивану кулаком от

злости.

Вдох. Выдох.

Витя облокотился на прохладную стену, вытащил мешающую подушку из-под поясицы.

«Я – Тритон»

Вдох. Выдох.

«Хочу попасть в Хроники Вечности»

Вдох. Выдох.

Никаких изменений. Слегка поскрипывая металлическими кольцами отчего-то качается боксёрская груша, неутомная муха бьется в стекло, наивно предполагая, что снаружи лучше.

Вдох. Выход.

«Хочу попасть в Хроники Вечности»

Безрезультатно. Отчего-то открылась дверца шифоньера, и Витя дёрнулся, пристально глядя на неё. Видимо, только что он увидел гибель волшебного пространства, которое перестраивало интерфейс под его личность.

«Нет!» – крикнул он, вспомнив страдающего Велеса в двумерном пространстве.

«Не допущу!» – перед глазами промелькнуло видение, как Ивана поглощает тьма.

«Не правда!» – отогнал он страшные картины, стараясь уgomонить бушующие нейроны, создающие ложь внутри его разума.

Усмехнувшись, Виктор вспомнил горящие дома и почув-

становал себя тем самым пламенем, которое превращает всё живое в мёртвое, а разноцветное в чёрное. Он лёг на диван, раскинув руки в стороны и почувствовал, что прожорливые рыбы его желудка давно не получали еды. Витя пошел на кухню и включил обнаруженный новенький электрочайник с подсветкой. С каждой секундой всё больше пузырьков поднимались кверху, освещаясь насыщенным синим. Вода закипела. Он открыл оранжевый шкафчик и нашел заварной кофе. Задумавшись об устройстве миров, насыпал три ложки вместо одной и плеснул кипятка. За окном – тишина и спокойствие. Фонари устало освещают ночную улицу. Ёлка посреди двора стоит в ожидании нового года. Буквально через месяц уже привезут украшения и сделают её царицей жилого комплекса. И всё будет идти своим чередом. Витя сделал глоток кофе и тут же сплюнул в раковину. «Всё может быть плохо – подумал он и добавил, – но будет хорошо».

С отвращением пережёвывая холодные макароны, Витя внимательно оглядывал собственные руки и ноги, стараясь привыкнуть к новому внешнему виду. В Хрониках он, кажется, был собой, а не новым Виктором Лимовым. «Есть ли теперь центр управления мирами?» – подумал Витя и, хлопнув ладонями по столу, встал. Он примерно прикинул, что ближайшая утилизация мира произойдет не раньше, чем через сорок восемь часов с его визита в Хроники, значит хотя бы полтора дня в запасе есть. Нужно использовать все возможные средства текущей реальности, чтобы получить как можно больше информации. А кто у нас гений по работе с данными? Правильно. Геннадий. К тому же, Витя выполнил его поручение, несмотря на противоречие этой просьбы закону жизнедеятельности. В квартире было тепло, но за окном бушевал холодный северный ветер, беспощадно разнося даже тяжелые от влаги листья. Витя открыл все существующие шкафы в поисках подходящей одежды. Выбрал джинсы и единственную рубашку. Пощупал куртку, висевшую в прихожей и всё-таки согласился с необходимостью натянуть широченную кофту, претившую ему по стилю. «Да какая вообще разница?» – одернул он себя от ненужных мыслей, напомнив, что «привычное» уже привело его к разрушению мира. В конце концов, «норма» – понятие относительное.

Свод правил, установленных когда-то, кем-то и зачем-то. И смысл этих установленных законов взаимодействия с окружающим миром затерялся где-то в Хрониках этого мира. Витя взглянул на гигантские кроссовки и сравнил со своей ногой, приложив к ступне подошву. Похоже, подходят. Так, стоп, а деньги? Он нашел на тумбочке в прихожей тоненький кошелек без налички с несколькими банковскими картами. «Ну, на проезд-то на карточках денег хватит» – обнадёжил себя Витя, но всё же обрадовался, найдя в куртке сотню рублей монетками.

Кажется, что мир не изменился, но Витя всем нутром чувствовал, всё неправильно, не так, как должно. С настороженностью оглядывая в маршрутке улыбающуюся маму, наклонившуюся к ребёнку, Витя вспомнил Оксану. Она, наверное, тоже была бы хорошей матерью. Умная, внимательная. Была бы... Если бы не попала в секту. Если бы не услышала от Вити про миры и от Кости про «Вечность». Вот они, ядовитые «если бы» да «кабы», порождающие нескончаемые потоки сомнений. И в итоге что? Тратишь свои мысли и время на эти самые прокручивания вариантов, которые никогда не случатся потому, что всё есть так, как есть. И? И сомнения порождают бездействие вместо взвешенного взгляда на действительность. Виктор добрался до уже ставшего родным красного здания и привычно, перешагивая ступени, поднялся к чердачным помещениям. Постучал в металлическую дверь, заметив, что краска потрескалась в нескольких

местах, обнажив пятна ржавчины, похожие на срез минерала. Один за другим затарахтели замки и Гена открыл дверь, глядя через узенькую щёлочку одним глазом.

– Вы кто? – неприязненно уточнил инженер.

– Я передал записку в твой мир, – Витя сразу зашел с объясняющего всё козыря.

Геннадий открыл дверь шире и улыбнулся во весь рот, обнажив пятнистые от кариеса зубы. Витя поспешно прошёл, присел на диван и попросил кофе. Инженер на минуту задумался, потом поставил табурет и стал упорно водить рукой по верхней полке одного из стеллажей, время от времени стряхивая пыль, а потом с возгласом «Я же знал, что он есть!» достал сетевой фильтр на пять розеток. Витя глянул на действующий удлинитель и заметил, что тот почернел и оплавился, превратившись в сплошное серое месиво, и прилип к полу.

– Кажется, Хроники Вечности уничтожены. – серьезно сказал Виктор, не зная с чего начать разговор.

Геннадий расхохотался и долго не мог остановиться. Потом, вытирая слёзы, повторил «уничтожены» и засмеялся снова. Витя тоже улыбнулся, хотя и не понял, что смешного сказал. Он поглядывал на руки, всё ещё не привыкнув к более толстым пальцам и неестественно коротким ногтевым пластинам.

– Да ладно, тебе так идёт, – наконец-то прокомментировал Гена новый облик Виктора. Тот скривился, но промол-

чал, вопросительно глядя на инженера в ожидании объяснений истерики. Инженер сделал кофе, протянул горячий стаканчик, перевернул стул и сел, облокотившись локтями на спинку.

– И как ты себе представляешь уничтожение Вечности? – издевательски спросил Геннадий с прищуром.

Витя почувствовал себя неловко, но рассказал о том, что видел в последний раз, о темноте, о разрушенном рабочем пространстве и о состоянии Велеса. Инженер выслушал, покачивая головой и цокая, то и дело многозначительно протягивая «М-дааа». И только Виктор хотел попросить его помочь попасть в Хроники, как Гена резко вскочил, схватился за столбец одного из стеллажей и со всей силы потянул к полу. Полки грохнулись, несколько мониторов с треском разлетелись на части, заваленные другим хламом. Витя вскочил на диван с ногами и крикнул «Ты что творишь?». Геннадий глянул на него с ненавистью, глаза выпученные, а вместо белков сплошные кровавые треугольники. Словно робот, инженер повернул голову вправо и подскочил к другому стеллажу, также резко опрокинув его. Витя подбежал к спятившему Геннадию, обхватив его за плечи. К счастью, новое тело было в куда лучшей физической форме, чем его оригинальное, поэтому щуплый инженер просто начал беспомощно брыкаться ногами и руками, стараясь вырваться. «Перестань!» – кричал Виктор, не понимая что происходит, но Гена лишь по-звериному выл, не произнося ни слова.

– Эй! – Витя приподнял Гену и стал его трясти сколько было сил, – Приди в себя!

Голова инженера вдруг обмякла и упала Вите на плечо, но он не торопился отпускать Геннадия, продолжая уверенно стоять на ногах. Стиснутый железной хваткой, Гена с большим усилием преодолевая сопротивление повернул к нему голову. На его лбу и даже на щеках вздулись вены, будто под кожу заползли десятки тонких червей. Кровь в глазах уже почти закрыла радужку и подбиралась к зрачку, а изо рта текла белая пена прямо по подбородку. Витя громко выругался, стараясь привести Геннадия в чувство, но тот уже обмяк полностью, потеряв сознание. Положив инженера на диван, Виктор, матерясь, одной рукой искал на старом смартфоне своего двойника как позвонить в скорую. Вторую он плотно держал пальцы на запястье Гены – убедиться, что пульс есть. «Аар!» – прорычал он, поразившись собственной глупости. Не проверил заряд устройства и, конечно же, батарейка сдохла именно сейчас!

Витя аккуратно похлопал Геннадия по щекам – нет реакции. Налил воды из чайника в стаканчик и брызнул на лицо – ничего. Вскочил и подбежал к двери, открывая замки – у охранника наверняка есть телефон. Срочно вызвать скорую, пока не стало ещё хуже! Когда Витя открывал последний замок, Гена заворочался и хрипя попросил «не надо». Вены снова спрятались, а красные глаза уже не выглядели страшно, почти вернувшись к нормальному состоянию. «Да, что,

мать его...?» – начал было Витя, но инженер с усилием воли поднял руку, попросив молчать.

– Это моя цена за чистый разум, – просипел он, – я же говорил, в «Вечности» знают как сделать из человека инструмент для достижения целей. – Он вздохнул и отвёл взгляд, – Не важно это всё, отомстить успею.

Виктор налил в стакан воды и протянул Геннадию. Тот смог немного приподняться на локтях и с поддержкой под спину, сделать пару глотков. После этого инженеру стало лучше. По крайней мере, разговаривать он стал живее и даже жестикулировал. Он объяснил Вите, что есть миллиарды миллиардов различных форм жизни в разных Галактиках, которыми управляют разные, – акцентировал Гена внимание, – разные центры. Скорее всего, произошёл небольшой сбой и надо просто найти ошибку, исправить, запрограммировать проверку таких ситуаций на будущее и перезапустить всю систему.

– Звучит здраво, – задумался Витя, закусив щёку, – но... – он развел руками и подался вперед, – как? Как, мать его, мне это сделать?!

Геннадий прикрыл рот, закашлялся и с отвращением глянул на руку. Он попросил подать туалетную бумагу со стола и вытер кровь со слюной с ладони. Не обращая внимания на испуганное лицо Вити, ответил излюбленной фразой:

– Всё состоит из энергии. Вспомни очки. Розовые стёкла. Любая реальность такая. Миры разные и одинаковые одно-

временно.

– Гена, блин, – цокнул Виктор, немного разозлившись, что тот снова говорит лишь общими фразами.

– Думай, – пожал инженер плечами.

«Вот, гад!» – подумал Витя, но спросил:

– А в Хроники мне как попасть? Я пробовал, не вышло.

– Ну, можешь самоликвидироваться, – усмехнулся Геннадий, – или поучиться у буддистов с десяток лет, – он расплылся в улыбке и стало понятно, что он стебётся, – Или просто перестать бояться неизведанного, держаться за прошлое и создавать беспочвенные ожидания о будущем.

Буквально через пол часа Геннадию стало значительно лучше и он, активно жестикулируя и выкуривая сигареты одну за одной, рассказал о своём участии в деятельности «Вечности». Оказалось, чтобы не поддаваться влиянию наркотических средств, ломающих волю и психику, он разработал ингибитор, который, к сожалению, при длительном употреблении имеет последствия. Из-за этого у него появились приступы безумия и именно этим объясняются пять замков в камерке – когда он в неистовом состоянии, то открыть может только три. Инженер предложил остаться Виктору у него, но Витя решил не рисковать и вернуться в свою новую старую квартиру.

Оплата картой в маршрутке не прошла. Видимо, на счету оставалось не больше восьмидесяти рублей – хватило только на дорогу в один конец. «Вот же блин, – подумал Витя, – постоянно сам себе сложности создаю». Он, прокручивая «если бы» в голове, решил, что смирись он со своим финансовым положением в День Рождения и оставь деньги альтернативному себе, было бы лучше. Сейчас бы пригодились. Наверное, так всё и устроено – минутная слабость обязательно откликнется в будущем упавшим роялем. Расплатившись припасённой мелочью, он подошел к дому и остановился у подъезда рассматривая стаю голубей. Кто-то сердобольный

рассыпал пшено дугой, но птицы почему-то клюют его только в одном месте. Толкаются, выдергивая зёрнышки друг у друга и ни одна не повернула голову в сторону. А ведь там, в одном шаге, намного больше еды. Но нет, никто не видит дальше собственного клюва. Как люди, ей-богу! Всем надо только то, что надо другим. Если толпа говорит «делай так», то принимаешь это как нерушимую истину и даже не задумываешься о том, что можно повернуть голову, посмотреть «а как ещё можно»? И ты продолжаешь толкаться, хочешь вырваться вперёд и наесться досыта, но на всех всё время не хватает, остаёшься голодным и коришь судьбу за то, что другие сытые, а ты нет. А всего-то и надо было что? Просто повернуть голову и увидеть другую возможность. Ту, что не видит толпа. Ведь чаще всего зерно всегда рассыпано дугой.

Виктор зашел в чужую холодную квартиру и решил, вопреки привычке, принять ванну, а не просто помыться под душем. Он набрал горячей воды, разделся и размотал забинтованную ногу. Тепло разлилось по совершенно чужому телу. На кране нет привычного металлического фильтра. Оттуда смотрит тьма. Совершенно не такая, как в Хрониках – юная, ещё немного пятнистая. Может быть, пройдет какое-то время и она выползет из крана, заполнит всю ванную комнату и поглотит каждый предмет, любой источник света. Витя вглядывался в маленький темный кружочек, пространство вокруг стало размытым, нечетким. Предметы больше не представляли какую-либо ценность и не несли смысла.

Остался только он и маленькая тьма, которая хочет вырасти.

«Я – Тритон» – прошептал он, играя в гляделки с краном.

«И я тебя не боюсь» – вспомнил Витя нескончаемый мрак и желтые окошки дома Велеса.

«Я признаю тебя» – уверенно произнёс он, отчего-то подумав, что даже такая сущность, как тьма, может испытывать одиночество. Все её боятся, избегают и осуждают за отсутствие света. Но ведь она – тоже часть бытия.

«Я хочу попасть в Хроники Вечности» – подумал Витя и прикрыл глаза. Незнакомое тело расслабляется, а сознание пытается выбить его в реальность визуализируя то ругающуюся мать, то Оксану, полную презрения, то отца с ненавистью в глазах.

«Нет» – он усмехнулся, представив, что останавливает руку матери, когда та хочет отпустить пощёчину.

«Нет» – говорит Оксане, что неправильно осуждать людей просто за то, что они отличаются от тебя.

«Нет» – отвечает отцу на оскорбления, что никогда не станет таким, как он и больше не позволит называть себя психом.

Призраки прошлого рассыпаются в пыль и Виктор слышит перекатывающийся от стены к стене смех. Он ли смеётся? Наверное.

«Я хочу попасть в Хроники Вечности» – повторяет Витя, но сознание не хочет его отпускать. Оно показывает, как рушится реальность – он будто бы смотрит на свой город свер-

ху, видит огромный взрыв в центре. Вспышка – и поднимается ветер, который сносит всё на своём пути. Один за другим исчезают дома, поглощенные взрывной волной, люди разлетаются в разные стороны и там, где прошёл свет, остаётся только черная глубокая пустота.

«Нет» – мысленно говорит он уверенным голосом.

«Будущее ещё не прошло» – силой мысли возвращает дома и людей на свои места, сворачивает взрыв и смотрит на оживленный город. Представляет, как поднимается выше, видит сосновый лес, посёлок, где живёт мать – всё на своих местах. Автомобили ездят по трассе, сворачивают на заправки, верхушки деревьев движутся вместе с ветром. Ещё выше – ровные прямоугольники коричневых полей и лесополосы, витиеватые линии темно-синих рек. Ровный круг стадиона и тысячи, десятки тысяч маленьких прямоугольников жилых домов. Ещё выше – чем дальше от городов, тем больше зелени. Он видит континенты планеты без привычных линий государств. Границы материков с океаном кое-где скрыты облаками. Сколько же на Земле воды! Вот так живёшь по инерции, ютясь в тесной маленькой квартирёнке, считая что ухватил удачу за хвост, и совершенно не отдаёшь себе отчета в том, что находится за пределами твоего бетонного домишки. Всё, что ты видишь каждый день – такие же коробки, одна на одну поставленные, да люди, которые как голуби, не видят дальше собственного носа.

«Я – Тритон. Действующий администратор миров» – он

стремительно проносится мимо планет и звёзд, сквозь космический мусор.

«Хочу попасть в Хроники Вечности» – его втягивает в чёрную дыру. Так сильно, что он, кажется, сначала становится плоским, потом вытягивается в другом измерении, а дальше и вовсе сжимается в миниатюрный шар и тоже становится черным, становится тьмой. Он чувствует, что теперь в нём нет лишних пробелов и пустот. Теперь он – цельная сущность.

Витя плавно открывает глаза. Он находится в коричневом двумерном квадрате без теней и объема. На полу сидит Иван, одна нога которого уже превратилась в такую же тряпочку, как и руки – кожа и никаких костей или мышц. Рот находится почти на шее и из его левого уголка стекает слюна. На фоне помещения Велес пока выглядит таким объемным, настоящим, а оттого ещё более пугающим. Виктор присел рядом с Иваном и едва касаясь похлопал его по плечу, слегка затронув остатки руки.

– Мы всё поправим, – сказал он, глядя в узкие расплывшиеся по лицу, глаза.

Велес захрипел и спросил, нашел ли Витя ему ученика.

– Нет. – Ответил он, сцепив зубы, – И... – Витя глянул в сторону, – Извини, что не придавал значения твоим словам. О своих бедах, дурак, думал и хорошего человека загубил...

Велес вздохнул и, видимо, хотел прикрыть глаза, но не получилось – веко не дотягивало до белых уголков, которые

уже были на уровне носа. Витя рассказал, что узнал номер мира, с которого всегда начинается утилизация миров и, что второй собственник его мира куда-то исчез.

– Попаданец, – прохрипел Велес и закашлялся.

Витя вспомнил фильмы и книги про путешественников по мирам и скептически улыбнулся.

– Попаданец, – повторил Иван и добавил, – надо его вернуть и перезапустить всю систему.

Вспомнив, что для перезапуска его мира требовалась энергия, Витя испуганно глянул на него. Если при восстановлении одной реальности, Велес превратился в это полуживое месиво, то что будет при перезапуске всей системы? И даже страшно подумать, какой должен быть источник, чтоб реализовать это.

– Я допишу проверку, чтобы при рестарте история не повторилась, – с паузами проговорил Иван пока Витя озадаченно его разглядывал.

– Так, – серьезно сказал Виктор, желая утвердить план действий, – ты дописываешь проверку, я нахожу попаданца, возвращаю его в мой мир и перезапускаю систему, да?

Велес попробовал отрицательно мотнуть головой, но она резко упала на остаток правого плеча, он пробовал поднять её обратно, но лишь сдавленно просипел.

– Я перезапускаю систему, – хрипло сказал он.

– А ты... Сможешь? – Витя аккуратно двумя руками попытался вернуть голову Ивана в вертикальное положение, но

та всё равно падала набок.

Велес косо кивнул и добавил:

– Только быстрее, пожалуйста.

Уточнив, можно ли оставить Ивана в таком состоянии, Виктор представил свой письменный стол и черное кожаное кресло. Велес сказал, что по ощущениям он ещё около суток точно продержится. А значит времени очень мало. Нужно спешить. Сделав шаг в желтый прямоугольник, Витя с радостью обнаружил своё рабочее пространство. Без лишнего интерфейса – только ноутбук, кресло и стол. Вокруг – тьма. Внизу, вверху, по бокам. Он немного заволновался, осознав, что пола тоже нет, но почувствовав, что ходит по твёрдой поверхности на уровне своего минимального набора мебели, успокоился. Решительно выдохнул, потер ладони и обратился к голосовой помощнице:

– Ты не против, если я назову тебя Виктория?

– Я – Виктория, – жизнерадостно ответила невидимая девушка, – приятно познакомиться.

– Ты готова побеждать?

– Да, Тритон. Давайте действовать.

«А она, – усмехнулся Витя, – не такая как Учитель. Ей, похоже, имя в радость».

– Открыть наблюдательный центр отобразить мир 17.57.01.02.05.1991А, – скомандовал Витя и сделал несколько стремительных шагов с закрытыми глазами, представляя, что перемещается в помещение-осьминог как волшебники с

платформы девять и три четверти.

С помощью виртуальной помощницы, Виктор получил список настоящих людей мира 17.57.01.02.05.1991А. Это оказалась реальность с вечной войной, длящейся столетиями. По одну сторону были техногены, пропагандирующие превосходство разума над всем, с другой стороны – варвары, следующие по пути совершенствования духа и развития ментальной энергии. Исполинское дерево, разрушившее дом его матери, было как раз отсюда. Назывались такие растения «Царь-дерево» – разумные деревья, способные трансформировать ветви в любые сооружения и предметы быта, умеющие перемещаться по планете, понимающие человеческий язык и обладающие мудростью поколений. Они являлись для варваров чем-то вроде богов, высшего разума, поддерживающего гармонию в поселениях. Витя улыбнулся, когда увидел жилища техногенов – огромные, парящие в воздухе острова. Точно такой же мелькал где-то в Штатах, о чем активно сообщали ранее в новостях. В собственниках мира, конечно же, были правитель техногенов и верховная леди варваров. «Эта реальность, – подумал Витя, – как наглядное пособие влияния личности на социум». Но исчезнувшего Андрея Кузнецова в списке не значилось, что, в общем-то, логично. Но на всякий случай, Витя запустил поиск мужчины по остальным миллиардам миров. Девушка молчала око-

ло десяти минут и выдала точно такой же результат – среди настоящих людей других миров нет. «Чёртов кот Шрёдингера» – ругнулся Витя и отдал Виктории новую команду:

– Поставить мир на паузу и запустить проверку по движению.

– Выполнено, – ласковым голосом ответила виртуальная помощница.

Запросив показывать любые источники движения во время паузы, Виктор уставился в иллюминатор с плавно кружащейся планетой. «А вдруг, – испугался Витя, – он на другой планете?», но одёрнул себя от излишних сомнений и переживаний. Не надо, и так вечно акцентирует внимание не на самых важных вещах. Фокус в круглом окошке смазался, будто кто-то стремительно двигает камеру. Замелькали разноцветные полосы, и Витя увидел заброшенный город с разрушенными пятиэтажками, оплетёнными электрическими кабелями с поваленных столбов. Серая зона – так называли местные территорию, не принадлежащую никому. И техногены, и варвары ссылали туда низких по моральным качествам людей – воров, предателей и тех, кто убивал на войне ради удовольствия. Жуткое зрелище. Витя поёжился, увидев как безжалостный ветер терзает провода посреди белого заснеженного поля, сбивая ворон. Как хорошо, что он здесь, а не там. Изображение приостановилось напротив дыры окна на втором этажа. В комнате горел костёр, пламя которого сейчас замерло. Каждый миллиметр стен почернел от ко-

поту. На нескольких кирпичях, сложенных друг на друга и покрытых куском грязной дерюги, сидит человек в широкой шапке-ушанке. Его лицо перемотано красным шерстяным шарфом так, что видно только густые брови и уставшие глаза, опущенные вниз. Коричневая дублёнка с полосками когда-то светлого меха, покрывает ноги ниже колена. Он внимательно смотрит на застывшее пламя, поднимает рядом лежащую палку и бросает в огонь. Ничего не меняется и мужчина подается то вправо, то влево, ожидая, что пламя оживёт. Он снимает черные перчатки и подносит руки ближе к костру, пожимает плечами, трёт ладони и опускает шарф, чтобы согреть их горячим дыханием. Внимательно глядя на мужчину, Витя задумчиво похлопал в ладоши.

– Я могу с ним поговорить? – уточняет он у Виктории, ткнув пальцем по экрану.

– Мыслящий объект отсутствует, – отвечает она.

Цокнув, Виктор продолжает наблюдать, стараясь что-то придумать. Похоже, система его не идентифицирует. Чтобы проверить предположение, он снова указал на мужчину и запросил айди, но высветился номер шапки. Витя нажимал на лицо, на руку – то же самое. Система упорно не хочет распознавать мужика. «Кот скорее жив, чем мёртв – сказал он, сцепив зубы, – теперь надо достать его из коробки. Если понадобится, то за шкурку».

– Перемести меня в этот мир, – скомандовал Витя, но девушка с сожалением ответила, что это невозможно.

Хоть у неё и появились в голосе человеческие эмоции, она всё же выполняет команды согласно установленной программе. Мир снова запустился, костер рядом с мужчиной ожил, отчего тот резко подался назад и упал с кирпичей на спину. Звука не было, но по губам Витя понял, что мужик ругается чистейшим отборным русским матом. «Ну точно наш» – обрадовался Витя нашедшемуся земляку. Он ещё раз уточнил у виртуальной девушки точно ли та не видит мужчину, даже описал его, сказал имя, но на каждый вопрос она отвечала отрицательно. Вернуться к Велесу и рассказать о находке? Может, он подскажет как вытащить этого чудика. И как он вообще туда попал? А, не важно, главное достать живого кота. Или сделать из него мёртвого? Витя ужаснулся собственным мыслям и закидал их огромными булыжниками. Нет, к Ивану лучше не идти, тому так тяжело даются разговоры, нужно беречь его силы, он ведь ещё должен будет перезапуск системы инициировать.

– Виктория, – обратился Витя к девушке, почёсывая бороду, – а есть ли, – он поднял указательный палец вверх, – такие сущности, которые могут путешествовать по мирам?

– Конечно, – с удивлением ответила она и монотонно начала перечислять номера миров и числовые идентификаторы тех, кто судя по всему не ведал границ.

– Стоп, – попросил он, – И что, сколько угодно могут быть в другой реальности? Опиши как это работает.

Виктория начала энергично рассказывать про ограниче-

ния перемещений между мирами. Оказалось, что большая часть существ из списка бывает в других реальностях во время сна, некоторые – во время медитаций или в состоянии комы, но есть и такие, кто физически может находиться в параллельном мире, но с одним условием – не дольше пятнадцати минут.

– Таковы ограничения Вселенной для всех Галактик. – режюмировала она.

«Блин, – мысленно разозлился Витя, – а я почему не могу путешествовать?» Он запросил список людей, способных на путешествия и краткое описание способа. Пока девушка монотонно перечисляла цифры и рассказывала о видах перемещений, таких как проникновение в разум другой сущности, появление в форме привидения или энергии, Витя осенило.

– Виктория, в каком мире живут Лесники? – перебил он, – Мальчик там был, чуть старше меня, умеет перемещаться с помощью деревьев.

– 55.34.26.12.10.1963E – тут же назвала номер нужного мира девушка.

– Как он может быть тысяча девятьсот шестьдесят третьего, – удивился Виктор, – если я точно знаю, что он немного старше меня.

– Каждый мир имеет собственную скорость течения времени.

– Ладно, – решил не вдаваться в подробности Витя и запросил показать мир на соседнем экране.

Появились острые металлические лепестки и он поспешно отошёл к блестящей стене, на что голосовая помощница захихикала, разъясняя, что центр управления мирами сконструирован так, чтобы не нанести ущерба обслуживающему персоналу и предложила прикоснуться к одному из треугольников. Витя неловко улыбнулся непривычной человечности помощницы и озадаченно глянул на массивный разворачивающийся цветок. Пока объектив не начал закрываться, он всё же набрался смелости и быстро коснулся одного из заострённых лепестков. Тот прогнулся под резким толчком пальца и Витя сжал его ладонью. Наощупь внешне опасные лезвия оказались резиновыми и мягкими. «Блин – рассмеялся Витя, – А пугался ж чуть ли не до смерти». Он попросил Викторию вывести список настоящих людей мира Лесников в пространство и несколько расстроился когда она это исполнила, ведь раньше Велес говорил, что в наблюдательном центре работать нельзя. А он ведь поверил и попёрся в свой интерфейс, где были горящие дома. И какое счастье, что тогда пошёл дождь. Но с другой стороны, это помогло ему настроиться. «Ладно» – прервал свои размышления Витя и начал внимательно разглядывать пятерых людей на слегка просвечивающейся проекции, стараясь увидеть хоть сколько-то знакомое лицо. К счастью, трое были женщинами, значит выбирать всего из двух.

– У кого из них мама работала учительницей? – спросил Витя, вспомнив прогулку с дедушкой по лесу.

Изображение с немолодым мужчиной с длинными черными волосами, собранными в хвост сзади, подсветилось зелёным. Витя внимательно присмотрелся к карим глазам мужчины, пытаясь разбудить память о мальчике из леса, затем прочитал его краткую биографию. Укита Норимаса оказался русским с японскими корнями, его русская пра-пра-бабушка встретила японца и настояла на переезде в родную глубинку. В детстве он обнаружил способность перемещаться с помощью деревьев и после этого стал преследуем тайным обществом Лесников, которые не принимают новичков и живут согласно своему устаревшему кодексу, вопреки всему миру. «И, видимо, пользуются арбалетами» – подумал Витя и вспомнил, как ребёнком хотел предупредить мужчину об опасности через иллюминатор центра наблюдения.

– Я могу с ним связаться? – уточнил Витя, пристально глядя на казавшегося ему странным, мужчину.

– Если он подтвердит запрос. – Ответила помощница.

– Тогда отправь запрос на коммуникацию. – Отдал команду Витя и попросил приблизить изображение таинственного Укиту Норимаса.

После нескольких неудачных попыток связаться с Лесником, Витя отчаялся и собирался просить голосовую помощницу найти другого путешественника по мирам, но решил дать себе последнюю попытку.

– Укита Норимас на связи, – произнесла виртуальная девушка, и Витя прильнул к иллюминатору.

С той стороны стоял высокий мужчина с тёмными волосами, в коричневом кожаном пальто с лацканами и поднятым воротником, в черных сапогах выше колена. Глядя куда-то себе за спину, он торопливо произнёс:

– Старуха где?

Витя не понял о ком идёт речь, вежливо извинился и представился. Укита пристально вглядывался в него секунду и задал ещё один не до конца понятный вопрос:

– А пацан? Волос?

Вероятно, он имеет в виду Велеса, но тот явно не мальчик. Витя опешил и сбивчиво рассказал про ситуацию с Иваном. Лесник будто бы и не слушал, его внимание было полностью занято чем-то происходящим у него за спиной. Когда Виктор закончил, Укита кивнул и резко присел, прикоснувшись к огромному корню, пробившемуся сквозь бетон пола.

– Давай быстрее, малыш, – сказал мужчина, – не хочу, чтоб они и это зеркало нашли. Что от меня?

Витя решил не задавать лишних вопросов и несколько робко рассказал текущее положение дел.

– Ну и я подумал... – закончил Витя, – что вы можете помочь.

– Три мира.

Виктор уточнил, что тот имеет в виду и Укита, несколько напряженно, объяснил, что не выполняет поручений управленцев бесплатно и за помощь хочет, чтобы ему открыли доступ в три новых мира.

– Но как...? – начал Витя, но не успел задать вопрос полностью.

– Не согласен, разбирайтесь сами, – отрезал мужчина и замолчал на пару секунд, прислушался и шёпотом добавил, – или ищите другого, у меня нет времени на игры.

– Ладно, ладно, – суетливо ответил Витя, – я найду как, я согласен.

– Номер?

– Номер? – переспросил Виктор, чувствуя себя неловко. Ну а кому будет удобно разговаривать с тем, кто явно более осведомлён, но даже не смотрит на тебя и уж тем более, не хочет объяснять текущий порядок вещей.

– Не тормози, малёк, – строго ответил Укита, – где он застрял?

Витя отклонился и продиктовал номер соседнего окошка. Мужчина выровнялся, расстегнул верхнюю пуговицу плаща, достал небольшой блокнот в кожаном переплёте прицоки-

вая, пролистал его и остановился на одной из страниц.

– Повезло, там контакт налажен. – За окном послышались крики вдалеке и Укита спросил, – времени сколько?

– Сутки, – наконец-то Витя хоть на один вопрос ответил нормально.

Мужчина погладил волосы и поправил хвост, потом глянул на запястье, где виднелись большие круглые часы и ответил:

– Сутки не хватит, ускорь там время в..., – он задумался и глянул вверх, – в тридцать раз.

Крики за окном стали громче, изображение пошло полосами и Витя услышал удаляющийся голос Укиты:

– И свяжись со мной через пять часов по общемировому.

Дальше – звук бьющегося стекла и изображение схлопнулось в точку, будто выключили старый телевизор. Через секунду изображение восстановилось и Витя увидел Укиту, убегающего от толпы кряжистых мужиков в темно-зеленых тканевых костюмах с кожаными вставками. Путешественник между мирами увернулся от арбалетной стрелы, ловко перекатился по земле и, прикоснувшись к торчащему из земли корню высоченной сосны, растворился в пространстве.

«М-да» – подумал Виктор, стараясь переосмыслить происходящее и уложить в ровный строй новую информацию. Ясно, что время в мире Лесника течет иначе, так как он считает, что Велес – мальчик. Но, получается, Иван не сказал, что знаком с Укитой. Почему? И как открыть доступ в ми-

ры? И в какие? И значит у путешественников по реальностям, есть ограничения? «Блин – скривился Витя, – а время как ускорить?». Он потёр глаза и вспомнил о существовании Виктории, которая должна знать ответы на все вопросы. Витя обратился к голосовой помощнице и стало чуточку легче – одной элементарной командой ускорил течение времени в мире вечной войны. Посмотрел как мужчина в дублёнке начал ускоренно двигаться, будто фильм на перемотке вперёд, и немного расслабился. Но с открытием доступа к мирам оказалось сложнее – эта функция доступна только создателям. Судя по всему, наставница Велеса сотрудничала с Лесником и тот доставал для неё попаданцев. Но ведь Иван говорил, что не встречался с такой ситуацией и не нашел похожих исторических данных? Витя присел, облокотившись на металлическую обивку коридора и разглядывая быстро куда-то шагающего по серой зоне мужчину. Расслабившись и немного переварив ситуацию, Виктор осознал, что уже давно испытывает невыносимое чувство холода. Он встал и попрыгал – не помогло, потёр руками плечи – никаких изменений в ощущениях. Витя пробежался по коридору, стараясь вкладывать как можно больше усилий в каждый шаг – всё так же холодно. Челюсть нервно дергалась, издавая характерный звук. Он схватил подбородок руками, желая остановить движение, но почувствовал огромную слабость и свалился на пол без сознания.

Витя открыл глаза и вспомнил, что принимал ванну, ко-

гда погрузился в центр управления. Вода не просто остыла, она почему-то стала ледяной. Поверхность даже покрылась тоненькой корочкой льда. Витя резко крутанул кран с горячей водой и открыл пробку, чтобы этот холодильник поскорее закончился. Встал, оставив в воде только ноги, схватил белое полотенце со змеевика и судорожно начал вытираться, укутывая себя тёплой махровой тканью. Нет, выходить нельзя, можно и вовсе простудиться. Сначала надо согреться. Он пошевелил ногой в воде, ледяная корка растаяла и ближе к крану вода уже приятно согревала. Закрыл пробкой слив и стал терпеливо ждать, когда ванна снова наполнится. Понемногу перестало трясти и Витя вернулся в уже горячую воду, размышляя о течение времени в разных реальностях и в Хрониках Вечности.

Раздалась противная мелодия дверного звонка. Открывать совершенно не хотелось, но гость был чрезвычайно настойчивым. «Наверное, кто-то из знакомых двойника» – подумал Витя и заставил себя выйти из ванны. Спокойно, не торопясь, в надежде, что посетитель плюнет и уйдет, он накинул найденный в ванной комнате халат и подошел к двери. Глянул в глазок – мать нового Виктора Лимова, темноволосая женщина в светло-сером плаще и в аккуратном берете, с разъярённым видом стояла на площадке. «Блин, – вспомнил Витя, – а телефон-то я и не поставил на зарядку, она, небось звонила». Он легонько хлопнул себя по лбу, выдохнул и решил всё же открыть. Его мать перевернула бы весь дом вверх

дном, запросила бы у управляющей записи с подъездных камер, подняла бы на уши всех знакомых и друзей и каждому соседу взорвала бы мозг сотней вопросов. Судя по короткому разговору с этой женщиной, она точно такая же и всё, чем отличается от его матери, это внешность. Витя открыл защёлку и неловко улыбнулся. Женщина, не здороваясь, зашла в квартиру, разулась и поставила чайник. Потом сняла верхнюю одежду, бросила на кровать в комнате и вернулась в кухню. Она была в ярости и когда проходила мимо озадаченно стоявшего в прихожей Виктора, будто невзначай толкала его. Витя пожал плечами и присел на краешек табурета, разглядывая часто дышащую женщину. Ну вот всё в ней отличается внешне – глаза серые, а не голубые как у матери, волосы тёмные и морщин чуть меньше, но на каком-то другом уровне, энергетическом что ли, тот же самый человек. Закипел чайник и женщина, всё так же молча, игнорируя существование сына, залила кипятком пакетик. Потом уселась на табурет напротив Виктора, сделала пару глотков чая и спросила:

– Где мои банки?

Витя улыбнулся и слегка отодвинулся от стола, изображая удивление. То есть, она пребывает в ярости из-за того, что сын не привез какие-то там банки? Что за бред? Он глянул на женщину, едва сдерживая смех, и ответил, что не помнит куда поставил их, хочет, пусть сама ищет и забирает. Она встала, опять набрала воды в чайник, клацнула включатель.

Вода закипела быстро и женщина достала новую чашку, бросила в неё чайный пакетик и залила кипятком. Села на табурет, сделала пару глотков чая и снова задала вопрос:

– Где мои банки?

В этот раз Витя насторожился, но всё же ответил:

– Я же говорю, не помню, поищи сама и забери.

Женщина никак не отреагировала на его слова, встала, снова набрала воды в чайник и включила его. Вода закипела, она открыла оранжевый верхний шкафчик и достала чашку. Кинула чайный пакетик и, залив кипятком села за стол. В третий раз сделала пару глотков и спросила:

– Где мои банки?

Витя ошарашенно смотрел на неё и не понимал, может, она так шутит? «Сюрреализм какой-то» – подумал он и решил ничего не отвечать. Прошла пара минут в молчании, женщина опять встала, вскипятила чайник, заварила чай... С выпученными глазами, Виктор наблюдал одну и ту же картину ещё раз десять. Слыша один и тот же дурацкий вопрос, он уже начал психовать, отвечая, что не знает где её чёртовы банки. Один раз даже крикнул «Да что ж ты за мать такая, раз для тебя банки важнее сына!». В конце концов, Витя сел за стол и, положив голову на руку, устало наблюдал за одними и теми же механическими действиями женщины. От скуки, усталости и однообразия, он решил провести несколько экспериментов. Оказалось, что, если чашки заканчиваются, то она берет одну со стола, моет и дальше повторяется всё

то же самое. Если же Витя уходит, она идёт за ним со своим вопросом о банках. Ну и, конечно, от его ответа ничего не зависит. «Этого ещё не хватало. Какой-то мини-день сурка!» – с досадой подумал Витя, поставив телефон на зарядку. Вспомнив о своём главном деле, он задумался, отличается ли течение времени в его мире от общемирового, ведь уже прошло почти два часа с момента выхода из центра управления. Нельзя пропустить момент связи с Лесником. Ни в коем случае.

Витя решил поймать момент когда зацикленная, по непонятным причинам, женщина будет делать чай и выскользнуть на улицу. Стыдливо прикрываясь халатом, он сумел переодеться. Конечно, мать Виктора Лимова наверняка видела его в любом состоянии, но как-то неловко быть обнажённым перед чужим для него человеком. Он пару раз поводил у неё перед глазами, но та никак не реагировала, лишь спрашивала про свои дурацкие банки. Витя даже сорвался и нашел какие-то пятилитровые бутылки с консервацией на кухне, избавился от содержимого и надеялся, что она уgomонится, возьмет их и уедет, но нет, выхода из цикла не было. Поэтому, он решил пойти на хитрость – запереть её дома и поехать к Геннадию. Может быть, это несколько и бесчеловечно по отношению к чужой матери, но разве... она человек? Наверное, настоящая женщина спокойно живёт в другом мире, занимается своими делами, а это лишь её зацикленная проекция. Витя уже более-менее смирился с мыслью, что в мире, который он привык считать реальным, есть лишь несколько человек, способных на реальное изменение личности. Все остальные миллиарды жителей – тени личностей из персональных миров. С одной стороны, такой факт пугает, но с другой, становится понятно почему иногда людям «не прыгнуть выше головы». Он стоял обутый и одетый в прихожей, ожидая по-

ка темноволосая женщина развернется и пойдет снова делать чай. Стало жарко и Витя слегка расстегнул спортивную куртку. Наконец-то мать ушла на кухню, зашумела вода. Он открыл дверь – клацнул чайник – закрыл дверь и прокрутил ключом замок. Побежал на лестничную площадку, стараясь даже не прислушиваться к звукам из своей квартиры, стремительно начал спускаться по ступеням и на пятнадцатом этаже уже запыхался. Прошел пешком до десятого и всё же вызвал лифт. «Фух, – подумал он, выбрался».

Он подошел к остановке, но вспомнил, что денег на проезд опять нет. Время поджидает. Остаётся около полутора часа до связи с Укитой, а он даже не знает, получится ли быстро попасть в Хроники. Обычно это происходит каким-то случайным образом и Витя, честно говоря, не до конца понял механизм работы. «Блин! – хлопнул он себя по лбу, – про открытие миров для Лесника забыл!». Он нервно посмотрел время на смартфоне и, желая провалиться от стыда под землю, подошел к молодой женщине, переминающейся от холода с ноги на ногу, с просьбой:

– Извините, у меня карту заблокировали, не могли бы вы одолжить тридцать пять рублей на проезд? Очень нужно уехать!

Девушка презрительно глянула и молча мотнула головой. Витя стыдливо отошёл за остановку, думая про себя «дожил-ся, денег клянчить приходится» и подошел к слегка шатающемуся мужчине с другой стороны. Вежливо и уважитель-

но обращаясь к нему, попросил несчастные копейки. Мужик покривился и полез в карман светлых джинсов с едва заметными грязевыми разводами. Он протянул Виктору сжатый кулак и, пошатнувшись, высыпал ему на ладонь мелочи по пятьдесят копеек и рублю, уронив часть монеток в лужу. Витя присел, собирая и вытирая мелочь о штаны, отошел к магазину, где в свете витрин можно было спокойно пересчитать улов. Двадцать пять шестьдесят, но десюлик у него есть, значит на маршрутку уже хватает. Вот как интересно, внешне приличная девушка отказала в помощи, а подозрительного вида мужик помог. Витя вернулся к дороге, высматривая нужный транспорт. Появилась небольшая белая газелька, но только она начала поворачивать к остановке, как исчезла и через мгновение снова возникла в пятидесяти метрах. Озадаченно глядя на других людей, Витя развёл руками, ища поддержки или хотя бы понимания, но люди стояли, как ни в чём не бывало и осуждающе смотрели как он машет руками. «Это что такое?» – подумал он, наблюдая, как и во второй, и в третий раз, маршрутка притормаживает у остановки, а потом возвращается в первоначальную точку появления на дороге. «Черт побери!» – громко выругался Витя и побежал во дворы чтобы на другой остановке сесть в подходящий транспорт.

К счастью, тут автобусы и троллейбусы ходили исправно без зацикливаний, хотя в самом транспорте несколько людей вели себя крайне подозрительно. Например, кондуктор раз

десять обилечивал одного и того мужчину, а тот исправно платил, а женщина на соседнем с Витей сиденьи непрерывно звонила, видимо, сыну и говорила «Я в автобусе, ты поел?». Наблюдая за происходящим безумием, Виктор бубнил под нос песню «Hey You». Несколько раз повторив строчку «Hey you, don't help them to bury the light, don't give in without a fight.», он испугался, что заикнулся так же как и остальные и слегка передёрнулся всем телом. Прошел почти час, прежде, чем Витя добрался до трехэтажного здания из красного кирпича.

За маленькими оконцами чердачного помещения виднелись быстро плывущие на фоне пурпурного неба, серые облака. Солнце оставляло и на них свои отметины – окрашивало низы легким бордовым оттенком. Геннадий, ссутулясь, ходил туда-сюда по погружившемуся в сумерки захламленному помещению. Огонёк его сигареты то и дело вспыхивал ярче возле лица. Комната ещё больше заполнялась едким табачным дымом. Гена что-то невнятно бормотал, иногда поднимая указательный палец вверх и хмыкая. Потом внимательно глянул на Виктора, сказал «У меня дела, до завтра не будет» и не отвечая на вопросы, взял ключи и вышел. Витя, конечно, озадачился таким поведением, но взглянув на время, ужаснулся. Концентрируясь замер на стареньком диване, плавно вдыхая и выдыхая, стараясь не обращать внимания на едкий сигаретный дым, оставшийся после инженера. И довольно быстро его усилия увенчались успехом. Он без осо-

бых сложностей очутился в двумерном пространстве рядом с почти растворившимся Велесом. Никакого тёмного пространства и необъяснимых ощущений, сразу – коричневые квадраты и Иван, лежащий вдоль стены без рук и ног. Вернее, фактически они, конечно, остались, но были тряпичными, мягкими. Видимо, вторая нога тоже растворилась и Велес упал, больше не имея опоры и не в силах подняться.

Витя, не увидев никакого движения, испуганно подбежал к несчастному, переживая, что всё, он опоздал, Велес погиб. Глаза, к счастью, не сползли ниже, рот остался на прежнем месте и только нос слегка раздулся. Уже было не узнать того Ивана, который когда-то внимательно и строго взирал на Виктора с экрана маминого телевизора. Заботливо погладив Велеса по голове, Витя тихо сказал, что им нужно поговорить. То, что осталось от Ивана, засопело разбрызгивая слюни. Витя постарался приподнять его и облокотить на коричневый прямоугольник, имитирующий стену. Удалось не с первого раза, но говорить с существом, расположенным вертикально стало морально более приемлемо. Да и Велес, судя по всему, в таком положении не чувствовал себя бездушным поленом, валяющимся без дела.

– Нам нужно открыть доступ к трём новым мирам для Укиты Норимаса, – мягко сказал Витя и добавил, – а он вытащит попаданца.

– Арина, – захрипел Велес вместо ответа, – выбери три мира с насыщенной растительностью и открой доступ Лес-

нику.

– Открываю доступ, – электронным голосом от-
ветила помощница Ивана, – к 32.04.06.31.07.1965К,
44.23.20.09.10.1823С и 59.21.10.10.05.1990Д.

Девушка говорила медленно и неестественно, скорее все-
го, травмы Велеса, влияют и на неё.

– Ты как? – Спросил Витя, поглаживая Ивана по тому,
что осталось от плеча. Тот плавно опустил веки и постарал-
ся кивнуть. Витя понял этот жест как «Терпимо» и, добавив
подбадривающие фразы о том, что у них получится и ско-
ро всё будет хорошо, шагнул в желтый прямоугольник, пред-
ставляя наблюдательный центр.

Пока Виктор отсутствовал в коридорах с иллюминатора-
ми, порядок миров изменился. А, может быть, это просто
он сам появился в другом месте. Витя уверенно скомандо-
вал голосовой помощнице отобразить два мира на ближай-
ших экранах – реальность вечной войны и Лесника. Когда
резиновые, как он уже знал, лепестки закрылись и открылись
заново, он запросил связь с Укитой. Пока мужчина не от-
ветил, Витя разглядывал изменения в жизни попаданца. За
экраном всё так же был ускоренный режим и Андрей Кузне-
цов, как его звали в реальности, задумчиво бродил вокруг
исполинского дерева вместе с длинноволосой девушкой с яр-
ко-зелёными глазами.

– Не выйдет, – услышал Витя уже знакомый голос Лесни-
ка и подошёл к соседнему экрану, внимательно разглядывая

поцарапанное лицо Укиты.

– Ты почему не сказал, что у него айдишника нет? – с укором спросил мужчина.

Витя, слегка забежав глазами, ответил:

– Вы не спрашивали, я не думал...

– А надо думать, малёк, – перебил Укита, – если хочешь, закрывай доступ, но вытащить вашего попаданца я не смогу.

– Ну нет! – в сердцах крикнул Витя, но осознавая бесполезность обвинений Лесника, выдохнул и спросил, – А что делать тогда?

Укита снова нервно озирался по сторонам и начал говорить шёпотом:

– Вы можете, – он глянул за спину, – знакомая из того мира подсказала, – мужчина подошел ближе настолько, что Витя смог разглядеть светлые лучики в его почти черных глазах, – присвоить ему новый айди, будто он собственник того мира и удалить из другого. – Укита выровнялся, – но энергии много надо. С Волосом покумекайте там.

Витя снова услышал громкие крики вдали в мире Лесника и понял, что сейчас связь оборвётся. Беспомощно пожав плечами, он поблагодарил Укиту за помощь и сказал, что не будет закрывать доступ в открытые для него миры. Голоса за спиной Лесника становились всё громче и Виктор увидел, как тот побежал влево. Звук бьющегося стекла не было, экран просто сменил изображение на бегущего от толпы Укиту. «Ну что, теперь обратно» – подумал Витя и скоман-

довал виртуальной девушке:
– Открыть дверь к Велесу.

Виктор, сидя рядом с бесформенным «нечто», лишь отдаленно напоминая Ивану, задумчиво разглядывал свои руки. Фаланги пальцев четко отделяются поперечными полосками, а пальцы слегка морщинистые, с неярко выраженными отпечатками. «Как интересно, – думал он, – И ведь у каждого человека уникальное положение этих линий». Существо рядом посапывало своим кривым ртом и Витя, время от времени, вытирал рукавом слюну с его уродливого лица. Он уже привык смотреть на Велеса прямо, не отводя взгляд и не стыдясь своего нормального самочувствия. В этом двумерном коричневом пространстве, которое с каждым разом становилось всё более плоским, Витя не мог обратиться к своей голосовой помощнице. Иван с трудом разговаривал, шепелявил и кряхтел, поэтому активной дискуссии о спасении мира не вышло. «Всё в мире состоит из энергии» – подумал Виктор и взглянул вверх. Прямоугольник, что был потолком, просвечивался и обнажал безжизненную нескончаемую тьму. Ни звёзд, ни облаков, ни птиц – такое зрелище непривычно для человека, выросшего под голубым небом. Вот уж где остался действительно наедине с самим собой. Хочется выдохнуть, собраться с силами и мыслями прежде, чем вступить в должность палача. А казнить придётся. Велес сказал, что назначение идентификатора равноценно вне-

плановому созданию нового мира. И так как баланс энергии в Галактике должен быть нерушим, есть два варианта – собрать излишки по миллиардам миров, что займёт около трёх суток, которых у них нет, или забрать энергию из какого-то одного мира. То есть, полностью уничтожить одну из реальностей и перенаправить освободившиеся потоки на вписывание нового человека в Хроники мира вечной войны. Иван предложил свой мир, но Витя отрицательно-возмущённо замахал руками. Ещё чего не хватало! Уговорить Велеса помогла виртуальная помощница, которая холодным машинным голосом вмешалась в разговор и прокомментировала, что он должен быть в сознании в течение всего процесса, а энергия расходуется при старте процедуры.

– Нет, Иван, – заботливо сказал Виктор, – Ты будешь жить. – Может его, Кузнецова этого заказать? Ну, – стыдливо продолжил он, – чтобы убили его там. Миры пересоберутся и у всех всё будет хорошо, – Но потом вспомнил одинокого мужика в дублёнке у костра и сам себе ответил, – Нет, нечестно будет. Он, наверное, меньше нашего понимает, что произошло.

Тяжело вздохнув, Витя подбадривающе похлопал Велеса по макушке и продолжил разговор с самим собой, иногда поглядывая на остаток Ивана, чтобы убедиться, что тот дышит.

– Или звёзды? Там всё равно собственник умер, – он почесал за ухом, – Учитель хотел ведь стать энергией Хроник Вечности, так можно их всех, – Витя большим пальцем про-

вел по шее, – отправить на благое дело. – Он повернулся и спросил, – Ты сколько ещё протянуть сможешь?

– День, – сдавленным хрипом ответил Велес.

– Ну, день это уже что-то, – Витя пошевелил носом, прихихиваясь, – Горелым пахнет, не чувствуешь?

Иван слегка мотнул головой, аккуратно, чтобы она не завалилась набок и он снова не стал валяющимся вдоль стены бревном.

– Да воняет гарью, точно говорю, – насупился Виктор, активно двигая ноздрями.

– Иди в реальность, – просопел Велес, – я в норме.

Витя недовольно скривился. Не в его привычках оставлять человека в беде. Но огонь – это вам не шуточки, он-то уже прочувствовал это на своей шкуре в Хрониках, не хотелось бы повторить в реальности. Витя задумался, что раньше время текло иначе и когда он находился в центре управления мирами, в реальности могло не пройти и секунды. А сейчас, похоже, всё синхронизировалось. Или поломалось. Он поспешно переместился в помещение-осьминог и скомандовал «Выход».

Открыв глаза, Витя сразу же зажмурился и закрыл уши ладонями. Входную дверь пилили снаружи болгаркой. Опять. Уж этот-то звук он запомнил навсегда. Выругавшись, Виктор подбежал к окошкам и открыл их настежь, чтобы дым, скапливающийся в комнатке, хоть немного рассеялся и не резал глаза. Воняло палёной резиной Витя подошел чуть ближе к

месту действий и обратил внимание, что по периметру двери какая-то плотная тканевая окантовка, которая загорается от искр, но, к счастью, сразу тухнет. С той стороны слышны громкие мужские голоса. Один спрашивает скоро ли откроют дверь, другой, видимо, с инструментом, кричит «Да, ща». Витя хлопнул ладонью по карману джинсов, проверяя на месте ли телефон. К счастью, в отличие от взлома его квартиры, сейчас никаких ценных вещей у него не было. Меньше вещей, меньше суеты. Он ухмыльнулся собственному наблюдению и крикнул «Эй!». Его не услышали, он набрал воздуха и заорал снова. Инструмент остановился и Витя подошел к двери, поочередно открывая замки. Толкнул и прямоугольник металла чуть не вывалился на людей с той стороны. Витя резко схватился за ручку, слегка приседая и удерживая дверь, не хотелось бы кого-то пришибить.

Мужчина в рабочей одежде недовольно глядел на Виктора и бубнил бранные слова. За ним маячили два человека в форме, один из которых держал в руках черную папку и стоял чуть в стороне, немного пугливо наблюдая за происходящим. «Стажер, может какой» – подумал Витя. Около минуты все стояли молча разглядывая друг друга. Полицейский, что стоял ближе, похлопал по плечу рабочего и сказал «Дальше мы сами». Тот, продолжая бурчать и чертыхаться, собрал все свои инструменты и потащился по ступеням вниз.

– Предъявите документы, пожалуйста, – слегка раздув ноздри командовал он Виктору.

– А что, собственно... – начал было вопрос Витя, но понял, что лучше не продолжать и наигранно беззаботно стал ощупывать карманы в джинсах, потом в куртке, которая с одной стороны покрылась мелкими точками от искр потому, что висела рядом с дверью. Паспорта не было, не додумался взять документы нового Лимова, поэтому, сопровождая словами «Где же я их оставил», он шарил руками по стеллажам, забравшись на табуретку, а сам старался придумать план действий. «Может, у него права есть?» – осенило Виктора и он достал из куртки небольшой кошелёк. Найдя пластиковую розовенькую карточку, не удержался и улыбнулся.

– Вот, права подойдут? – наивно спросил он.

– Угу, – недовольно промычал служитель правопорядка, поглядывая то на Витю, то на документ, то на комнату, – Геннадий Шолохов вам кем приходится?

– Просто, – замаявшись ответил Виктор, – знакомый.

– И часто вы у знакомых живёте?

– Нет, – пожал Витя плечами и всё же решил спросить, – А в чём дело?

– Пройдете с нами в отделение. Вы задержаны по подозрению в соучастии в убийстве.

Витя инстинктивно попятился, вжав голову в плечи и вытаращив глаза.

– Какое убийство? – изумился он, но не получил ответа.

Полицейский вежливо и без эмоций попросил не сопротивляться и спокойно пройти в отделение для выяснения об-

стоятельств и составления протокола. Витя натянул куртку и вяло побрёл за женщиной. Молодой, с папкой в руках, остался в камерке Геннадия, внимательно оглядывая полки и рабочий стол инженера.

На месте у него забрали телефон и кошелек, задокументировали изъятое и направили в изолятор временного содержания – небольшую комнату с серыми стенами, двухэтажной кроватью с повидавшими многое матрасами и дыркой туалета, отгороженного от остального помещения кафельной стенкой в половину человеческого роста. В нос ударил резкий запах моющего, такого от которого глаза слезятся если его долго не смывать. Но в целом, всё было прилично. Руки не заламывали, обращались вежливо и даже объяснили, что он посидит здесь пару часов пока оформляют бумаги, потом пойдет к следователю. Тогда же получит телефон, чтобы позвонить кому-то из близких родственников и сообщить своё местонахождение. «И кому звонить, – усмехнулся про себя Витя, – зациклившейся матери?». К счастью, он был в изоляторе один, никаких подозрительных личностей с татуировками, вонючих бомжей и другого сброда. Виктор сел на нижнюю кровать, облокотился на стену и в ожидании, пребывая в состоянии полного безделья, решил переосмыслить происходящее.

«Гена кого-то убил, – заключил он, – А раз я был у него, значит попадаю под подозрение. С этим всё ясно». Витя прокрутил в голове последнее общение с инженером и понял,

что тот собирался мстить. Видимо, свершилось. Интересно, конечно, кто конкретно стал жертвой, но об этом ему наверняка расскажет следователь. Окажись Витя в таком изоляторе раньше, запаниковал бы, судорожно продумывая линию поведения и формулировки ответов при допросе. Но сейчас ему было спокойно, единственное, что тревожило ум – где взять энергию для незнакомого земляка-попаданца. Не ясно, конечно, почему его нельзя вернуть назад и присвоить уже существующий айдишник. Хотя, нет, ясно. Сам он путешествовать по мирам не умеет, а странники вроде Укиты могут перемещать только сущностей с идентификаторами – это говорила Виктория. «Мда, – цокнул Витя, – всё же удобнее было бы его убить, – и усмехнувшись, добавил, – ведь нет единого верного пути». Он стукнул себя по голове, выбивая дурь. Внезапно все элементы пазла сложились, недостающий фрагмент встал на место. Он сцепил зубы, сдерживая слегка проступившие слёзы и прошептал:

– Неужели для меня скоро всё закончится?

В сравнении с камерой, где была всего одна тускло светящаяся лампочка, кабинет, залитый солнечным светом, показался прекрасным интерфейсом. Витя слегка улыбнулся, поймав себя на мысли, что в неизвестно-где-расположенном пространстве центра управления мирами осознаёт себя более живым, чем в этой поломанной реальности. Краснощёкий, слегка полноватый следователь пренебрежительно указал Вите на стул. Он присел, стараясь «заземлить» разум на общение с проекциями, выполняющими свою функцию. «Нет – одёрнул Витя себя, – Пусть здесь они тени, но ты личностей, людей». Он несколько пренебрежительно, демонстрируя уверенность в себе, закинул ногу на ногу и посмотрел на часы на стене. Три часа дня. Если течение времени не изменилось, до утилизации этой реальности осталось около девяти часов. «Держись, друг» – подумал он про Велеса и устало вздохнул, разглядывая служителя правопорядка, уткнувшегося в какую-то бумажку.

– Я могу встретиться с Геннадием Шолоховым? – спросил Витя, наклонив голову.

– Вы задержаны как подозреваемый в соучастии в убийстве, – не поднимая головы, сказал следователь и стёр капельку пота со лба, оставив без ответа вопрос.

Секундная стрелка часов тихонько шурша перемещалась

по кругу, напоминая о скоротечности времени. Витя, не мигая смотрел на циферблат в ожидании хоть какой-то конкретики от мужчины напротив. Не просидев и минуты, он уверенно сказал:

– Если я не обвиняемый то, пожалуй, пойду, – и поднялся, удивившись собственной наглости. Да будь он буквально месяц назад в такой ситуации, думал бы как вежливее и аккуратнее беседовать со следователем, чтобы не вызвать подозрений в чем-либо.

– Сядьте, – заикнувшись сказал мужчина и добавил, глядя на Виктора, – пожалуйста.

Нехотя, Витя присел и следователь отложил в сторону какие-то бумажки слегка трясущимися руками.

– Геннадий Шолохов в ночь с двенадцатого на тринадцатое октября убил действующего депутата местной городской думы.

Слегка надув щёки, чтоб сдержатъ смех, Витя выпучил глаза, стараясь более естественно изобразить шок от услышанного. Вряд ли Гена ошибся в том, кому мстить. Значит не все бандиты во власти перевелись, остались ещё паршивцы! Следователь нервно постукивал ручкой по столу то и дело вытирая капельки проступающей жидкости со лба.

– Я к этому отношения не имею, – Витя мотнул головой и пожал плечами, – я даже не знаю кто там в думе сидит.

Мужчина задал несколько вопросов о причине пребывания в комнате Геннадия, уточнил в каких взаимоотношении

ях они состоят и что их связывает. Слегка подумав, Виктор сказал, что обращался к нему за психологической помощью из-за регулярных приступов сомнамбулизма. Он рассказал, что в их последнюю встречу инженер, а по совместительству лекарь души, вёл себя подозрительно, суетился и переживал. Витя сообщил, что не собирался оставаться у него надолго, так как Гена сказал, что вышел в магазин и скоро вернется.

– Но, – резюмировал Витя, – как вы понимаете, не вернулся. – Он выдохнул и недовольно скривился, – Подумал подождать его немного, задремал, а проснулся – дверь пилят. – Помолчал несколько секунд и прислушался к подсознанию, которое настойчиво требовало добавить душещипательной истории, – У него супруга инвалид. Как-то сеанс в его квартире проходил, я её видел. Она не говорит, изуродована жутко, ходить сама не может. Я бы... – он робко глянул на следователя, – хотел ей помочь, понимаете? – Витя облокотился на стол и глянул в глаза мужчине, – Я ведь и к другим психотерапевтам ходил, и никто! – он чуть повысил голос, акцентировав внимание на словах, – никто мне не помог, а Геннадий... – Витя добавил сожаления в голос, – Понимаю, преступление совершил. Но позвольте увидеться, спросить как жене его помочь.

Витя еще несколько минут сокрушался о том какое страшное наказание следует назначить за убийство и что такое даже хорошим людям прощать нельзя. Потом посочувствовал личным проблемам следователя, связанным с этим проис-

шествием. Что тот, видимо, близко к сердцу всё принимает, боится сделать что-то неправильно и, судя по всему, своими словами попал в точку. Мужчина перестал задавать вопросы и уткнулся в заполнение протокола. Быстро начеркал текст на бумаге, отдал Виктору на подпись и резко сказал «Идёмте». За дверью стояло несколько людей в форме и громко смеялись. Следователь, пожал им руки и суетливо пошел по коридору. Витя напрягся, они шли не к выходу, где должны были отдать вещи и отпустить его на свободу, а обратно к камерам.

– Он ещё здесь, – Мужчина, с лица которого уже сошла краснота, махнул рукой в сторону, – у вас пять минут.

Неуверенно пройдя мимо охранника Витя увидел в одной из камер знакомый силуэт. Геннадий, покашливая, сидел на койке и смотрел в маленькое зарешеченное окошко. На верхней полке без одеяла лежал незнакомый мужчина. Витя шикнул и подозвал инженера, оглядываясь на разглядывающего свои ногти мужчину в форме. Гена подошел ближе и усмехнулся, ничего не говоря. Под левым глазом щуплого инженера, будто состарившегося вдвое за день пока они не виделись, красовался красно-синий фингал.

– Гена, – поджав губы рассек молчание Витя, – спасибо тебе, что показал нужную дверь.

Он не знал как выразить словами благодарность в наставничестве с Хрониками Вечности и надеялся, что инженер поймет. Хотя нет, если признаться честно, ему было всё

равно. Он перерос тот момент, когда говоришь «спасибо» и ожидаешь радостных дифирамбов в ответ. Благодарность – это не для ответа, это для дарения добра. Инженер посмотрел в пол, потом внимательно всмотрелся в глаза Виктора и, кивнув, загадочно, в своём духе, произнёс:

– Мальчик, хотел понимания и нашёл его. Потом мальчик запутался, – он грустно усмехнулся, – и искал правду. Найдя её, он захотел свободы. – Гена цокнул и его улыбка стала шире, – а когда обрёл и её, стал мужчиной. Теперь мужчина хочет баланса. – Он не пару секунд замер и уверенно закончил, – У него получится и это.

Не до конца понимая философскую речь инженера, Витя просто сказал «Да» и громко спросил про то, чем помочь жене Геннадия. Инженер отошёл от камеры, демонстративно и слегка безумно, напоминая Учителя развёл руки и ответил:

– Через несколько часов меня обвинят в её убийстве, – он медленно захлопал в ладоши, – а потом, – повернулся на месте, во время суда я умру от действия ингибитора.

Виктор сжал зубы, после услышанного в душе бушевала жалость. Он хотел спросить что можно с этим всем сделать, как помочь исправить ситуацию, но Гена выдвинул руку ладонью вперёд и сказал «Делай, что должен, администратор», потом развернулся спиной и сел, внимательно глядя в маленькое зарешеченное окошко. В попытках продолжить разговор, Витя начал кричать и охранник напрягся. Вернулся следователь и увел его по коридору к выходу, где ему отдали

телефон, бумажник и вежливо выдвинули на улицу.

Нет ничего свежее, чем первый глоток воздуха после изолятора. Открываешь новенькую пластиковую дверь старого здания полиции, плавно спускаешься по ступеням и осматриваешься – изучаешь обстановку. Раньше бы Витя чувствовал себя загнанным зверем, которого наконец-то выпустили на свободу, но не сейчас. Гордо подняв голову, он остановился и поднял голову вверх. «Ещё несколько важных дел» – подумал он и позвонил матери параллельного Виктора Лимова.

– Где мои банки? – спросила она, едва Витя набрал номер.

– Банки – не самое ценное в твоей жизни, – ответил он, – и пусть ты не понимаешь, что я говорю, может хоть как-то мои слова проникнут в твоё сознание. Береги сына и прощай. – Он сбросил не дожидаясь второго вопроса.

Нужно позвонить ещё одной важной в его жизни женщине – бабушке. Она ответила не сразу и начала с вопроса о том как его дела. Витя попросил не считать его сумасшедшим за то, что скажет дальше и произнёс:

– Наверное, мать сильно страдала в детстве, раз стала такой бездушной вне зависимости от того кем был её отец. Ты сделала её такой, а она отыгрывалась всю жизнь на мне. И, может быть, то, что я говорю, бессмысленно для тебя сейчас. – Женщина пыталась перебить, но Витя не останавливал свой монолог, – Но если есть хотя бы малейший шанс, что мои слова отразятся в будущем или прошлом мире, в

параллельной или альтернативной реальности, я должен это сказать. Дай больше любви и понимания своей дочери. Кажется, она в этом сильно нуждается. – Он сбросил звонок и выключил телефон, исступлённо глядя на экран. Витя очень любил бабулю и она любила его, была доброй и заботливой бабушкой. Но мать всегда была у неё в немилости. Раньше он не задумывался о том, что сделало мать такой мелочной, эгоистичной и порой даже злобной. Раньше...

Боковым зрением Виктор заметил какой-то неестественный свет. Повернувшись, он увидел, что здание полиции, из которого он только что вышел, превратилось в белый, слегка покачивающийся прямоугольник. Не такой двухмерный как помещение Велеса, а с тенями и даже с какой-то шероховатой текстурой. Как будто вместо кирпичей использовали огромные куски картона. Исчезли ступени, а вместо двери был ровно вырезанный прямоугольник. Как детская поделка, ей-богу. Имитация двери открылась и оттуда вышел человек, если можно это так назвать. Набор пересекающихся между собой линий в форме туловища и головы. Ни кожи, ни внутренностей – только синие полоски и один толстый, выходящий из головы, белый канат с мерцающими искорками. Витя оглянулся – всё стало белым, каждый дом, киоск, остановки и даже бордюры. А люди превратились в одинаковые скелеты как в программе для 3Д моделирования.

«Пора» – подумал Витя и, подойдя к ближайшему бумажному кубику здания, присел облокотившись на стену.

Попасть в Хроники Вечности уже не составляло для Виктора труда. Он расслабился, с лёгкостью игнорируя окружающие шорохи и даже обращающиеся к нему 3Д модели людей. Он сразу очутился в двумерном пространстве Велеса и сильно зажмурился, стараясь вернуть себе уверенный настрой. А это было сложно, ведь возле полупрозрачной стены лежало нечто, что было раньше Иваном. Витя открыл глаза, отгоняя чувство отвращения при взгляде на голые внутренние органы без кожи и костей. Сердце ровно бьется и качает кровь по аккуратно разложенным на полу сосудам, лёгкие увеличиваются, наполняясь воздухом и плавно уменьшаются. Трубы кишечника напоминают огромного неподвижного червя, а печень покрыта противной слизью. Всё так, как Витя видел в учебниках по биологии, но органы расположены не внутри туловища, а аккуратно лежат на полу. Только голова Велеса сохранилась в прежнем состоянии – со сплзшими глазами, раздувшимися ноздрями и ртом, углы губ которого опущены резко вниз. Витя подавил приступ тошноты, прикрыв рот рукой. Такого жуткого зрелища он не ожидал. Ладно, свисающие тряпочки рук и ног, но полное отсутствие внешнего покрытия тела – это до невозможного мерзко. Он присмотрелся внимательнее к внутренним органам – непонятно как, но они функционируют, двигаются, орга-

низм работает. Значит, Велес жив. Витя негромко обратился к нему, боясь даже пальцем притронуться к ещё целому черепу, вдруг что-то поломает. Иван медленно открыл глаза и захрипел. Во взгляде читалась невыносимая боль, которая превосходит все известные человечеству страдания.

– Я ещё жив, – попробовал он ухмыльнуться, но подавился слюной и закашлялся.

Виктор выдохнул и крепко, что было сил, сжал кулаки. Потом разжал ладони, присел рядом с пищеводом Ивана и глядя ему в глаза, сказал:

– Я всё решил. – Он прикусил губу, – Используй мой мир и мою энергию.

Велес молча смотрел, ничего не произнося и Витя внимательно глянул на лёгкие и сердце – движутся, значит ещё жив. Но на счету каждая секунда.

– Я уверен, – кивая продолжил он, – Действуем.

– Может... – прохрипел Велес, видимо, желая задать какой-то вопрос, но у него не хватило сил и он снова замолчал.

– Я... – Витя цокнул и хотел рассказать о том, что боится и не хочет терять жизнь. О том, как обидно прекращать существование именно в тот момент, когда ты наконец-то справился с внутренними демонами и готов сделать свой мир самым светлым из всех существующих. Он хотел поделиться тем, как пугает неизвестность, пустота, вечный мрак. А ещё, рассказать о том, как однажды в детстве видел багрово-красный рассвет над морем, чарующий и будто останавливающий

время, прекращающий любые страдания. И так много всего он хотел бы рассказать единственному оставшемуся товарищу, с которым он уже никогда... Никогда не сможет пообщаться. Он поджал губы и продолжил, – Хочу, чтобы во все наши миры вернулся баланс, – Витя отвёл взгляд, плавно встал, посмотрел в уставшие до невозможного глаза Велеса. – Действуем, – хлопнул он в ладоши и низко кивнул.

Несколько секунд Иван смотрел на Витю, а потом закатил глаза и сдавленно произнёс:

– Арина, назначить новый идентификатор неопознанному объекту в мире 17.57.01.02.05.1991А, – выдержал паузу, сглотнул обильно выделяющуюся слюну и добавил, – Использовать энергию мира 59.21.10.10.05.1990Д. После процедуры перезапустить МИР.

Витя, подёргивая левым уголком рта, ощутил, что трясётся всем телом. Его движения стали отрывистыми, он то нервно чесал голову, то щупал бороду, то часто моргал, резко поворачивая голову из стороны в сторону. Когда Велес закончил давать команду голосовой помощнице, Виктор вдруг улыбнулся и глубоко вздохнул. Внезапно, в один миг испарились все переживания и сомнения. Он почувствовал, что его путь только начинается. Почувствовал именно в эту секунду, когда очертания внутренних органов несчастного Велеса растворяются перед глазами и превращаются в смазанный розоватый овал. Витя сделал ещё вдох и осознал, что с самого детства знал верное направление, но не решался стать

собой. И только сейчас, когда исчезает ощущение собственного тела, испаряется присутствующий до этого легкий запах гнили, становятся глухими ритмичные звуки бьющегося сердца и даже нет надобности дышать, он делает свой первый настоящий и честный шаг. И пусть этот его первый шаг последний, но к финалу Виктор пришёл в полной гармонии с собой, наконец-то став живым человеком.

Темнота.

Он не чувствует ничего – ни страха, ни боли, ни радости, ни тревоги. Он парит. Завис в бесконечно уютном пространстве. Единственное оставшееся чувство – безмятежное безусловное спокойствие. Единственная оставшаяся мысль: «Баланс восстановлен».

Если допоздна сидеть за компьютером, наутро голова превращается в огромный колокол, в котором тяжелый металлический язычок бьет при каждом шаге сначала в один висок, потом в другой. Витя открыл глаза и почувствовал, будто забыл нечто важное. Игнорируя непрекращающийся гул в голове, он встал с кровати и потянулся руками к потолку, плавно шевеля мышцами стены. Резко выдохнул, сбросил напряжение и нагнулся к ногам, расслабив руки. Немного полегчало. Он пошел на кухню, вращая запястьями, отчего-то затёкшими после сна. На кухонном столе несколько

грязных чашек, рассыпался сахар и валяются чайные пакетики. «Никакой работы, пока не наведу порядок» – подумал он. Составил чашки в раковину, вытер стол и аккуратно сложил пакетики чая в коробочку. Витя замер, глядя на грязный от копоти чайник и у него промелькнуло глубокое чувство дежавю, которое, впрочем, быстро испарилось. Он открыл верхний шкафчик, недовольно подметив пятна грязи и отпечатки пальцев на глянцевой поверхности, достал стакан и налил кипячёной воды. Медленными глотками допивая прозрачную жидкость, он разглядывал деревья, с которых только начинает опадать листва, покрывая дорожки и тропинки мягким ковром.

Зазвонил мобильный и Витя, подпевая мелодии, вернулся в зал, неловко глядя на имя на экране. Кажется, он проспал и забыл про регулярный звонок с менеджером по персоналу. Витя ответил, извинился за отсутствие и сказал как есть – проспал, позавтракает и примется за работу. Девушка ответила с пониманием и вежливо попросила не допускать таких ситуаций в будущем. «Нет, – подумал Витя, – я забыл о чём-то другом, более важном» и сел на диван, уставившись в телефон. Пятнадцатое сентября, десять сорок семь. На иконке сообщений в маленьком кружочке цифра один – непрочитанная смс. Он кликнул на желтый квадратик и прочитал «Голосовая почта. Абонент +01234567890 оставил сообщение 15/10 в 00:27» и дальше информация для прослушивания и скачивания. Обычно Витя игнорирует подобные сооб-

щения. Чаще всего там какие-то непонятные шумы – просто звонивший не успел сбросить звонок до того, как включится автоответчик. Но что с номером звонившего? Разве такой может быть? Витя кликнул по ссылке и набрал абонента, пара секунд и «неправильно набран номер». А дата? Четырнадцатое октября? «Что-то здесь не так» – озадачился Витя, поглядывая то на главный экран с датой на смартфоне, то в смс. Не успел он набрать четыре цифры для прослушивания сообщения, как телефон в руках снова начал считать на немецком. Высветилось «Костя».

– Витёк, привет! – весело поздоровался друг.

Витя вдруг проникся таким необъяснимым чувством радости, будто не общался с Костиком несколько месяцев. Он заботливо спросил как дела у Кости, у Веры и, может быть, помочь им найти общий знаменатель в планировании свадьбы. Друг очень удивился такому предложению и напомнил, что обычно Витя даже говорить слово «свадьба» отказывается. Они посмеялись и Костя продолжил:

– Я собственно что? – задал он риторический вопрос, – Верка тащит завтра на концерт, давай с нами? Тестировщицу свою возьми, а?

– Ну, – озадачился Витя, почесав щёку, – Хорошо.

Они договорились о времени и месте встречи и, вспомнив, что забыл про водные процедуры, Виктор пошел умыться. «Что же я забыл?» – задавался он вопросом, ополаскивая лицо холодной водой. Слегка похлопав по щекам, он

глянул в зеркало. Ровненькая до противного борода, вчера ходил в барбершоп. Ну, хоть волосы не подвели – торчат во все стороны после сна. Он улыбнулся самому себе и подмигнул. Вернулся в зал и, включая ноутбук, вспомнил про голо-совое сообщение. Витя набрал четырехзначный номер, прослушал приветствие от робота с повторением номера и времени из смс и сел за письменный стол, сложив руки в замок и разглядывая сетчатые белые гардины.

– Виктор Лимов, – произнёс приятный женский голос, – кодовое имя Тритон, – голос девушки показался знакомым, – Вы успешно выполнили тестовое задание, – Почему-то у Вити навернулись слёзы на глаза, – И приняты на позицию, – дрожь по всему телу, – администратора миров. – Витя не сдержался и заплакал, прикусывая верхнюю губу. Теперь он вспомнил всё. До мельчайших подробностей. И больше никогда не забудет.

– Пожалуйста, посетите Хроники Вечности в течение трёх суток по вашему времени для заключения договора, – закончила девушка, и звонок оборвался.

Витя вытер руками слёзы и широко улыбнулся.

Продолжение следует. Ждите!